ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2013, № 2

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора ……. 5

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

Сизикова В.А. «Конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм»? Исторические и политико-философские истоки формирования современной политической модели КНР …… 8

Селиверстова Ю.А. Влияние иностранной диаспоры на изменения социально-экономической жизни шанхайского общества 20–30-х гг. XX в. …….. 19

ВОСТОК–ЗАПАД: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Саламов Э.В. Проблема Сеуты и Мелильи в современных испано-марокканских отношениях …… 32

Курылев К.П. Украинско-афганские отношения: история и современность … 41

Петров Д.И. Помощь США Тайваню в сфере образования в послевоенный период (1951–1965) …….. 49

Шен Й.Н. Отношения Российской Федерации и Турецкой Республики в контексте евразийской геополитической концепции ……. 56

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Фесюн А.Г. Лисснер – отражение Зорге …… 74

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гвоздева Т.Б. «Олимпийские игры: история и современность». Научная конференция «Восток и Запад: приоритеты эпохи» (Москва, 13 апреля 2012 г.) ... 95

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Цмилянич М. К вопросу о дискуссии по проблеме развития византийского города (М.Я. Сюзюмов – А.П. Каждан) ……. 102

НАШИ АВТОРЫ …… 108

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2013
© Вестник Российского университета дружбы народов, 2013

SCIENTIFIC JOURNAL

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series
WORLD HISTORY

2013, № 2

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editor's note …….. 5

STUDIES ON CHINESE HISTORY

Sizikova V. 'Confucian capitalism' or 'Confucian socialism'? Roots of the Chinese modern political model formation …… 8

Seliverstova Y. Changes in the socio-economic life of the Shanghai society under the influence of the foreign community in 1920–30's …….. 19

EAST AND WEST: DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

Salamov E. The problem of Ceuta and Melilla in the context of the modern relations between Spain and Marocco ……. 32

Kurylev K. Ukraine's policy in Afghanistan …… 41

Petrov D. U.S. aid to Taiwan in education in the post-war period (1951–1965) …. 49

Şen Y.N. The relations between Russian Federation and republic of Turkey in the contetext of Eurasian geopolitical conception …….. 56

DOCUMENTS AND PUBLICATIONS

Fesyun A. Lissner – mirror image of Sorge …… 74

SCIENTIFIC LIFE

Gvozdeva T. «The Olympic Games: History and the Present». Academic conference «The Occident and the Orient: Priorities of the Age» (Moscow, 13 April, 2012) ……. 95

YOUNGS SCHOLARS REPORTS

Cmilyanich M. The discussion about the development of the Byzantine city (M. Syuzyumov – A. Kazhdan) …… 102

OUR AUTHORS …….. 108

© Peoples' Friendship University of Russia, Publication, 2013
© The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2013

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СВЕТ С ВОСТОКА

Процессы глобализации неизбежно ставят человечество перед проблемой унификации ценностей, аксиологических ориентиров, духовных скреп. Однако предметом серьезной дискуссии является вопрос о том, что понимать под «унификацией». Является ли этот процесс формированием некой единой заданной матрицы для планетарного менталитета? Кто сформулирует новые смыслы, внесенные в повестку дня? Что является общечеловеческими ценностями и существуют ли они в действительности? Сегодня очевидно, что мир активно движется в сторону англо-саксонского проекта либерального мира, «плавильного котла».

Небезынтересно вспомнить, что это понятие вошло в политическую лексику после премьеры в 1908 г. в Колумбийском театре Вашингтона одноименной пьесы. Автором произведения был известный британский драматург, выходец из России Израил Зангуилл. Весьма знаковым было присутствие на премьере Президента США Теодора Рузвельта. В финале главный герой произносит патетическую речь: «Вот он великий плавильный котел!.. Кельт и латинянин, славянин и тевтонец, грек и сириец, черный и желтый… Здесь все они и объединяются, чтобы создать Республику Людей и Царство Божие…». То есть, следуя посылу автора, американцы воплощают в себе достоинства всех людей, следовательно, обречены логикой исторического развития следовать в авангарде социально-политических процессов, создания Царства Божия на земле. К этому активно призывает и протестантизм, призывающий брать от жизни все: здесь и сейчас. Так, по сути дела, формировался американский мессианизм, заложенный в концепции Божьего града на земле еще первыми переселенцами. Значит, унификация мира в его американизации. Либеральный проект был сначала предложен, а в конце XX – начале XXI в. навязан миру как стандарт.

Однако очевидным остается факт, что не всякий успешно функционирующий в одних цивилизационных границах проект может быть успешен при механическом перенесении его в инокультурную среду. В свое время К. Маркс в фундаментальной работе «Британское владычество в Индии» по-

казал деструктивные последствия внедрения колонизаторами в Индии демократических принципов и разрушения традиционного общинно-иерархического уклада. Катастрофой и провалом заканчивались и попытки «демократического транзита» на российской почве. Отмечается устойчивая связь попыток западных, либеральных реформ российского государства с феноменом «русской смуты»: от Лжедмитрия I до М.С. Горбачева.

В этой связи осмысление евразийского наследия является сегодня чрезвычайно актуальной методологической проблемой не только в теории, но и на практике, Л.Н. Гумилев утверждал, что «Россия будет спасена только как евразийская держава».

Геополитические прогнозы евразийцев во многом опередили свое время. Противопоставляя Россию-Евразию романо-германскому миру (Западу), теоретики евразийства отдавали себе отчет, что это противопоставление сохранится на длительную историческую перспективу. Вектор русофобии стабильно определял и определяет геополитическую доминанту Запада. Бескрайние просторы неведомой Руси, богатой пушным зверем, лесом, полезными ископаемыми, манили, привлекали, вызывали зависть и одновременно подсознательную боязнь и ненависть Запада. Ключевой идеей в новое и новейшее время на Западе становится мысль, изложенная в сфальсифицированном документе, известном как «Завещание Петра I», о России, стремящейся к покорению и установлению монгольского господства над современным обществом, формировался образ России как «варвара на пороге», усиленно индокринировался в сознание европейцев миф о русских как об азиатском диком народе.

Целенаправленно сближались образы Российской и Османской империй. Истерия в британских СМИ XIX в. дошла до апогея в утверждениях о том, что «русские хуже турок». Об этой единой антироссийской позиции Запада в 1879 г. писал Н.Я. Данилевский. Запад постоянно поддерживал отношения и с Россией и с Османской империей на градусе кипения, подливая огонь в тлеющие турецко-российские противоречия. Осознание единства интересов Турцией и РФ сегодня в контексте концепции евразийства имеет особенно важное значение. Об этом Шен Йунус Нади рассуждает в статье, посвященной изучению отношений Российской Федерации и Турецкой республики в контексте евразийской геополитической концепции.

Сегодня мир стоит на пороге очередного витка конкуренции восточного и западного глобальных проектов. Лидером экономического роста становится Поднебесная. Китай ставит мир перед альтернативной социально-экономической моделью. Речь идет о выборе между даосской культурой и конфуцианским торговцем, между современностью и традиционностью. Об этом и не только – в статьях В.А. Сизиковой “Конфуцианский капитализм” или “конфуцианский социализм”? Исторические и политико-философские истоки формирования современной политической модели КНР» и Ю.А. Сели-

верстовой «Влияние иностранной диаспоры на изменения социально-экономической жизни шанхайского общества 20–30-х гг. XX в.».

Обсуждению опыта диалога и взаимодействия цивилизаций Востока и Запада посвящены статьи Э.В. Саламова о проблеме Сеуты и Мелильи в современных испано-марокканских отношениях, Д.И. Петрова о влиянии США на реформирование системы образования Тайваня, К.П. Курылева о политических и экономических контактах Украины и Афганистана.

В этом выпуске мы продолжаем публикацию материалов, подготовленных А.Г. Фесюном, о немецком разведчике И. Лисснере.

В постоянной рубрике «Слово молодым ученым» представлена работа М. Цмилянич о научной дискуссии по проблеме развития византийского города в отечественной исторической науке.

В рубрике «Научная жизнь» – отчет Т.Б. Гвоздевой о конференции «Восток и Запад: приоритеты эпохи. Олимпийские игры: история и современность», которая была организована и организована кафедрой всеобщей истории и состоялась 13 апреля 2012 г. на факультете гуманитарных и социальных наук РУДН.

И в заключение хотелось бы отметить немаловажное обстоятельство. В целом история XXI в. будет заключаться, на уровне геополитической стратегии, в противостоянии двух основных центров силы: США и КНР. Роль евразийской России как третьей силы будет сводиться к исполнению функции геополитического арбитра, регулятора крана стратегического могущества. Важно осознавать необходимость поддержки геополитического баланса интересов России и с Западом, и с Востоком, сознавая главное. Несмотря на западоцентризм, въевшийся в сознание российской элиты, судьба России не на Западе, а на Востоке. Поэтому заявке на мандат на мировое господство и демократический транзит, осуществляемый силовыми спецоперациями НАТО, следует противопоставить «свет с Востока», опирающийся на культурно-этническое многообразие современного мира и множественность форм демократии. В этом и состоит историческая миссия России.

Главный редактор
доктор исторических наук, профессор
С.А. Воронин

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

«КОНФУЦИАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ» ИЛИ «КОНФУЦИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»? ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КНР

В.А. Сизикова

Фольксваген Груп Финанц ООО
Ул. Обручева, 30-1, Москва, Россия, 117485

Статья посвящена поиску причин образования таких феноменов политической культуры, как «конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм». Автор размышляет о влиянии традиционных политико-философских учений в исторической ретроспективе, пытается ответить на вопрос, каковы истоки формирования уникальной китайской политической модели, каковой она является сегодня.

Ключевые слова: Китай, конфуцианство, модернизация, социализм, капитализм, реформирование.

По данным ведущих новостных агентств, одними из наиболее читаемых новостей мира, входящих в десятку лидеров по популярности в начале XXI в., стали новости из Китая – рост его экономики, уровня ВВП, отчеты о результатах модернизации и реформ государственного масштаба.

Это говорит об огромном интересе, которое мировое сообщество испытывает к курсу и политике этого в недавнем прошлом аграрного государства, более половины населения которого находилось за чертой бедности.

Что же мы видим сегодня? За сравнительно короткий срок – в несколько десятков лет – это государство не только преодолело кризисную экономическую ситуацию, но и сумело выйти на новый уровень политического развития.

Многие политические деятели, ученые и исследователи небезосновательно связывают экономические успехи Китая и других государств Восточной и Юго-Восточной Азии с влиянием конфуцианства как этико-политической системы, в течение нескольких тысячелетий определявшей

нормы морали и общественные традиции и выработавшей определенные стереотипы в сознании народов Азиатского региона.

Реформы, благодаря которым азиатские государства добились своих экономических успехов, превратили их политический строй в свойственный только этому региону феномен, который можно обозначить как «конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм», в зависимости от специфики идеологии государства.

Сочетание многоукладной рыночной экономики с социальной и политической стабильностью превратило восточноазиатский регион в наиболее динамично развивающийся в мире во второй половине XX в.

Любая модель экономики и политики может существовать и развиваться только в определенной культурной среде. Поэтому когда речь заходит о загадке «восточноазиатского чуда», то отгадка связана с особенностями традиционной культуры, т.е. с «восточноазиатским конфуцианством» (1).

Долгое время конфуцианство было официальной императорской идеологией Китая. Однако в 1949 г., сразу после основания КНР, Мао Цзэдун начал компанию, поставившую конфуцианство под запрет. Лишь по прошествии нескольких десятилетий, с приходом Дэн Сяопина в 1978 г. учение Конфуция вновь признается «фундаментальной ориентацией китайской культуры». Таким образом, конфуцианство как этико-политическое учение получило новое звучание во второй половине XX в.

Конфуцианство зарождалось в эпоху, когда происходил активный поиск оптимального соотношения интересов человека, общества и государства. Возможно, поэтому одной из важнейших задач конфуцианской культуры стало формирование гармоничного общества на основе гармонии в человеке, а одной из главных особенностей конфуцианства следует считать гуманизм, а также этическое или нравственное общественное начало и основанный на нем метод управления государством.

Привлекательность правления, основанного на моральном престиже, состоит в том, что оно соответствует характеру глобализованной жизни, сложному комплексу динамичных информационных потоков, человеческих взаимодействий и рыночных отношений, а также избегает подавления, что в свою очередь не вызывает в обществе стремления к сопротивлению и агрессии. Ученые и политики не предполагают, что история Китая может служить моделью для современности, но считают, что конфуцианская парадигма политического управления весьма актуальна, так как глобализация без глобальной этики может произвести больше «проигравших», чем «выигравших» (2).

Итак, конфуцианство как политическая теория является для Китая интегрирующей основой национальных общественно-политических идеалов существовавших в китайском обществе на протяжении двух тысячелетий.

Весь политический лексикон КНР также построен на конфуцианских понятиях и конфуцианской терминологии. Рассматривая одни из наиболее

часто произносимых терминов «Дао» как «путь», «предназначение», а «Дэ» как «мораль», «нравственность», «благость», мы зачастую не может найти однозначных наименований в нашем словаре. А ведь понятие «Дэ» лежит в основе китайской картины мира и занимает центральное место в государственной доктрине, на базе которой сложилась политическая структура императорского Китая (3).

Одним из классических образов совершенного императора в Китае является Полярная звезда, гармонизирующая мироздание, которая сама по себе неподвижна, но заставляет вращаться вокруг себя все остальные звезды. В этом образе совмещается «Дао» и «Дэ» как взаимодополняющие и нераздельно существующие элементы, управляющие обществом и государством.

Таким образом, одной из особенностей китайского политического словаря можно назвать плюрализм, многообразие или многосложность значений. Именно в этом в первую очередь состоит основная трудность при переводе на иностранные языки. Однако в китайском языке все эти термины представляют единую систему, имеющую собственный механизм и порядок связи. При переводе весь этот механизм выходит из строя, превращаясь в набор понятий, зачастую не несущих того смысла, который вкладывался изначально китайской стороной.

Еще одна особенность – в том, что для правильного понимания китайской политической терминологии необходимо знать историю каждого термина. Однако основные термины китайского политического словаря появились еще в период «осевого времени» (в VI–III вв. до н.э.) и за долгую многовековую историю они приобрели множество смежных значений и уточнений. Однако политики в КНР хорошо владеют знанием канонических текстов, как и многие рядовые граждане, воспитанные на произведениях конфуцианской традиции. Так, например, такое понятие, как «фа» – закон на первый взгляд не требует комментариев. Однако, зародившись также в эпоху «осевого времени», этот термин принадлежал легистам, которые трактовали «фа» как принцип всеобщности закона и равенства всех перед законом, исключая, однако, его творца или правителя. Таким образом, в официальных обращениях и призывах руководителей КНР мы часто слышим, что необходимо управлять страной не только на основании «фа», но и на основании «дэ», что совершенно понятно при правильном понимании всех нюансов значения этого термина.

Еще одной особенностью китайской политической терминологии можно назвать разницу в так называемых «внутренних» и «внешних» трактовках ключевых терминов политиками в пределах конфуцианского политического региона и за его условными границами. Так, термины, предназначенные для «своих», переводятся официальными СМИ в Китае для внешнего мира неполно и односложно. Такой перевод не отражает всю специфику того или иного термина.

Обратимся к понятию «сяо кан», являющегося одним из ключевых в китайском политическом словаре и без которого невозможно понять специфи-

ку модернизации КНР. Официальная газета «Жэньминь жибао» и агенство Синьхуа в переводе на западные языки трактуют «сяо кан» как «строительство среднезажиточного общества» или «общества малого благоденствия». Но такой перевод не только не отражает всей полноты смысла данного термина, но более того, обращение к нему знаменует качественный сдвиг в истории развития китайской цивилизации на современном этапе и будет играть все возрастающую роль не только внутри страны, но и на внешней арене, ибо «сяо кан» приведет к мобилизации всех ресурсов, заложенных в генетический код нации основателями китайской цивилизации (4).

Этот конфуцианский термин, произнесенный в 1949 г. Чан Кайши для обоснования политического строя на Тайване, через тридцать лет был повторен Дэн Сяопином в КНР, послужив обоснованием модернизации и реформ государственного масштаба уже материкового Китая. В Южной Корее «сяо кан» стал основой государственной программы «всеобщего благосостояния». Таким образом, прослеживается прямое отношение стран восточноазиатского региона к традиционному конфуцианству, как на культурологическом, так и на социально-политическом уровне.

Для понимания специфики современного политического процесса в КНР необходимо обратиться к истории этого термина. Понятие «сяо кан» появилось более двух с половиной тысячелетий тому назад, и впервые мы встречаем его еще в «Ши цзине». Согласно данным древних источников «Ши цзин» складывался в течение XI–VI вв. до н.э. и включал более трех тысяч стихотворных произведений. По версии Сыма Цяня (прибл. 145–87 гг. до н.э.) сам Конфуций отредактировал «Ши цзин» и оставил всего 305 произведений, соответствующих «ли» (ритуалу) и «и» (долгу) (5).

Действительно, как говорит трактат «Лунь юй» («Беседы и суждения»), наиболее точно отражающий взгляды Учителя, Конфуций придавал первостепенное значение «Ши цзину». Он искал в нем глубинные духовные основания гармонизации Поднебесной, движущим мотивом поиска служило для него наличие состояния хаоса в обществе.

Конфуций для наименования собственной доктрины избрал именно «сяо кан». Следуя этому понятию, он излагает собственную концепцию умиротворения страны. Позднее же данная традиция трансформируется в его «Учение об управлении людьми».

По Конфуцию общество «сяо кан» – это общество, где соблюдаются конфуцианские нормы поведения, общество морали и основанного на ней долга, общество «семейного умиротворения».

Достаточно долгое время в истории Китая детям, начинающим учить иероглифы, давали для чтения учебник – «Канон трех иероглифов», в котором все предложения состояли из трех слов для того, чтобы при их произнесении создавался ритмический эффект, помогавший детям их запоминать. Это был своего рода букварь, первая фраза которого гласила: «Природа человека добра». Это – одна из фундаментальных идей философии Мэн-цзы.

«Мэн-цзы» (IV–III вв. н.э.) входил в знаменитое «Четырехкнижие», канон конфуцианских текстов. Разрабатывая концепцию своего Учителя – Конфуция, Мэн-цзы усилил ее экономическую составляющую. Свое мнение о «сяо кан» Мэн-цзы конкретизировал в учении о «гуманном правлении». Он выписал своеобразный рецепт оздоровления общества, подробно описав, какие социальные слои и каким образом будут благоденствовать в обществе «сяо кан» (6).

В исследованиях западных синологов обращает на себя внимание утвердившееся мнение о том, что «сяо кан» представляет собой социальную утопию. Однако, входя в общую теорию конфуцианства, это понятие было и остается важнейшим элементом учения Конфуция, декларирующим стремление к построению общества «сяо кан», основанного на гармонии и гуманизме.

Дальнейшее развитие этого понятия приводит нас к эпохе династии Хань, когда конфуцианство получает официальной статус императорской идеологии. Таким образом, теория построения общества «сяо кан» получает и практическую значимость. Впоследствии в Средние века соответственно исторической динамике общества термин «сяо кан» претерпевает определенные смысловые изменения, используясь преимущественно в двух значениях: внутри государства как «символ спокойствия и экономического улучшения» и внутри семьи как «символ относительной зажиточности». Представляется, что именно в этих двух значениях термин «сяо кан» сохранился в сознании китайского народа.

К понятию «сяо кан» обращались многие политические деятели Китая, когда они приступали к каким-либо общественно-политическим и экономическим преобразованиям. Так было и в конце XIX в. в период движения за модернизацию страны, когда термин «сяо кан» вновь возвращается на авансцену китайской истории, но не как самостоятельная концепция, а как необходимый этап в построении общества «Великого единения» (7).

Так, оказавшись вытесненным на Тайвань, Чан Кайши по совету идеолога Гоминьдана, прекрасного знатока канонических текстов Чэнь Лифу, объявил, что он будет строить на острове «сяо кан». Тем самым он хотел показать, что в отличие от коммунистов – приверженцев марксизма – он наследует основные ценности национальной традиции (8).

Но проходит чуть более тридцати лет, и на пороге модернизации и реформ в КНР к идее «сяо кан» обратился Дэн Сяопин. Памятуя об антиконфуцианской кампании 1972–1976 гг., когда средства массовой информации КНР призывали народ «бить Конфуция как крысу, перебегающую улицу», а сам Дэн Сяопин с клеймом последователя Конфуция оказался в ссылке, Дэн осознавал, что только он, со своим авторитетом, может вернуть страну в конфуцианский культурный регион. Идея «сяо кан» понадобилась ему и для подкрепления теоретического обоснования его концепции – «одно государство – две системы», ибо в результате антиконфуцианской кампании КНР на

время уступила Тайваню право наследования традиционной национальной культуры (9).

Итак, понятие «сяо кан» становится символом начатых реформ по модернизации страны. Сейчас можно с уверенностью говорить о реальности и масштабности интеграции «сяо кан» в идеологическую и общественно-политическую жизнь КНР (что видно по решениям 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва, материалам XII, XIII, XIV и XV съездов КПК, решениям ЦК КПК и постановлениям ВСНП по развитию экономики Китая в 1990-е гг., а также планам КНР на 8-ю и 9-ю пятилетки).

На XVI съезде КПК Цзянь Цзэминь внес свой вклад в теорию Дэн Сяопина. Он подразделил процесс строительства общества «сяо кан» на несколько последовательно повышающихся уровней. В докладе Цзян Цзэминя содержание понятия «общество сяо кан» приобрело более широкий, объемный смысл, чем это было у Дэн Сяопина. Помимо чисто экономических характеристик, оно включает в себя уже спектр политических, социальных и культурно-духовных проблем строительства специфически китайского социализма. Общество «сяо кан» предстает, таким образом, как этап реализации социального идеала КПК (10).

Итак, «сяо кан» становится важнейшей категорией общественного развития, представляет концепцию строительства «социализма с китайской спецификой», а также является продолжением в новых исторических условиях традиционной мысли Китая.

Безусловно, последовательное и динамичное развитие Китая во многом обусловлено его государственной идеологией, сформированной на основе системы политических, социальных и философских ценностей. Именно конфуцианские понятия и представления об обществе, как мы видим из истории многих основополагающих политических терминов в КНР, становится определяющим в этом процессе.

Обращаясь к периоду зарождения конфуцианства, мы видим, что уже тогда для него было характерно увлечение проблемами политического характера. Были разработаны различные социально-политические концепции, которые сыграли значительную роль в формировании теории государства и права, легли в основу государственного управления в Китае.

Одним из важнейшим элементов конфуцианства является то, что оно не было направлено на разрушение старого строя, но, наоборот, на сосуществование с ним, постепенно развивая и постигая новое, что явилось таким значимым для всех реформаторов, обращающихся к этому учению: «Тот, кто бережно относится к старому и узнает новое, может быть наставником людей» (11).

Что касается самого образа «наставника людей», управленца, реформатора, руководителя государства, то достойных управлять людьми конфуцианство обозначает понятием «благородный муж». По мнению Конфуция, «управлять – значит исправлять», а с этим в состоянии справиться только

обладающий небесным мандатом правитель Поднебесной и «благородные мужи», избранные не по признакам происхождения, а по своим морально-нравственным качествам.

Идея правильного подбора кандидатов на государственные посты оформилась в Китае в систему экзаменационных испытаний. Данная система прошла длительную эволюцию и существует до сих пор, способствуя формированию управленческой элиты в современном Китае. Именно на экзаменационную систему как важнейшую часть политической и общественной жизни Китая прежде всего обратили внимание первые европейцы (миссионеры, путешественники, торговцы), которые посещали Китай начиная с шестнадцатого века. Так, иезуит Матео Риччи писал о Китае: «Примечательный факт, вполне достойный быть отмеченным как отличный от Запада, состоит в том, что все королевство управляется орденом просвещенных, известных среди народа как философы. Ответственность за упорядоченное управление всей страны целиком и полностью лежит на них и вверено их заботе». Создавалось впечатление, что наконец-то найдено государство, в котором реализована мечта Платона о правителях-философах, более того, сравнение западных и восточных идеальных государств было очевидно в пользу последних (12).

Ф. Фукуяма в своей работе «Конфуцианство и демократия», рассматривая области, где конфуцианство не противоречит демократии, выделил традиционную конфуцианскую систему экзаменов для отбора претендентов на должности в государственном аппарате. Несмотря на то, что в древнем Китае эта система не была по-настоящему открытой, в современном виде, как отмечает Фукуяма, экзаменационная система становится пропуском для выхода на уровень высшего образования и государственной бюрократии, превращаясь тем самым в важный инструмент социальной мобильности. Другими областями, где конфуцианские и демократические принципы не противоречат друг другу, он называет внимание к образованию, высокий уровень которого является важной опорой демократического развития, а также относительную терпимость конфуцианства, что позволяет обществу быть восприимчивым к новациям (13).

В Китае, согласно традиционной формуле, обладать властью означало быть «внутри мудрецом, вовне правителем». Так в представлении китайцев мудрость и власть друг друга определяли и оправдывали. Мудрости как абсолютному знанию, превосходящему все специальное и «предметное», по китайским понятиям, соответствует абсолютная власть, которая сама по себе оправдывает и превосходит все объективные основания, законы и даже средства принуждения. Китайское понятие политики, по мнению ряда исследователей, не имеет ничего общего с публичностью. Тот, кто обладает властью в Китае, не должен быть видим или даже известен. Так, о легитимности говорится в известном трактате «Дао дэ дцин»: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те

правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает» (14).

Идеалом политической концепции конфуцианцев является мир и гармония в государстве. Поэтому во многих высказываниях Конфуция можно найти негативное отношение к бунтам, социальным смутам. В отличие от легистов, считающих метод силы необходимым при управлении государством, конфуцианская теория настаивала на подчинении людей на основе добродетели. Так, в «Люнь юй» можно найти много подтверждений этому: «Если управлять народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться от распоряжений и наказаний и потеряет стыд. Если же управлять народом посредством дэ и поддерживать в нем порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит стыд и будет управляем» (15).

Так, даже императорская власть в древнем Китае не считалась абсолютной, но могла быть передана в случае, если в соответствии с конфуцианскими представлениями она противоречила морально-этическим нормам. На протяжении всей китайской истории мы наблюдаем последовательную смену императорских фамилий. Политика, по мнению Конфуция, должна быть нравственной. Поэтому в учении Конфуция политические и моральные категории рассматриваются даже не как равноценные, но с акцентом на нравственные ценности, которые должны стать основой политики.

В трудах китайских мыслителей мы не находим рассуждений о наилучшей «форме правления». Политика их интересовала лишь с точки зрения средств и способов воздействия на людей, другими словами, с точки зрения реальной эффективности управления. Идеями об институте государства как необходимом средстве налаживания согласия в социуме, а тем самым и гармонизации на космическом уровне пропитан трактат известного конфуцианского ученого и реформатора Ли Гоу «О государственном управлении в традиционном Китае», созданный в XI в. Государственное управление трактовалось там «как деятельность по гармонизации, лечению, следованию канонам и исправлению» (16).

Детальный анализ основных конфуцианских постулатов необходим для понимания китайской государственности, механизмов управления обществом, а также сущности власти – исполнительной, законодательной, и судебной ее составляющих. Все это делает изучение политико-философской мысли Китая особенно актуальным в эпоху, когда руководство многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии вновь обращается к этому учению для обоснования модернизации и реформ, превратив этот регион в самый динамически развивающийся в мире во второй половине XX – начале XXI в.

Представляется, что в восточноазиатском регионе можно выделить различные модели развития, каждая из которых формировалась с учетом на-

циональных особенностей этих стран, но на основе конфуцианских социально-политических представлений и идеалов гармоничного общественного развития. Особенностью КНР, например, по сравнению с Японией, является тот факт, что в противоположность японскому конфуцианскому капитализму Китай строит конфуцианский социализм (17). Таким образом, представляется возможность охарактеризовать страны этого региона в контексте понятий «конфуцианского капитализма» (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея) и «конфуцианского социализма» (КНР, Вьетнам), добившихся значительных успехов на пути модернизации и реформ.

Выделяя важнейшие компоненты успеха модернизации на современном этапе, необходимо отметить традиционную иерархическую общественную структуру, которая выстраивается в соответствии с конфуцианской культурной традицией и служит в Азии основой строения общества и государства. Так, в Китае социально-политическое регулирование строится как вертикальный процесс, основанный на иерархии, при которой власть сосредоточена в руках государственного аппарата, в то время как на Западе управление осуществляется опосредованно, через различные институты и программы, которые формируют экономические, семейные и общественные институты.

Также значимым для Китая является исторически сложившееся понятие коллективизма. В современном Китае оно выражается в принципе «во имя общего забывать о личном, во имя страны забывать о семье», а также легло в основу системы наказаний и правопорядка, также способствуя законопослушности китайских граждан.

Касаясь особенностей политического менталитета китайского народа, необходимо подчеркнуть, что помимо иерархической структуры китайского общества, которая рассматривала государство как единую социальную общность как «семью семей», объединяющую граждан своими моральными обязательствами и выстраивая вертикальный принцип подчинения, а также принципа коллективизма и коллективной ответственности, прочно вошедших в китайскую ментальность, также следует выделить и другие значимые черты характера.

Так, законопослушность и передающаяся из поколения в поколение приверженность традициям, таким как например, почитание родителей, происходит от древнего принципа о равенстве всех перед законом, соблюдении обычаев и является для рядового китайца нерушимой догмой и основой образа жизни. Кроме того, такие черты, как прилежание, послушание и самоконтроль, позволяют многим поколениям китайцев пройти многочисленные экзаменационные испытания для достижения соответствующего положения в обществе. Достаточно отметить, что для того, чтобы выучить китайский язык ребенку с 6 лет необходимо каждый день прописывать несколько десятков новых иероглифов, что с детства учит его прилежанию, спокойствию и выдержке.

Все эти черты сыграли немаловажную роль в формировании политической культуры и менталитета китайской нации.

Сегодня становится все очевиднее, что чем более открытым внешнему миру становится Китай, тем большую роль начинают играть в нем конфуцианские идеалы. Традиционные теории государственного управления успешно развиваются в современном Китае за счет переосмысления традиций и изучения собственной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Чэнь Кайкэ*. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии: Автореф. дисс. … к.и.н. – М., 2001. – С. 11.

(2) *Карадже Т.В., Савин И.Л.* Конфуцианство как основа формирования общественно-политических идеалов современного Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 1 (5). – С. 98–99.

(3) *Меликлетов А.В*. Можно ли определить модернизацию КНР в конфуцианских понятиях? // Общество и государство в Китае. – М., 1990. – С. 203.

(4) *Переломов Л.С*. Конфуций: «Лунь юй» // Восточная литература РАН. – М., 1998. – С. 105.

(5) *Вяткин Р.В*. Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. с китайского и комментарий. – Т. 6. – С. 98.

(6) *Ян Боцзюнь*. «Мэн-цзы» («Мэн-цзы» с переводом на байхуа и комментариями). – Пекин, 1998. – Т. 1. – С. 209.

(7) *Тихвинский Л.С.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века. – М., 1980. – С. 56.

(8) *Меликлетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана (1927–1949 гг.). – М., 1977. – С. 99.

(9) *Дэн Сяопин*. Вэнь сюань (Собрание сочинений Дэн Сяопина). – Пекин, 1999. – С. 167.

(10) *Лукьянов А.Е.* Генезис нравственных категорий (конфуцианское человеколюбие – жэнь) // Китай на пути модернизации и реформ (1949–1999). – С. 114.

(11) *Мартынов А.С.* Конфуцианство, приложение «Лунь юй» // Петербургское Востоковедение. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 219.

(12) *Ушков А.М.* Традиция участия страты чиновников-ученых в управлении Китаем // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 289–290.

(13) *Карадже Т.В., Савин И.Л.* Конфуцианство как основа формирования общественно-политических идеалов современного Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 1(5). – С. 105.

(14) *Задерей Н.В*. Особенности китайского взгляда на политику и сравнительного метода в Китае // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 309–310.

(15) *Мартынов А.С.* Конфуцианство, приложение «Лунь юй» // Петербургское Востоковедение. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 217.

(16) *Задерей Н.В.* Особенности китайского взгляда на политику и сравнительного метода в Китае // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 310.

(17) *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 213.

CONFUCIAN CAPITALISM' OR 'CONFUCIAN SOCIALISM'? ROOTS OF THE CHINESE MODERN POLITICAL MODEL FORMATION

V. Sizikova

Volkswagen Group Finanz
Obrucheva Str., 30-1, Moscow, Russia, 117485

The article is devoted to finding the reasons influencing on appearing of such phenomenons as 'Confucian socialism' and 'Confucian capitalism'. The author reflects on the political and philosophical traditional concepts influencing on the modern China in historical perspective. She tries to answer the question: what are the roots of the unique Chinese modern political model formation?

Key words: China, Confucius, modernization, socializm, capitalizm, reformation.

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННОЙ ДИАСПОРЫ НА ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ШАНХАЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1920–1930-Х ГГ. (1)

Ю.А. Селиверстова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются экономические последствия присутствия иностранной диаспоры в городе, проявившиеся в складывании особенной культурной среды Шанхая и усилении имущественного расслоения горожан. Уникальное территориальное деление в сочетании с влиянием культуры Запада привели к формированию локальных культурных общностей в границах города. Стремительное увеличение населения, развития новых отраслей промышленности, активизации торговой деятельности и распространение городской массовой культуры привели к значительным социальным изменениям в жизни горожан в исследуемый период.

Ключевые слова: Шанхай, китайское общество, урбанистика, культурное взаимодействие, городская культура, традиционная и современная культура.

Изменения, происходившие в социально-экономической и культурной жизни Шанхая первой половины XX в., до сих пор остаются во многом не изученными. Вопрос влияния иностранной культуры на китайское общество вызывает оживленные дискуссии на Западе и в Китае, при этом в отечественной историографии традиционно рассматривается лишь одна сторона этой проблемы: жизнь русской эмиграции в Шанхае, Харбине и некоторых других городах. Помимо этого существует большое количество работ, посвященных идейному и политическому влиянию Советского Союза на положение дел в Китае в тот период.

При этом уникальный и интереснейший опыт взаимодействия китайского населения со 150 тыс. иностранных жителей Шанхая остается без должного внимания. Тема эта заслуживает отдельного и более глубокого изучения, так как именно в рассматриваемый период формировались многие характерные черты, определившие лицо современного Шанхая, который попрежнему остается непохожим на остальные города Китая.

Исследование путей, по которым происходило воздействие западной культуры на жизнь китайского общества, является необходимым этапом в комплексном изучении процесса вестернизации Востока, наблюдающегося в последние десятилетия. Помимо этого анализ происходивших изменений и установление их причин и следствий являются ключом к пониманию мно-

жества социальных процессов, имеющих место в современном мире в условиях глобализации и интернационализации.

Если взглянуть на карту Шанхая, то можно увидеть, что город пересекают крупные реки и каналы, он словно разрезан на множество отдельных островов. Китайские историографы полагают, что данная особенность географического положения повлияла не только на наименования улиц и районов города, но и отразилась на восприятии окружающей действительности местными жителями (2).

Территориальная разобщенность прочно укоренилась в сознании шанхайцев, соотносивших место своего проживания и социальное положение с определенным берегом реки или канала. «На разных берегах внутренних рек селились люди из различных культурных слоев, с определенным уровнем материального достатка, а реки Хуанпу и Сучжоу являлись границей между представителями локальной культуры» (3).

Жители Шанхая традиционно разделяют современные центральные районы города на две части: «верхний угол» (*шан чжи цзяо, shangzhijiao*) и «нижний угол» (*ся чжи цзяо, xiazhijiao*). Верхним углом называют юго-западную часть Шанхая, ограниченную с севера и востока реками Сучжоу и Хуанпу. Нижним углом именуют северо-восточную часть, расположенную к северу от реки Сучжоу (в англоязычных источниках упоминается «*канал Сучжоу*» (4)).

Река Хуанпу, на берегах которой изначально располагалась рыбацкая деревня, в будущем разросшаяся до размеров крупного торгового порта, пересекает город в направлении с юго-запада на северо-восток. Таким образом, верхний угол получил свое название благодаря тому, что располагался в верховьях Хуанпу, хотя географически он находится под нижним углом (5).

В силу исторических реалий верховье Хуанпу совпало с территорией расселения представителей более богатых, известных, предприимчивых жителей Шанхая, так называемых представителей высшего общества, которых стали именовать жителями верхнего угла. Соответственно, население с более низким социальным статусом традиционно селилось на северо-востоке Шанхая, в нижнем углу. «Примерно с 30-х гг. прошлого века жители Шанхая стали называть территорию проживания китайских бизнесменов, иностранцев, представителей интеллигенции и прочих сливок общества верхним углом. Центром этого района являлась улица Сяфэйлу (6), также туда входили дорогие кварталы города, располагавшиеся к юго-западу от нее. Районы Чжабэй, Наньши, а также районы проживания бедного китайского населения к северо-востоку от них называли нижним углом. Туда же включали и район Хункоу» (7).

Современный экономически развитый район Шанхая Пудун, сплошь застроенный небоскребами, расположен к востоку от Хуанпу. В 1920–1930-е гг. этот район был не просто дальней окраиной города, он порой даже не рассматривался как часть Шанхая. Пудун олицетворял собой глухую деревню,

совершенно отрезанную от бурлящей жизни города. Напротив Пудуна, на левом берегу Хуанпу, располагался район Пуси (название можно перевести как «к западу от реки Хуанпу»): он-то и включал в себя верхний и нижний углы. Автор целой серии работ по истории города Ма Шанлун на страницах своей книги «Женщины Шанхая» приводит популярное в те годы высказывание: «Лучше иметь одну койку в Пуси, чем целую комнату в Пудуне» (8).

Данная поговорка позволяет отметить важную деталь: даже нижний угол Шанхая, где селились достаточно бедные слои населения, считался более престижным по сравнению с Пудуном. Три дальние района города, не относившиеся ни к верхнему, ни к нижнему углам, в народе в шутку называли «Сингапуром» (9),' подчеркивая удаленность их от центральных частей (10).

Жители данных районов в наименьшей степени были вовлечены в экономическую и культурную жизнь города. Можно говорить о том, что эти слои шанхайского населения не испытали на себе иностранного влияния. Таким образом, для достижения задач, поставленных в исследовании, более целесообразно сосредоточить внимание лишь на двух крупных районах Шанхая, расположенных к западу от реки Хуанпу, так как именно в этих частях города мы можем наблюдать активные социальные процессы, связанные с экономическим воздействием иностранной диаспоры.

Одними из главных следствий экономического воздействия западной диаспоры явились стремительный рост промышленного сектора города, развитие торговли и активизация финансовых потоков, протекавших через руки населения Шанхая.

Активное экономическое развитие в первой половине XX в. в свою очередь стимулировало значительный приток людских ресурсов из других стран и регионов Китая. В промежутке между 1920–1940 гг. население города росло особенно стремительно.

Если сравнить данные, которые приводят в своих заметках иностранные жители и путешественники, то можно увидеть, что в промежутке между 1930–1940 гг. население Шанхая увеличилось примерно на 50%, с 3 до 4,5 млн чел. (11). Жители соседних провинций, приезжавшие в город в поисках работы или спасавшиеся от военных действий, естественным образом селились в наименее благополучных районах. Они приезжали поодиночке или целыми семьями, стремительно пополняя ряды обитателей нижнего угла. В это же время иностранные граждане, привлеченные возможностью легкого заработка, свободой от уплаты налогов, либеральными законами, выбирали для жизни верхний угол. Представители белой миграции, в 1930-е гг. постепенно покидавшие северные территории Китая, предпочитали перебираться в более спокойные районы Шанхая (12). Для проживания они также выбирали верхний угол, так как он был наиболее европеизированным.

С годами реки и каналы Шанхая продолжали оставаться границей, разделявшей город не только по географическому признаку, но также по имущественному и культурному. Социальный состав районов по обоим берегам реки

Сучжоу отличался достаточно сильно, но при этом нельзя говорить о полной однородности населения внутри этих территорий. Деление не было абсолютным. Французский квартал являлся сердцем верхнего угла, но при этом южнее его располагался Старый город (13) с многотысячным китайским населением.

В пределах верхнего угла проживали выходцы более чем из 30 стран мира, в том числе Индии, Латинской Америки, стран Юго-восточной Азии. Имущественное положение этих слоев также разнилось, но все они были носителями иной, не китайской, культурной традиции. Значительное число жителей нижнего угла были заняты на предприятиях, располагавшихся в верхнем углу, или же они могли вести свой частный бизнес на территории концессии.

Среди китайского населения нижнего угла также выделялась отдельная группа интеллигенции, которая порой не могла позволить себе проживание в более дорогом районе, но по уровню образования и достатка явно контрастировала с большей частью китайских жителей. Ма Шанлун по этому поводу замечает: «…верхний и нижний углы примыкали друг другу слишком близко. Они располагались по двум берегам одной реки, а порой и по двум сторонам одной дороги, одна линия служила границей двух миров. Это и явилось основной причиной того, что верхний и нижний углы не имели четких разграничительных признаков, а от того были подвержены постоянным трансформациям» (14).

Для точного понимания социального состава города необходимо учесть многие факторы: активное развитие новых отраслей хозяйства, взаимодействие восточной и западной культур, сложное переплетение городских и деревенских нравов. Фильм режиссера Чжан Шучуанья «Новогодняя монета» (*Ya Suiqian*), снятый в 1937 г., наилучшим образом отражает весь спектр вышеобозначенных факторов. Сюжет фильма построен на перемещении монеты номиналом в 1 юань между жителями близких районов Шанхая 1930-х гг. Монета переходит от одного жителя к другому, раскрывая особенности городских нравов, демонстрируя контраст жизни бедного и богатого населения. Монета показывает превалирующие ценности различных классов.

Для части обладателей она лишь средство достижения удовольствий, как-то покупка фейерверка или оплата нескольких танцев с девушкой в кабаре. Для других один юань необходим для оплаты недостающей арендной платы за школьное помещение. Состоятельный предприниматель, только что оставивший свою очередную подружку, гуляет с новой пассией по самым популярным клубам и ресторанам. В его ситуации монета служит чаевыми для мальчика, открывающего дверь автомобиля. Для подростка юань является способом оплатить услуги врача, спасающего жизнь его матери. Попадая в руки к жителям различных районов города, монета за несколько дней совершает долгое путешествие, попадая снова в более благополучный квартал, к старику, который в первых кадрах фильма дарит эту юбилейную монету своей внучке в канун восточного Нового года.

Всего за несколько дней монета проходит через руки десятков людей, демонстрируя социально-экономическое положение различных слоев, их внутренние конфликты и моральный облик.

Многие состоятельные китайские семьи, в том числе и представители знатных фамилий, по имущественному положению и месту проживания с полной уверенностью могут быть отнесены к жителям верхнего угла. Но при этом большая часть шанхайцев со средним доходом располагается где-то на периферии между двумя мирами, отчего выявление их принадлежности несколько осложняется. Мы можем говорить о наличии среднего класса китайских жителей, в число которых должны быть отнесены представители бизнеса, интеллигенции, студенческой молодежи, в частности той, что обучалась за границей или в иностранных учебных заведениях, открытых в Шанхае.

Для более точного определения зоны проживания подобного среднего класса Ма Шанлун предложил использовать термин «средний угол» (*чжун цжи цзяо, zhongzhijiao*).

Пытаясь определить социальное положение героини популярного романа о жизни Шанхая тех лет – Ван Цияо (15), он приводит такое рассуждение: «Если решать, из Шанхая она или из деревни, Ван Цияо конечно же чистокровная шанхайка, но если попытаться отнести ее к жителям верхнего или нижнего угла, то скорее всего не удастся найти для нее подходящего определения; такие девушки, как Ван Цияо, очевидно не из нижнего угла, дома стоит мебель из красного дерева, есть домработница, мать регулярно ездит шить новое *ципао* (16), какой же это нижний угол? Но и среди жителей верхнего угла она не особо смотрится, как будто наполовину не дотягивает. Она живет где-то в традиционных *лунтанах* (17), состоящих из *шикумэней*, а возможно и в современном лунтане, где плотной полосой высятся *лилуны*; возможно, она живет в районе Цзинаньсы (18), а может быть на одном из берегов Сучжоу, или даже и в районе Хункоу (19). Географически [Ван Цияо] относится к переходному типу, а с точки зрения социального статуса и уровня культуры находится на определенном расстоянии от верхнего и нижнего углов. Поэтому можно сказать, что ее место обитания – это средний угол» (20).

Рассмотрев основные социальные группы, которыми было представлено население города, следует перейти к изучению экономического воздействия Запада, по-разному отразившегося на каждой из этих групп. Для этого необходимо более подробно охарактеризовать быт и формы хозяйствования иностранных резидентов, проживавших на территории верхнего угла во Французской концессии и Международном сеттльменте.

Если принять во внимание численность китайского населения города в тот период, то получается, что западные резиденты составляли всего около 0,6% от общего числа жителей. Таким образом, оценивая влияние иностранцев на китайское общество, стоит помнить о весьма малочисленном их составе. По данным журнала «Fortune magazine» за 1935 г., белое население иностранных концессий оценивалось примерно в 20 000 чел.: «Исключая

25 000 русских изгнанников (которые не относятся к группе белого населения Шанхая), общее количество постоянно проживающих иностранцев, включая мужчин, женщин, детей… составляет 19 241 чел.» (21). Всего в статье упоминается о жителях 30 стран, в том числе о трех перуанцах, двух кубинцах и люксембуржцах (22).

По данным китайского историка Сунь Мэнъин, к началу 40-х гг. XX в. количество иностранцев в Шанхае достигло уже 150 000 чел. (23). Столь значительное расхождение в представленных подсчетах всего по прошествии пяти лет можно объяснить тем, что при своих вычислениях китайский исследователь включал в ряды иностранцев и японцев, и многочисленных выходцев из Юго-Восточной Азии, индусов, малайцев и прочих. При этом цифра 20 000 чел. в сообщении англичанина относится исключительно к белому населению города, более того, как уже было показано выше, туда не были включены многочисленные мигранты, бежавшие из России после Октябрьской революции и начала гражданской войны. Для нас более важными являются данные «Fortune magazine», так как в задачи исследования входит установление воздействия непосредственно западной диаспоры, а не всего иностранного населения в общем. Соответственно, в данной статье наше внимание в первую очередь будет сосредоточено на влиянии выходцев из Старого и Нового света, именовавших себя Shanghailanders (24), что можно перевести как «шанхайские резиденты».

Зона проживания иностранцев в Шанхае была разделена на два района: Международный сеттльмент с общим населением чуть более миллиона человек и Французскую концессию (также называемый Французский квартал), которые вместе занимали площадь более 12 кв. миль (25).

Вот как охарактеризовал иностранные поселения Джон Гантер, известный европейский журналист, посетивший Шанхай в 1939 г.: «Снаружи и вокруг ее [иностранной территории] располагался огромный Китайский город (320 кв. миль), ныне оккупированный японцами. Если говорить о Французской концессии (с населением 478, 552 чел.), фактически, да и почти формально, это часть Франции. Концессия никак не сообщается с Международным сеттльментом, управляется французским генеральным консулом, и управляется весьма неплохо. Наиболее состоятельные иностранцы Шанхая (как и многие китайцы) проживают в концессии, или как ее еще часто называют во “Frenchtown”» (26).

Мы можем видеть, что в общей сложности население иностранной зоны насчитывало 1,5 млн чел., что составляло примерно 40% от общего числа жителей Шанхая конца 1930-х гг. При общем числе некитайского населения города (включая японцев) в 150 000 чел. иностранцы составляли всего 10% жителей иностранной зоны. Получается, что как минимум еще миллион китайцев проживал в непосредственной близости с иностранным населением, ежедневно испытывая на себе его воздействие.

Многие шанхайские резиденты основались в городе еще до начала Первой мировой войны. В основном это были состоятельные семьи, приехавшие

осваивать молодую шанхайскую экономику из стран Европы и Америки, а также из владений Британской империи. С 1920-х гг. в Шанхай потянулась вторая волна миграции, привлеченная возможностями для приумножения капитала. «Некоторые из шанхайских семей изначально прибыли из городов Багдад и Бомбей (27) (будучи подданными Британской империи) и поселились здесь еще несколько поколений назад, среди них: Hardoons, Fzras, Shamoons, Flis, Kadoories; часть состоятельных граждан переселилась в Шанхай сравнительно недавно, среди них сэр Виктор Сассун. Часть внушительных состояний обитателей Шанхая была сделана на торговле опиумом; впоследствии эти деньги были инвестированы в землю, развитие текстильной и других местных отраслей. Британцы владеют в Шанхае газо- и водоснабжением, а также транспортной инфраструктурой; электричество, энергоснабжение и телефонные линии принадлежат американцам; значительная часть земель принадлежит религиозным ордерам, например французским иезуитам и испанским августинцам» (28).

Ведение дел в городе, не важно, была ли это торгово-промышленная деятельность или сфера обслуживания, требовало от иностранцев постоянного пребывания в Шанхае. Многие европейцы и американцы приезжали со своими семьями, что предъявляло гораздо более высокие требования к местным условиям жизни. С первых же лет пребывания в Шанхае, еще в XIX в., резиденты прикладывали множество усилий, чтобы все блага западной цивилизации, к которым они привыкли у себя на родине, стали доступны и в границах поселений.

С началом стремительного роста числа иностранцев процесс этот шел все быстрее и масштабнее. Иностранцы способствовали значительному ускорению естественных процессов в развитии города. Они совершенствовали систему управления и инфраструктуру города, делая его более удобным для ведения бизнеса. Одновременно они значительно изменили лицо китайского города, привнесли в городскую культуру те атрибуты западной жизни, которые не могли бы возникнуть самостоятельно на китайской земле, как-то: следование европейской моде, повышенный интерес к кинематографу и фотоискусству, популяризация танцев и спортивных соревнований. Таким образом, мы можем говорить о двух основных направлениях, через которые происходило западное экономическое влияние: прямом и опосредованном.

Рассматривая прямое воздействие иностранного бизнеса, стоит отдельно сказать об иностранной торговле. Шанхай изначально, еще до прихода иностранцев, был крупным торговым портом. С середины XIX в., когда он среди прочих приморских городов Поднебесной был открыт для прихода иностранного бизнеса, начался подлинный расцвет его экономической жизни.

С этого времени почти все внешние торговые операции, осуществляемые в порту, проходили через руки иностранцев, прежде всего выходцев с Запада. Китайское население оказалось активным образом вовлечено в выстраивание сложной цепочки посредников и перекупщиков. Ориентированность экономики города на торговлю не могла не сказаться на его населе-

нии, особенно это относится к жителям нижнего угла. Со временем у местных жителей сложилось особенное восприятие мира, некая житейская мудрость, неразрывно связанная с основной сферой их деятельности: торговлей.

Многие писатели и публицисты подчеркивали «коммерческую жилку» шанхайцев. Например, в своем письме к Ляо Лиэ Лу Синь так отметил эту важную особенность: «Местные настроения, на мой взгляд, интереснее будут, чем в Гуанчжоу, потому что здесь очень много людей разных формаций, да и печатных изданий тут больше, не так однообразно, как в Гуанчжоу. Я как в первый день приехал сюда, в газете прочел о себе сплетни, будто бы я приехал книжный магазин открывать. Просто шанхайцы привыкли смотреть на окружающих глазами бизнесменов» (29).

Известная уроженка Шанхая Чжан Айлин, посвятившая добрую половину своих заметок и романов описанию жизни своего родного города, в ответ на критику в адрес земляков написала целый рассказ «Я все же из Шанхая», где так охарактеризовала их: «Шанхайцы – это просто обычные китайцы, закаленные сильным прессингом современной жизни. Диковинные особенности новой и старой культуры сплелись воедино, результат получился весьма не важный, но зато в характере проглядывает какая-то особенная мудрость. Все вокруг говорят, что шанхайцы плохие, но «плохое» тоже имеет свою шкалу. Шанхайцы умеют льстить, заискивать перед сильными мира, добиваться выгоды для себя, потому что они обладают искусством общения, но при этом никогда не перегибают палку» (30).

Можно смело утверждать, что иностранцы внесли заметный вклад в формирование особой шанхайской культуры. Они оказали влияние на развитие предпринимательского духа и создание яркого образа жителя Шанхая, зачастую негативного окрашенного в представлениях остального китайского населения. Говоря об уникальности шанхайской культуры хайпай (haipai), контрастировавшей с культурой более северных частей Китая цзинпай (jingpai), следует сказать об еще одной ее особенности, выделяемой китайскими исследователями. Они полагают, что активная торговая деятельность местного населения в купе с влиянием западных ценностей привели к превалированию материальных ценностей в среде шанхайцев (31).

В частности, местные жители и по сей день характеризуются большей любовью к роскоши, красивой одежде, уделяют больше внимания внешнему виду.

По этому поводу Лу Синь в рассказе «Шанхайские девочки» приводит следующее описание нравов горожан: «Живя в Шанхае, одеваться по моде обходится дешевле, чем носить старомодные одежды. Если на тебе потрепанные вещи, то и водитель трамвая не остановит машину по твоему требованию, охранник в парке будет с особым пристрастием проверять входной билет, а дворецкий частного дома или консьерж в апартаментах, возможно, и не дозволит тебе войти. Вот именно поэтому некоторые горожане предпочитают ютиться в птичьих клетках и кормить клопов, но зато брюки от кос-

тюма с вечера кладут под подушку, чтобы стрелки на обеих штанинах день изо дня оставались ровными» (32).

Другим важнейшим следствием экономического воздействия Запада явилось складывание уникальной шанхайской архитектуры. Здесь речь не идет о культурном синтезе, так как большая часть новых зданий строилась иностранными архитекторами по западным образцам. Заказчиками зданий также выступали почти исключительно европейцы и американцы. В 1920–1930-е гг. население Шанхая росло особенно быстро, в результате чего территория города постоянно увеличивалась.

На этот период времени приходится бум шанхайского градостроительства, активно развивается сфера обслуживания, открываются многочисленные, новые для Китая, заведения. Архитектура Шанхая внутри иностранных поселений во многом отражала западные традиции и образ жизни (33). Развитие инфраструктуры, строительство банков, торговых бирж, крупных магазинов напрямую отвечали потребностям городского хозяйства. Эти достижения за короткий срок сделали Шанхай экономической столицей всей Восточной Азии. Сотрудниками новых банков, адвокатских контор, иностранных представительств и магазинов становились наиболее образованные молодые люди из числа китайской интеллигенции или высшего света.

Другим вектором развития градостроительства были заведения сферы обслуживания и досуга, большая часть которых предназначалась исключительно для иностранцев. В первые годы после открытия ряда заведений вход туда для китайцев был закрыт, к таковым можно отнести гостиничные залы, где проводились частные вечеринки, эксклюзивные салоны красоты, бассейны, спортплощадки для игры в теннис и баскетбол, арены для боксерских боев. Сюда же стоит отнести и сами дома, в которых проживали западные жители, будь то частный двухэтажный дом с садом или многоэтажные апартаменты, построенные европейскими архитекторами.

В первое время, пока западный стиль жизни и культура не стали популярными у китайского населения, экономический эффект от присутствия иностранцев испытывали на себе лишь бедные слои общества, выходцы из нижнего угла. Происходило это за счет найма их для обслуживания увеселительных заведений или в качестве прислуги в дома иностранцев. Неоспоримым является факт того, что комфортность существования иностранцев в Шанхае напрямую зависела от повседневного труда китайцев. Средняя западная семья ежедневно нуждалась в услугах примерно 10 наемных рабочих, не считая садовника, лодочника и отдельного конюха для пони (34).

Помимо этого, поездка в кинотеатр или на скачки, поход к портному, вечер в джаз баре вынуждали западных резидентов находиться в постоянном контакте с теми, кого они порой презирали. Внутри иностранных поселений существовала целая индустрия, создававшая рабочие места для китайского населения, ограждавшая жителей от проблем китайской части города и имитировавшая атмосферу покоя и безопасность.

С течением времени многие элементы западной культуры распространились и в китайской среде. Популяризация азартных игр, кинопросмотров, танцевальных вечеров, джаза и многого другого привела не только к большему разнообразию досуга состоятельных жителей, но и к новым формам экономического взаимодействия различных слоев. Состоятельные китайцы активно включились в освоение этих сфер, вкладывая деньги в современную индустрию.

Так, в 1932 г. наследник одной из богатейших китайских промышленных династий вложил огромные средства в строительство комплекса Paramount Hall, который среди китайцев получил неофициальное название «Первый дворец Востока». Располагавшееся в районе Цзинаньсы шестиэтажное здание представляло собой танцевальный клуб и гостиницу, по-китайски называлось «Байлэмэнь» (Ворота ста удовольствий). Уникально здание было не только своими размерами, но и современнейшей системой подсветки. Благодаря внешнему освещению ночью здание можно было наблюдать почти из каждого уголка Шанхая, тем более что в начале 1930-х гг. мало кто из владельцев подобных заведений мог позволить себе яркое уличное освещение (35).

Новая индустрия развлечений, захватившая весь город, оказала воздействие и на более бедные слои населения. С одной стороны, она давала новые рабочие места, с другой стороны, во многом вела к упадку нравов и развращению части китайского населения. Модные показы, танцы, кино, фотоискусство, печатная продукция нуждались в постоянном притоке рабочей силы. Юноши и девушки из среднего и низшего класса оказались в числе наиболее активных участников этого процесса.

Рассматривая танцевальные заведения Шанхая того периода, мы можем увидеть, как европейская культура через опосредованное экономическое воздействие проникала в жизнь шанхайского населения. Подобная ситуация привела к тому, что вслед за распространением в среде горожан моды на парные танцы стали появляться и профессиональные танцовщицы, которые работали по найму в шанхайских клубах. Состоятельные китайцы, оценившие полезность данного рода увеселительных заведений для установления контактов, проведения переговоров, активного отдыха, получили возможность приходить в клубы без своих жен или подруг. Китайцы называли работавших в клубах девушек *унюй (wu-nv)*, что дословно переводится как танцующая девушка, девушка-танцов-щица (36).

Танцевальные залы 1930-х гг. являлись излюбленными местами проведения досуга, как шанхайской богемы, так и среднего класса. Наличие клиентов из числа известных и уважаемых людей обязывало владельцев заведений предоставлять высочайший сервис (37).

Чтобы гарантировать безопасность клиентов и сохранить хорошую репутацию заведений, управляющим приходилось строго контролировать внутренний распорядок. Танцовщицы *унюй* при приеме на работу проходили регистрацию и должны были подтверждать свои танцевальные навыки.

Так, в Paramount Hall брали на работу лишь девушек, прошедших конкурсный отбор и посетивших танцевальные классы, организованные самим заведением. Помимо этого, в лучших залах также работали профессиональные преподаватели танцев, которые во время работы заведений обучали всех желающих базовым движениям. В основном такие правила касались только самых крупных площадок, так как в заведениях среднего и низкого порядка посетители были из числа простых горожан, а наемные девушки танцовщицы набирались прямо с улицы и, как правило, часто меняли места работы (38). По данным, которые приводит в своей книге историк Си По, ежемесячный доход танцовщиц в Paramount Hall в десять раз превышал уровень заработка среднего сотрудника этого же заведения (39).

Присутствие в увеселительных заведениях Шанхая девушек, за деньги развлекавших гостей, продажа алкоголя, работа заведений до позднего часа, западная музыка и другие особенности данного бизнеса делали танцевальные клубы, джазовые вечеринки, чайные схожими с борделями Шанхая.

Противоречивость новой массовой культуры нашла свое отражение в фильме «Новогодняя монета». Одной из самых ярких сцен картины является признание певицы, выступающей в достаточно престижном месте и, очевидно, относящейся к среднему классу горожан. Устав «продавать собственную плоть» со сцены, она хочет оставить доходную работу и устраивается простой учительницей пения в китайскую начальную школу. Она желает сохранить достоинство, и поэтому обрекает себя на менее сытую жизнь в китайских лунтанах.

Анализируя деятельность иностранцев в городе, можно сделать вывод о двух основных направлениях, через которые осуществлялось западное влияние: прямом и опосредованном. Прямое воздействие выразилось в изменении структуры городского хозяйства и управления, значительном улучшении шанхайской инфраструктуры, активном развитии сферы услуг, осуществлении торговли в тех отраслях, которые прежде не были охвачены китайскими предпринимателями.

Данное влияние затронуло почти всех жителей города, вне зависимости от зоны проживания и уровня достатка.

В первую очередь это произошло благодаря созданию большого количества новых рабочих мест и определенному повышению уровня жизни. Также это влияние способствовало появлению собственного класса крупных предпринимателей среди шанхайского населения. Присутствие европейских резидентов в Шанхае, путем вовлечения большего числа китайских жителей в новые сферы экономики, вело к распространению европейского образа жизни. Многие новшества, привнесенные в жизнь шанхайцев, изначально служили цели повышения комфорта жизни резидентов, оторванных от родных мест.

Но с развитием новых тенденций в социально-экономической сфере и частичной вестернизацией горожан, созданные блага оказались востребованы и в среде китайского населения. Таким образом, экономическое влияние шанхайских резидентов опосредованно привело к распространению западной массо-

вой культуры, увеличению числа людей, занятых в сфере обслуживания, изменению эстетических воззрений шанхайцев, в первую очередь среди населения верхнего и среднего углов. Через массовую культуру шанхайцы приобщились ко многим не свойственным восточному традиционализму видам досуга.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения исследовательского проекта «Воздействие иностранной культуры на социально-экономическую жизнь жителей Шанхая в 20–30 гг. XX века», поддержанного факультетом философии НИУ ВШЭ ТЗ № 19 2012 г.

(2) *Ма Шанлун.* Шанхай нюйжэнь (Женщины Шанхая). – Шанхай, 2007. – С. 1.

(3) Там же. – С. 2.

(4) Soochow Creek.

(5) Шанхай «шан чжи цзяо» хэ «ся чжи цзяо» дэ юлай (Происхождение терминов «верхний угол» и «нижний угол» Шанхая) // http://hi.baidu.com/fishonbund/item/a9cf721931c07d11e3f98638

(6) Ныне центральная улица Шанхая Хуайхайлу.

(7) Шанхай «шан чжи цзяо»…

(8) *Ма Шанлун.* Указ. соч. – С. 3.

(9) В китайском языке название государства Сингапур (Sinjiapo) полностью совпадает с произношением на шанхайском диалекте первых слогов в названии этих районов: Синьчжуан, Цзядин, Пудун.

(10) *Ма Шанлун.* Шанхай нюйжэнь... – С. 17.

(11) См., напр.: *Gunther J.* Inside Asia. – Shanghai, 1939; *Karns M., Patterson P.* High lights, low lights, tael lights. – Shanghai, 1936; Flying Tiger: guide to Shanghai. – New York, 1945.

(12) О миграции русских жителей внутри Китая в 1920–1930-е гг. подробнее см.: *Хисамутдинов А.А.* История. Русская община в Шанхае // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 5. – С. 133–138; *Ипатова А.С.* Российская эмиграция в Шанхае: русские музыканты и русская музыка (1920–1930-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5. – С. 141–157 // http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/22941292

(13) Небольшая территория в центральной части города, зажатая в кольце улиц, где после образования иностранных поселений по-прежнему продолжало проживать китайское население Шанхая.

(14) *Ма Шанлун.* Указ. соч. – С. 5.

(15) *Ван Аньи.* Чан хэн гэ (Песня вечной скорби). – Пекин, 1995.

(16) Традиционный китайский женский наряд, изначально распространенный в среде маньчжурской знати.

(17) Традиционная форма застройки старого Шанхая, характерная как для центральных, так и для периферийных районов города. *Лунтаны* представляли собой целые улицы или маленькие районы, состоящие из отдельно стоящих *шикумэней* или же объединенных *лилунов*.

(18) Один из центральных районов Шанхая. В 1930-е гг. Цзинаньсы ограничивал с запада Французскую концессию. В этом районе уже почти не проживали иностранцы, зато среди китайского населения он считался достаточно престижным.

(19) Район Шанхая, расположенный севернее Международного сеттльмента. Во время японской оккупации район Хункоу был почти полностью населен японцами.

(20) *Ма Шанлун*. Шанхай нюйжэнь... – С. 5.

(21) The megapolis of continental Asia // Fortune magazine. – 1935. – Vol. XI. – № 1 // http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune.htm

(22) Idem.

(23) *Сунь Мэнъин*. Лаошанхай дэ янжэнь (Иностранцы старого Шанхая). – Шанхай, 2010. – С. 6.

(24) The megapolis of continental Asia. Op. cit.

(25) *Gunther J.* Inside Asia. – Shanghai, 1939 // http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/short/asia.htm

(26) Idem.

(27) Ныне Мумбаи.

(28) Idem.

(29) *Лу Синь*. Письмо к Ляо Лиэ // http://luxun.baike.com/article-282408.html

(30) *Чжан Айлин*. Даоди ши шанхайжэнь (Я все же из Шанхая) // Цачжи. – 1943. – № 5. – С. 16.

(31) См. например: *Чэнь Цунвэнь*. Лунь хайпай (О хайпай) // http://www.ccview.net/htm/xiandai/wen/shencongwen071.htm; *Лу Синь*. Цзинпай хэ хайпань (Цзинпай и хайпай) // http://www.tianyabook.com/luxun/qjtz1/002.htm

(32) *Лу Синь*. Шанхайские девочки // http://www.en84.com/thread-285-1-1.html

(33) См., напр.: *Сунь Мэнъин*. Лаошанхай дэ янжэнь...

(34) Appendix III: Extract from a Taipan's Budget // Fortune magazine. – 1935. – Vol. XI. – № 1 // http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune5.htm

(35) Шанхай чжэньдан (Редкие хроники Шанхая) / Под ред. Си По. – Шанхай, 2007. – С. 3–5, 9-12.

(36) Там же. – С. 12.

(37) *Дай Юньюнь*. Шанхай сяоцзе (Шанхайская девушка). – Шанхай, 1999. – С. 93.

(38) Шанхай чжэньдан… – С. 11–12.

(39) Там же. – С. 13.

CHANGES IN THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE SHANGHAI SOCIETY UNDER THE INFLUENCE OF THE FOREIGN COMMUNITY IN 1920–30'S

Y. Seliverstova

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

In article discussed the process of a transformation of Shanghai community This paper shows that for the proper understanding of the process of a transformation in Shanghai community it is highly important to emphasize the synthesis of Eastern and Western culture and to reveal the impact of foreign investments on the social and economic life of citizens in this period. From this perspective, we suggest that there was a significant effect resulted in social changes both within the Chinese citizens and Shanghailanders.

Key words: Shanghai, modern Chinese society, XX century China, gender history, influence of the western culture, change of traditional values.

ПРОБЛЕМА СЕУТЫ И МЕЛИЛЬИ В СОВРЕМЕННЫХ ИСПАНО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Э.В. Саламов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу отношений между государствами Испания и Марокко с точки зрения испанской стороны в контексте территориального спора по поводу городов Сеута и Мелилья, находящихся на севере Африки. Испания рассматривает города в качестве интегральной части своей территории, обладающей определенной стратегической, военной и экономической ценностью.

Ключевые слова: Сеута, Мелилья, Испания, Марокко, испано-марокканские отношения, территориальные притязания, Северная Африка.

Испано-марокканская граница представляет собой не только линию, разделяющую территории двух государств, но также рассматривается в качестве условной границы между цивилизациями Востока и Запада. Эта граница была установлена в результате множества столкновений и перемирий, и она может служить в качестве определенного «водораздела» между Испанией и Марокко, христианством и исламом, Европой и Африкой, территориями стран – членов ЕС и территориями, не входящими в ЕС, богатым Севером и бедным Югом, а также метрополией и колониями (1).

Испано-марокканская граница разделила два мира, население которых живет в различных географических, исторических, политических, социально-экономических и культурных условиях.

Испано-марокканские отношения в постколониальный период можно рассматривать как «колеблющиеся». Культурная, географическая и историческая близость традиционно переплетались с недоверием между двумя странами, геополитическими конфликтами и религиозным противостоянием. В связи с этим можно следующим образом охарактеризовать отношения

между двумя странами: «Испания и Марокко – два соседа, вынужденные понимать друг друга» (2).

Со времени получения своей независимости королевство Марокко предъявляет претензии на территории Сеуты и Мелильи и выдвигает требования о присоединении этих городов к своей территории. По мнению марокканской стороны, испанская принадлежность Сеуты и Мелильи нарушает территориальную целостность государства.

7 апреля 1956 г. была подписана Декларация, по которой Марокко признавалось в качестве независимого государства и переставало быть колонией. По этому соглашению страны-метрополии должны были покинуть территорию государства, «подтверждали готовность уважать территориальную целостность Марокко и обещали принять все необходимые меры для достижения данного результата». Помимо независимости Марокко документ также обеспечивал сохранение прав и свобод испанцев в Марокко и марокканцев в Испании. Также Испания обязывалась оказать содействие марокканской стороне в организации собственных вооруженных сил.

Однако Сеута, Мелилья и ряд островов в Западном Средиземноморье остались под властью испанской короны, что подтвердил король Испании в 1961 г. в Белграде.

Претензии Марокко к «узурпированным» территориям Сеуты, Мелильи и островов в Средиземноморье получили широкую поддержку в мировом сообществе. Результатом такого широкого общественного резонанса стало принятие множества различных резолюций.

Совет Министров Организации Африканского Единства (с 2002 г. – Африканский Союз) во время 24-го Очередного заседания в городе Аддис-Абеба (Эфиопия), проходившего с 13 по 21 февраля 1975 г., принял Резолюцию 389 XXIV по вопросу колониальных анклавов на северном побережье Марокко.

В документе Совет министров выражает свою глубокую солидарность и поддержку в вопросе претензий королевства Марокко к Испании по поводу территориальной принадлежности анклавов Сеута и Мелилья и настаивает, чтобы Комитет по Деколонизации ООН принял необходимые меры с целью осуществления деколонизации вышеупомянутых территорий. Кроме того, в резолюции обозначены требования к Испании об акселерации процесса деколонизации территорий и о начале переговоров между Испанией и Марокко по данному вопросу (4).

Совет Лиги Арабских Государств, со своей стороны, во время 63-го Очередного заседания, проходившего с 4 по 26 апреля 1975 г. в Каире (Египет), принял Резолюцию № 2334, по которой ЛАГ выражал свою «абсолютную поддержку претензий королевства Марокко к Испании по поводу возвращения оккупированных территорий Сеуты, Мелильи и островов в Средиземном море» (5).

Совет министров иностранных дел Организации Исламской Конференции на своем 6-м очередном заседании, проходившем в городе Джидда

(Саудовская Аравия) с 12 по 15 июля 1975 г., также принял Резолюцию, в которой говорилось о полной поддержке Марокко в вопросе претензий к Испании по поводу власти марокканской стороны над городами Сеута, Мелилья и прилегающими островами.

Важно отметить, что помимо арабских стран обоснованность претензий Марокко к данным территориям проявили и более «обширные» в территориальном смысле организации. Таким образом, на заседании Движения неприсоединения, проходившем с 25 по 30 августа 1975 г., было заявлено о том, что страны – участники Организации выражают свою всеобъемлющую поддержку королевству Марокко в его претензиях к Испании и призывают Испанию начать прямые переговоры с Марокко с целью принятия мер по немедленному возвращению территорий (6).

Однако ради сохранения международных связей с Испанией марокканская дипломатия приняла решение не усугублять проблему односторонними действиями и пошла по пути двусторонних переговоров между государствами. Это объясняет невключение Сеуты и Мелильи в список неавтономных территорий, одобренный комитетом ООН, несмотря на возможную поддержку международного сообщества, на которую могло бы рассчитывать Марокко.

В результате марокканская сторона связала вопрос деколонизации Сеуты и Мелильи с проблемой возвращения Гибралтара Испании. Однако начиная с 1986 г., в связи с изменениями в британско-испанских отношениях и вступлением в силу закона об иностранцах, по которому марокканское население Сеуты и Мелильи приравнивалось к статусу иностранцев на территории городов, испанская сторона отказалась от идеи таких двусторонних переговоров, аргументируя это необходимостью более тщательной выработки решения вопроса анклавов (7).

Не имея ответов на поставленные проблемы, Испания и Марокко приняли решение не нарушать сложившийся статус-кво. Социалистическая партия, находившаяся у власти в Испании, не пожелала дать городам автономный статус, вместо этого предложив им более широкие полномочия, исключив при этом некоторые из них из ведения городов (например законодательные).

Важно отметить, что в реальности интерес Марокко к территориям Сеуты и Мелильи в первую очередь связан с возможностью использования этих территорий в качестве средства давления и переговорной базы в своих отношениях с Испанией и ЕС по вопросам торговли, рыбной ловли и иммиграции. К тому же необходимо помнить, что ООН и Африканский союз больше заняты вопросами мира и интеграции в Африке, чем проблемами бывших колоний, соответственно, Марокко находится в положении, когда государству просто необходимо «подогревать интерес» к этой проблеме, дабы она не была забыта.

Значимой предпосылкой изменения статуса Сеуты и Мелильи может стать серьезный рост населения с марокканскими корнями: теоретически

городам может быть присвоен статус колоний в связи с возможным преобладанием мусульманского населения над испанским.

Сегодня существует позиция, что Марокко активно пользуется своим статусом союзника США и Франции в Магрибе и использует «исламскую угрозу» в Европе и нынешнюю слабость Мадрида применительно к вопросу о Сеуте и Мелилье. Действительно, Испания находится сегодня не в лучшем экономическом и политическом положении: сепаратистские движения в Каталонии и Стране Басков, которые фактически покрывались социалистическим правительством, политика, направленная на дезинтеграцию Испании на отдельные нации, экономический кризис и т.д. – все это в значительной мере способствовало ослаблению испанской экономики и политической силы. Также позиции США и Франции показывают, что они «даже пальцем не двинут ради интересов Испании» (8). К тому же Рабат получал от социалистического правительства, находившегося у власти в Испании до конца 2011 г., недвусмысленные знаки одобрения стремлений Марокко, что выражалось в сокращении гарнизонов в Сеуте и Мелилье, а также в неоднозначной политической пропаганде, касающейся статуса этих городов.

Иммиграция является одной из важнейших проблем, так как с каждым годом в Сеуту и Мелилью приезжает все больше марокканского населения. Существует даже мнение, что проблема принадлежности городов будет решена сама собой, когда «марокканцы составят большинство населения Сеуты и Мелильи» (9). Однако, с другой стороны, необходимо отметить, что рост численности мусульманского населения никак не влияет на юридический, административный и политический статус автономных городов как интегральной части Испании.

За возвращение Сеуты и Мелильи и сегодня продолжают выступать все политические силы Марокко. Предложения марокканской стороны сводятся в основном к созданию «зоны безопасности в Гибралтарском проливе под защитой «трех корон» (Испания, Марокко, Великобритания) и, таким образом, объединяют в одном пакете решение проблем Гибралтара, Сеуты и Мелильи, одновременно сосредоточивая контроль над зоной пролива в руках прибрежных стран.

Такое объединение двух важнейших национальных проблем не устраивает Испанию, утверждающую, что она никогда не проводила «колониальную политику в отношении Сеуты и Мелильи» и что эти города, в отличие от Гибралтара, никогда не были включены ООН в список территорий, подлежащих деколонизации (10).

Испания считает претензии Марокко на территории Сеуты и Мелильи «абсурдными и дикими» и не имеющими под собой ни юридических, ни исторических оснований: «Данные претензии представляют собой демонстрацию того, как монотонное повторение одного и того же тезиса, который никогда не существовал, делает его реальным» (11).

В отличие от конфликта Великобритании и Испании по проблеме Гибралтара, который являлся частью Испании за два века до того, как Велико-

британия получила эту территорию в результате войны за испанское наследство (1701–1714 гг.), Сеута и Мелилья никогда не были марокканскими, так как являлись территорией Испании еще до того, как Марокко стало существовать в качестве независимого государства. Однако это можно рассматривать как позицию Испании, с которой в корне не согласно Марокко.

По мнению испанских исследователей, Сеута и Мелилья рассматриваются в качестве «интегрированной части современного демократического и западного государства, коим является Испания» (12).

Являясь частью государства, эти территории имеют определенную стратегическую, военную и экономическую ценность, и правовой статус этих территорий ни в коем случае не должен быть нарушен.

Официальная позиция Испании по данному вопросу неизменна. Она соотносится с законодательством Испании; совпадает со стратегическими интересами государства, среди которых можно назвать разумный контроль над Гибралтарским проливом; учитывает волю населения, проживающего в этих городах; уважает правовую базу, на которой основывается принцип суверенитета в международном праве; уважает правовую природу городов, которая не является колониальной; гарантирует определенный уровень политического, институционального и экономического развития автономных городов на севере Африки.

В краткой форме позицию Испании можно выразить в трех главных постулатах. Во-первых, не существует никаких споров, на базе которых можно было бы начинать переговоры по поводу передачи автономных городов Сеуты и Мелильи Марокко. Во-вторых, не существует какой-либо исторической силы, которая могла бы изменить это положение. И в-третьих, нельзя проводить параллели между проблемой Сеуты и Мелильи и проблемой Гибралтара.

Испанские исследователи полагают, что изменение трех этих критериев в свою пользу стало главной политической целью для Марокко в контексте испано-марокканских отношений.

Также ряд исследователей в Испании рассматривают вопрос Сеуты и Мелильи в качестве проблемы демократического государства, которую рано или поздно придется решить (13). Однако в связи с поддержкой позиции Испании по данной проблеме в ООН на сегодняшний день не существует никаких строго очерченных сроков разрешения этого спора, который в исторической перспективе существует уже более 50 лет, даже несмотря на неоднократные изменения статуса Сеуты и Мелильи.

Испанская сторона в данном вопросе исходит из следующих позиций: во-первых, Сеута и Мелилья являются законной административной частью Испании. Испанское законодательство действует на территории обоих городов без каких-либо изменений или исключений; во-вторых, Испания не признает существование каких-либо претензий Марокко к Сеуте и Мелилье; в-третьих, правовые источники и исторические сведения поддерживают суверени-

тет Испании над территориями Сеуты и Мелильи. В-четвертых, Марокко не признает суверенитета Испании над Сеутой и Мелильей. В-пятых, население обоих городов является преимущественно испанским, и ни в одном из них не существует серьезных промарокканских групп или движений (14).

Сегодняшние двусторонние отношения между Испанией и Марокко развиваются в рамках Договора о дружбе и соседстве, подписанном в 1991 г. (15). Однако важно отметить, что дипломатические отношения между странами, безусловно, омрачены пережитками колониального прошлого. Помимо вопроса Сеуты и Мелильи между странами возникали трения в связи с конфликтом в Западной Сахаре, переговорами по рыбной ловле в территориальных водах ЕС. Наконец, остро стоит проблема иммиграции марокканцев в Испанию.

Разногласия достигли своего апогея во времена премьерства Хосе Марии Аснара. Одним из главных событий того периода стал так называемый Перехильский кризис, произошедший в июле 2002 г. Перехиль – крошечный скалистый островок, расположенный в Гибралтарском проливе в 200 м от побережья Марокко и в 5 км от Сеуты. С 1668 г. остров принадлежит Испании, однако на него претендует Марокко. Испанский суверенитет над островом обосновывается тем, что он не был упомянут в договоре 1956 г. о предоставлении независимости Марокко.

11 июля 2002 г. на Перехиль высадилась группа марокканских полицейских. По утверждению марокканских властей, полицейские занимались поисками нелегальных мигрантов; позже, после протестов испанского правительства, полицию сменили курсанты военно-морского училища, устроившие на острове постоянный тренировочный лагерь. Это еще более усилило раздражение Испании; обе страны вновь заявили о своих правах на Перехиль. Позицию Испании полностью поддержали члены Европейского Союза, за исключением Франции и Португалии, которые лишь выразили сожаление по поводу возникновения данного инцидента. Требования Марокко официально поддержали все страны – члены Лиги Арабских Государств, за исключением Алжира.

Утром 18 июля Испания начала на Перехиле операцию «Recuperar Soberanía» («Восстановление Суверенитета»).

Операция завершилась успехом, и марокканские кадеты были вытеснены с острова, не оказав сопротивления испанским ударным частям специального назначения, выполнявшим весьма сложную задачу: им дано было строжайшее указание не открывать огонь, и высадку приходилось проводить в условиях штормового ветра. В операции также участвовали части испанских ВВС и военно-морского флота. В регионе все испанские военные силы были приведены в состояние повышенной боеготовности. Взятые в плен марокканцы были доставлены на вертолетах в штаб-квартиру гражданской гвардии в Сеуте, откуда были переправлены к марокканской границе.

В тот же день испанских коммандос заменили части испанского Иностранного легиона, которые оставались на острове до тех пор, пока Марокко

при посредничестве Соединенных Штатов не согласилось на возвращение к status quo, существовавшему до инцидента. После этого военные с острова были эвакуированы, и он снова стал необитаем.

В Испании марокканское вторжение было расценено как попытка испытания ее решимости защищать свои оставшиеся североафриканские владения. Немедленное и решительное применение военной силы для возвращения стратегически бесполезного и необитаемого островка продемонстрировало намерение Испании и в дальнейшем сохранять свое присутствие в Северной Африке.

Также важно отметить, что ситуацию усугубил один интересный факт: сервис интернет-карт Google Maps отметил остров Перехиль сперва как территорию Марокко, а затем как территорию Испании, хотя главной задачей сервиса было сохранение нейтралитета в данном вопросе. В итоге территория была помечена как нейтральная, не принадлежащая ни Испании, ни Марокко. Эта ошибка была объяснена сбоем системы определения территорий в Google (16).

В результате Перехильского кризиса отношения между двумя государствами значительно охладились. Однако с приходом в 2004 г. в Испании нового правительства во главе с Хосе Луисом Сапатеро отношения начали улучшаться.

Налаживание двусторонних отношений между государствами стало одним из основных приоритетов. Министр иностранных дел Мигель Анхель Моратинос подчеркнул заинтересованность Испании в обеспечении привилегированного статуса Марокко в отношениях с ЕС. Испания превратилась во второго по значимости после Франции инвестора в Марокко. Страны вместе стали бороться с терроризмом и наркотрафиком.

Сапатеро посетил Марокко в апреле 2004 г., король Хуан Карлос I – в январе 2005 г. Однако в 2006–2007 гг. отношения между странами вновь ухудшились. Это было связано с визитами премьер-министра и короля Испании в Сеуту и Мелилью в январе 2006 г. и ноябре 2007 г. соответственно. Марокканская сторона сочла эти визиты за оскорбление, в результате чего Марокко на некоторое время отозвало своего посла из Испании. Испанская сторона назвала эти визиты «внутренними» и выразила надежду, что испано-марокканские отношения останутся стабильными и крепкими несмотря на возникшие разногласия.

Новый всплеск негодования со стороны Марокко был спровоцирован визитом лидера Народной партии Испании Мариано Рахоя (С 21 декабря 2011 г. Рахой занимает пост премьер-министра Испании) в Мелилью в сентябре 2010 г. Его визит был назван «провокационным ударом по достоинству и национальным чувствам марокканцев… 33 млн марокканцев, все марокканское общество, все институты и правительство рассматривают Сеуту и Мелилью в качестве марокканских территорий» (17).

В связи с произошедшим марокканцы устроили демонстрацию на «ничейной земле» на границе Мелильи с Марокко, выступая против этого визита и в защиту «исторических прав» Марокко на Сеуту и Мелилью.

В вопросе территориальных претензий Марокко к Испании важную роль могут сыграть убеждения мирового общественного мнения в том, что США никогда не позволят контролировать оба берега Гибралтарского пролива одному государству, возвращение Гибралтара Испании подкрепит претензии Марокко по поводу территорий Сеуты и Мелильи, в долгосрочной перспективе нахождение Сеуты и Мелильи под испанским суверенитетом невозможно, Испания и Марокко обязаны понимать друг друга, необходимо избегать противоречивых действий в морских зонах, дабы избежать возможных столкновений в этих регионах» и т.д. (18).

Данные «аксиомы» не имеют под собой какой-либо юридической, политической, стратегической или иной базы, поэтому они и являются не более чем «аксиомами», которые циркулируют в общественном мнении. Однако такие утверждения подогревают конфликт и могут привести к нежелательным последствиям как для Испании, так и для Марокко.

Важно отметить, что, несмотря на территориальные разногласия, отношения между Марокко и Испанией активно развиваются и являются весьма продуктивными: страны сотрудничают в вопросах борьбы с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной иммиграции. Развиваются экономические и культурные взаимосвязи.

Вопросы спорных территорий занимают далеко не первое место в повестке дня двусторонних испано-марокканских отношений. Конечно же, Сеута и Мелилья вызывают определенные трения между государствами, но в общем можно отметить положительную динамику в развитии сотрудничества.

Конечно же, проблема спорных территорий существует и периодически обостряется, что говорит о необходимости ее скорейшего решения, однако отношения между государствами остаются стабильными. Такие отношения могут служить редким примером выверенной внешней политики двух государств, нацеленной на многогранное и всестороннее взаимодействие, несмотря даже на существующий территориальный конфликт.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Xavier Ferrer Gallardo.* Acrobacias fronterizas en Ceuta y Melilla. Explorando la gestión de los perímetros terrestres de la Unión Europea en el continente africano. – Madrid, 2008.

(2) *Xavier Ferrer, Nynke de Witte, Olivier Kramsch*. Spanish-Moroccan border: Regional profile. – Netherlands, 2005 // http://www.eudimensions.eu/content/pstudy/spanish_moroccan.htm

(3) El Gobierno Español reconoce la independencia de Marruecos y su plena soberanía. – Madrid, 1956 // http://hemeroteca.abc.es/nav/Navigate.exe/hemeroteca/madrid/abc/1956/04/07/023.html

(4) Resolution on the colonial enclaves on the northern coast of Morocco, 24th Ordinary Session in Addis Ababa, 13–21 February, 1975 // http://www.au.int/en/sites/default/files/COUNCIL_EN_13_21_FEBRUARY_1975_COUNCIL_MINISTERS_TWENTY_FOURTH_ORDINARY_SESSION.pdf

(5) http://www.arableagueonline.org – официальный сайт Лиги Арабских Государств.
(6) Las Colonias de Ceuta y Melilla – Andalucía Libre № 116, Polemicas sobre las colonias de Ceuta y Melilla, 2005 // http://elistas.egrupos.net/lista/andalucialibre/ficheros/5/verFichero/43/Las%20colonias%20de%20CEUTA%20y%20MELILLA%20-%20Textos%20B%C3%A1sicos.rtf
(7) Las Colonias de Ceuta y Melilla, – Andalucía Libre № 116, Polemicas sobre las colonias de Ceuta y Melilla, 2005 // http://elistas.egrupos.net/lista/andalucialibre/ficheros/5/verFichero/43/Las%20colonias%20de%20CEUTA%20y%20MELILLA%20-%20Textos%20B%C3%A1sicos.rtf
(8) *Moa P*. Ceuta, Melilla y Marruecos. – Libertad Digital, 2010 // http://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/ceuta-melilla-y-marruecos-55864
(9) Ibid.
(10) Trust and Non-Self-Govering territories – the United Nations and Decolonization, 1945–1999 // http://www.un.org/en/decolonization/nonselfgov.shtml
(11) *Radio Qroo*. Mapas de Google causa conflicto entre naciones, 2010 // http://radioquintanaroo.com/mapas-de-google-causa-conflicto-entre-naciones
(12) *Ángel Pérez*. Ceuta y Melilla en el marco de las relaciones hispano-marroquíes, 2004 // http://ribei.org/477/1/ARI-89-2004-E.pdf
(13) Ibid.
(14) *Gold P*. Europe or Africa? A contemporary study of the Spanish North African Enclaves of Ceuta and Melilla. – Liverpool, 2000.
(15) Tratado de Amistad, Buena Vecindad y Cooperación de 1991 // http://estaticos.elmundo.es/especiales/2002/07/internacional/marruecos/tratado.pdf
(16) *Radio Qroo*. Mapas de Google causa conflicto entre naciones, 2010 // http://radioquintanaroo.com/mapas-de-google-causa-conflicto-entre-naciones
(17) *El Mundo.* Marruecos califica de 'provocadora' la visita de Mariano Rajoy a Melilla, Rabat, 15.09.2010 // http://www.elmundo.es/elmundo/2010/09/15/espana/1284559861.htm
(18) *Xavier Ferrer Gallardo.* Acrobacias fronterizas en Ceuta y Melilla // Explorando la gestión de los perímetros terrestres de la Unión Europea en el continente africano. – Madrid, 2008.

THE PROBLEM OF CEUTA AND MELILLA IN THE CONTEXT OF THE MODERN RELATIONS BETWEEN SPAIN AND MOROCCO

E. Salamov

Department of International relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the modern relations between Spain and Morocco from the point of view of the Spanish side in context of the territorial dispute on the cities of Ceuta and Melilla that are situated on the north of Africa. Spanish side considers the cities as an integral part of its territory which holds a certain level of strategic, politic, military and economic value.

Key words: Ceuta, Melilla, Spain, Morocco, relations between Spain and Morocco, territorial claims, Northern Africa.

УКРАИНСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.П. Курылев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется процесс эволюции внешней политики Украины в Афганистане. Определяются национальные интересы Украины в этом государстве и раскрываются основные этапы сотрудничества в политической, военной, экономической сферах. Данная проблема рассматривается на основе проведенного анализа ряда концептуальных документов Украины в области внешней политики и национальной безопасности. Автор приходит к выводу, что в украинско-афганских отношениях сегодня фактически отсутствуют противоречия, которые могут отрицательно влиять на их развитие.

Ключевые слова: Украина, внешняя политика, национальные интересы, национальная безопасность, Афганистан, миротворчество.

Руководство Афганистана признало независимость Украины 24 декабря 1991 г. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 17 апреля 1995 г., однако из-за сложной внутриполитической ситуации в афганском государстве двусторонние отношения были заморожены. Только 24 октября 2002 г. состоялось вручение верительных грамот Послом Украины Президенту Афганистана Х. Карзаю. В этот же период в Украине открылось Посольство Афганистана.

Национальные интересы любой страны – это связующее звено между жизненно важными потребностями и ценностями нации и ее стратегическими целями, реализуемыми в государственной политике и способствующими благу нации-государства. Они приводят в движение нацию, задают этому движению направленность на выживание, обеспечивают оптимальное функционирование суверенного государства и целостной общественной системы, а также их прогрессивное развитие.

Согласно Концепции национальной безопасности Украины от 1997 г. под национальными интересами Украины понимаются фундаментальные ценности и стремления украинского народа, его потребности в достойных условиях жизнедеятельности, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения. Национальные интересы Украины и их приоритетность обусловливаются конкретной ситуацией, складывающейся в стране и за ее пределами (1).

Как отмечается в Законе «Об основах национальной безопасности Украины» от 2003 г., национальные интересы – жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности Украинского народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Украине, определяющие потребности общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Украины и ее прогрессивное развитие (2).

Важность изучения политики реализации национальных интересов Украины в Афганистане обуславливается рядом факторов: влиянием, которое афганское государство оказывает на внешнюю политику Украины в регионе Ближнего и Среднего Востока; значимостью Афганистана с точки зрения развития с ним Украиной двустороннего сотрудничества; современными тенденциями глобальной взаимозависимости субъектов международных отношений (в связи с чем одной из важнейших составляющих региональной политики является афганский кризис).

Основополагающим внешнеполитическим интересом Украины является обеспечение защиты своих политических и экономических интересов посредством проведения активной и многовекторной внешней политики, а также, исходя из преимущества расположения Украины на перекрестке трансевразийского пространства и благодаря той роли, которую Афганистан играет на Ближнем и Среднем Востоке.

Иными словами, принципиальными вопросами, которые следует учесть Украине при продвижении своих национальных интересов в регион Ближнего и Среднего Востока, является: нацеленность на получение реальных практических результатов в плане развития сотрудничества со странами региона и эффективное использование в реализации политики на Ближнем и Среднем Востоке уникального политико-географического расположения Украины.

В силу масштаба своей территории Украина обладает ключевым положением по отношению к целому ряду стратегических регионов – Черноморско-Кавказскому, Центрально-Европейскому, Средиземноморско-Балканскому, что делает страну важнейшим геополитическим звеном. Обширная территория позволяет Украине играть заметную роль в обеспечении трансграничных транзитных коридоров.

Благодаря выгодному географическому положению и разветвленной сети авиационного, железнодорожного, морского и автомобильного транспорта страна является выгодной транзитной зоной для пассажирских, грузовых и энергетических потоков. Это позволяет Украине иметь широкие многосторонние контакты и связи со своими как ближними, так и дальними соседями. Через территорию Украины проходят важные стратегические выходы, транспортно-коммуни-кационные коридоры, обеспечивающие ее международные связи с Европой, Закавказьем, Центральной Азией, Ближним и Средним Востоком, в связи с чем одним из наиболее важных национальных интересов Украины в регионе Ближнего и Среднего Востока является стремление надежно обеспечить свою национальную безопасность. Это яв-

ляется следствием роста напряженности и осложнения ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, что в свою очередь способствует повышению угроз для национальной безопасности Украины.

В данном контексте наибольшую обеспокоенность как для мирового сообщества в целом, так и для Украины в частности представляет международный терроризм. Регион Ближнего и Среднего Востока, начиненный целым комплексом нерешенных старых и постоянно множащихся новых конфликтов и противоречий, создает питательную среду для роста терроризма, что в свою очередь рождает опасность использования террористическими группировками, в том числе и территории Украины.

Кроме того, интересы Афганистана, с точки зрения развития сотрудничества в евразийском регионе, в основном совпадают с интересами Украины, что для украинской стороны воплощается в жизнь в попытках эффективного вхождения экономики Украины в мировую экономику, содействии развитию сбалансированного торгово-экономического сотрудничества с государствами мира, продвижении украинских товаров на перспективных рынках, формировании международного имиджа Украины как привлекательного партнера, широком использовании транзитного потенциала Украины.

В свою очередь, политическое и социально-экономическое положение Афганистана нуждается в гуманитарной и экономической поддержке извне, что может быть использовано Украиной с целью получения выгодных контрактов на восстановление разрушенной вооруженным конфликтом страны. Роль и место Украины в процессе налаживания стратегического геоэкономического сотрудничества со странами Ближнего и Среднего Востока опирается на согласование совместных интересов, а также эффективного использования имеющейся политико-правовой базы сотрудничества.

Развитию украинского-афганских политических отношений в значительной мере способствовали визит в Кабул правительственной делегации Украины во главе с вице-премьером В.А. Гайдуком (3 июля 2003 г.), визит в Украину министра иностранных дел Афганистана А. Абдулло (27 августа 2003 г.), официальный визит в Афганистан Министра иностранных дел Украины К.И. Грищенко (4 апреля 2004 г.). 10 января 2006 г. в Астане состоялась встреча Президента Украины В.А. Ющенко с Президентом Афганистана Х. Карзаем, в ходе которой обсуждались вопросы двустороннего экономического сотрудничества, в частности совместной разработке нефтегазовых месторождений в Афганистане и использование трубопроводов, проходящих афганской территорией. Президент Украины отметил также перспективность сотрудничества в аэрокосмической и электроэнергетической отраслях, производстве минеральных удобрений. 25 января 2008 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе Президент Украины В.А. Ющенко провел еще одну встречу с Президентом Афганистана Х. Карзаем. Стороны обсудили вопросы торгово-экономического сотрудничества двух стран (3).

На сегодняшний день договорно-правовая база между Украиной и Аф-

ганистаном продолжает формироваться. Были заключены следующие двусторонние соглашения: Соглашение между Кабинетом министров Украины и Правительством Афганистана о торгово-экономическом сотрудничестве; Соглашение о сотрудничестве между торгово-промышленными палатами; Протокол и Программа сотрудничества между МИД двух стран; Соглашение между Кабинетом министров Украины и Правительством Афганистана о сотрудничестве в области образования и др.

В сфере торгово-экономического сотрудничества между Украиной и Афганистаном происходит укрепление деловых связей, прежде всего на уровне частного бизнеса. Ряд украинских компаний представлен на рынке Афганистана, а одна из них наладила работу электростанции в Герате, что позволило обеспечить электроэнергией весь регион. Этот проект осуществлен совместно с Туркменистаном. Украинская сторона обеспечила инженерную сторону проекта и управления процессом, туркменская – топливную.

Украинские компании работают в Кабуле – реконструируют поврежденные жилье, восстанавливают отопительные системы, водоснабжение, помещения. Достаточно активно на афганском рынке работают украинские компании.

Торгово-экономическое сотрудничество между Украиной и Афганистаном имеет большой потенциал в машиностроительном секторе. Афганистан приобрел в Украине самолет, положив тем самым начало взаимоотношений в сфере авиаперевозок. Афганская фирма «Сахеби ЛТД» приобрела на Кременчугском заводе дорожных машин асфальтобетонный и камнедробильный заводы, которые сейчас работают на строительстве дорог страны (4).

В целом, реабилитация экономической инфраструктуры Афганистана осуществляется при финансовой помощи мирового сообщества, поэтому реализация указанных проектов украинскими предпринимателями возможна при условии участия в тендерах, которые периодически проводит Всемирный банк и другие международные финансовые институты.

В целях активизации торгово-экономических отношений между предпринимателями Украины и Афганистана в Кабуле состоялось несколько бизнес-форумов. Во время их проведения украинские предприниматели, представляющие различные отрасли отечественного бизнеса, ознакомились с афганским законодательством об иностранной инвестиционной деятельности, системой взаиморасчетов, налоговой и таможенной политики, условиями участия в тендерах.

Очевидно, что участие Украины в реализации отдельных проектов по восстановлению экономической инфраструктуры Афганистана способствует дальнейшему развитию двустороннего политического и гуманитарного сотрудничества и взаимодействия в рамках международных организаций и структур.

Отдельно следует остановиться на политической и военной составляющих участия Украины в урегулировании афганского кризиса.

С апреля 2000 г. по май 2001 г. один военный наблюдатель от Украины принимал участие в специальной политической Миссии ООН в Афганистане, которая была учреждена для поддержки связи с воюющими сторонами.

Хотя сама Миссия располагалась в Афганистане, ее штаб-квартира базировалась в Пакистане (Исламабаде), а также Миссия имела политический офис в Тегеране и офис связи в Душанбе. Представитель Вооруженных Сил Украины отвечал за организацию сотрудничества с афганским и другими посольствами, российскими пограничниками и миротворческими силами (5).

Что касается операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ИСАФ), то Украина также принимает в ней активное участие.

26 января 2007 г. Президент Украины В.А. Ющенко подписал Указ «О направлении миротворческого персонала Украины для участия в операции международных сил содействия безопасности». Указ предусматривал возможность направления в Афганистан до 10 человек украинских миротворцев. Участие украинского миротворческого персонала в составе ИСАФ началась 11 мая 2007 г. с направления 1 офицера медицинской службы (врача-анестезиолога) для прохождения службы в литовском госпитале (6).

Основные задачи украинского миротворческого контингента:

– налаживание и поддержание взаимодействия с правительственными структурами Афганистана и представителями международных организаций, развернутых в стране;

– планирование и выполнение мероприятий по обеспечению безопасности личного состава Группы по реконструкции провинции (ГРП);

– планирование и выполнение мероприятий гражданско-военного сотрудничества;

– оценка ситуации в зоне ответственности ГРП, участие в процессе анализа потребностей по развитию;

– оказание медицинской помощи представителям ИСАФ и местному населению;

– совещательная помощь врачам местных больниц;

– инженерная разведка местности и обезвреживание взрывоопасных предметов в зоне ответственности ГРП;

– предоставление консультативно-совещательной помощи военнослужащим Афганской национальной армии по вопросам обслуживания и эксплуатации вертолетной техники.

После официального визита Министра иностранных дел Украины в Афганистан в июле 2007 г. было принято решение об увеличении количества украинских миротворцев в составе ИСАФ.

31 марта 2008 г. в области сотрудничества Украины и НАТО в ИСАФ произошло важное событие – Украина была признана страной-контрибутором ИСАФ. Это в свою очередь обусловило приглашение Президента Украины к участию в заседании глав государств и правительств в формате ИСАФ, проведенного 3 апреля 2008 г. во время саммита НАТО в Бухаресте.

Дальнейшая практическая реализация Указа Президента Украины «О направлении миротворческого персонала Украины для участия в операции международных сил содействия безопасности» осуществлялась, в пер-

вую очередь, в формате двустороннего сотрудничества со Швецией и Литвой в ГРП в составе ИСАФ в Афганистане (7).

13 ноября 2008 г. после завершения Консультаций высокого уровня между Украиной и НАТО на уровне министров обороны в Таллинне было подписано Техническое соглашение между военными ведомствами двух стран о направлении миротворческого контингента Украины для выполнения заданий в составе литовской ГРП, действующей в рамках Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Тогда же в ходе консультаций министров обороны Украины и Чехии был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством обороны Украины и Министерством обороны Чехии о сотрудничестве в области стратегических авиационных перевозок.

Результаты этих договоренностей не замедлили сказаться. 7 ноября 2008 г. во время очередной ротации литовского миротворческого контингента в Афганистан прибыло 7 украинских военнослужащих. Кроме того, реализуется возможность предоставления услуг по авиаперевозкам на коммерческой основе стран-контрибуторов ИСАФ, в частности личного состава и грузов контингента из Чешской Республики.

15 января 2010 г. Президент Украины подписал новый Указ «О направлении дополнительного миротворческого персонала Украины для участия в операции Международных сил содействия безопасности в Исламской Республике Афганистан», который предусматривает увеличение миротворческого персонала в ИСАФ предельным количеством до 30 человек. По состоянию на сегодня общая численность персонала Вооруженных Сил Украины в ИСАФ в Афганистане составляет 20 чел.

Сегодня общая численность украинского миротворческого персонала составляет 22 военнослужащих, а именно: 1 офицер гражданско-военного сотрудничества штаба ИСАФ, г. Кабул; 2 офицера национального элемента обеспечения литовского военного контингента, международный аэропорт Кабул; 2 офицера в составе литовской Группы советников армейской авиации Афганской национальной армии, провинция Кандагар; 3 военных врача (хирург, анестезиолог и врач общей практики) в составе польского военного госпиталя, г. Газни; 14 военнослужащих в составе литовского контингента, в том числе: 3 военных врача (2 хирурги и анестезиолог), г. Чагчаран; 4 офицера в составе штаба литовской ГРП (советник командира, помощник командира по мониторингу СМИ, офицер гражданско-военного сотрудничества, помощник командира роты), г. Чагчаран; 7 специалистов по разминированию, г. Чагчаран (8).

Таким образом, представляется, что в украинско-афганских отношениях фактически отсутствуют противоречия, которые могут отрицательно влиять на их развитие. На развитие взаимовыгодных отношений Украины с Афганистаном оказывают влияние три группы факторов. Первая связана со стратегически выгодным и взаимодополняющим географическим положением

Украины и Афганистана на пересечении трансевразийских коммуникационных коридоров. Вторая группа имеет своей основой внешнеполитической стратегии Украины, которая диктуется общими геополитическими прерогативами мирного развития всей системы международных отношений. Третья группа обусловлена стремлением Украины максимально расширить представительство своих внешнеэкономических интересов.

На современном этапе развития отношений с Афганистаном первоочередное внимание в деятельности Украины сосредоточено на активизации политического сотрудничества, как на двустороннем уровне, так и в рамках международных организаций, в первую очередь, ООН. Это касается участия Украины в стабилизационных процессах в Афганистане, установления торгово-экономических связей, участия украинских предприятий в программах экономического восстановления Афганистана, продолжения формирования договорно-правовой базы отношений во всех сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Постанова Верховної Ради України «Про Концепцію (основи державної політики) національної безпеки України» – 1997 г. // http://www.uazakon.com/document/spart85/inx85170.htm

(2) Закон України «Про основи національної безпеки України» – 2003 г. // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T030964.html

(3) Українсько-афганські відносини // http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/content/1010.htm?lightWords

(4) Історія участі збройних сил України у миротворчих операціях // http://www.mil.gov.ua/index.php?part=peacekeeping&lang=ua&sub=history

(5) Міжнародні сили сприяння безпеці у Ісламській Республіці Афганістан // http://www.mil.gov.ua/index.php?part=peacekeeping&lang=ua&sub=afganistan

(6) Там же.

(7) Участь України у миротворчих операціях під проводом Альянсу // http://www.univd.edu.ua/img_uni/general/integr/10.doc

(8) Міжнародні сили сприяння безпеці у Ісламській Республіці Афганістан // http://www.mil.gov.ua/index.php?part=peacekeeping&lang=ua&sub=afganistan

UKRAINE'S POLICY IN AFGHANISTAN

K.P. Kurylev

Theory and History of International Relations Department
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluxo-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article investigates the process of evolution of Ukraine's foreign policy in Afghanistan. The author determines the national interests of Ukraine in this state and describes the main stages of cooperation in political, military and economic spheres. The current issue is

considered on the basis of the analysis of a number of Ukraine's doctrines in the field of foreign policy and national security. The author concludes that the relations between Ukraine and Afghanistan don't contain any contradictions, which could have a negative impact on their development.

Key words: Ukraine, foreign policy, national interests, national security, Afghanistan, peacekeeping.

ПОМОЩЬ США ТАЙВАНЮ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1951–1965)

Д.И. Петров

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные этапы и цели американской помощи Тайваню в области образования. Выделяется ведущая роль США в реформировании тайваньской системы образования и обучении специалистов за рубежом. Особое внимание уделяется влиянию изменений в сфере образования на процесс перестройки общества послевоенного Тайваня.

Ключевые слова: США, Тайвань, образование, американская помощь.

После Второй мировой войны США предоставили Тайваню значительную экономическую и военную помощь, что в немалой степени способствовало быстрому политическому и экономическому развитию данного региона. Однако куда меньше внимания уделяется тому факту, что наравне с финансовой и военной поддержкой США также предоставляли помощь в развитии тайваньского образования, оказав на него сильное влияние и тем самым отчасти заложив базу для превращения Тайваня в «экономическое чудо».

При поддержке США на Тайване была значительно реформирована система образования, включая высшее образование, система обучения за рубежом, научное образование. Были заимствованы американские концепции и методики преподавания. Также влияние распространилось на экономику, политику и культуру.

Тайваньскими политическими и общественными деятелями активно перенимались американские политические и экономические модели устройства, шел процесс популяризации американской культуры в обществе.

Таким образом, через помощь в области образования Америка фактически осуществила перестройку общества послевоенного Тайваня.

После поражения и отступления Гоминьдана на Тайвань в 1949 г. гоминдановское правительство в целях стабилизации своей власти с 1951 по 1965 г. принимает значительную американскую помощь.

После Второй мировой войны мир оказался поделен на два враждующих лагеря – социалистический во главе с СССР и капиталистический во главе с США. Между двумя этими блоками началась так называемая «холодная война».

Разрушенные войной европейские страны и развивающиеся страны Африки и Латинской Америки получали значительную помощь США. Тайвань, располагаясь на дальневосточной передовой этого противостояния, занимал особое место в американской внешней политике. Во многом именно поэтому на него приходилось больше внимания, чем на остальных союзников. В период с 1951 по 1965 г. американская ежегодная помощь Тайваню составляла «около ста миллионов долларов, в то время это составляло примерно 5–10% его годового ВНП, что примерно равнялось 10 долл. на человека в год» (1). Помощь США другим странам в тот же период времени была значительно меньше. Например, сумма, переданная Филиппинам, в пересчете на количество населения, составляла 2 долл. на человека в год, Тайланд получал сумму, равную 1,3 долл. в год (2).

С правовой точки зрения американская помощь Тайваню начинается с «Взаимного договора о безопасности» 1951 г. Одновременно с оказанием помощи Китайской Республике, правительство США отправляет эскадру 7-го флота в Тайваньский пролив для ее защиты от наступающей армии коммунистов.

Гоминдановское правительство совместно с кабинетом министров организовало «Комиссию по использованию американской помощи», основной задачей которой было утверждение плана субсидирования, распределение средств, контроль выполнения плана и его результатов. Главой комиссии являлся председатель правительства (3). Комиссию по американской помощи в 1963 г. реорганизовали и переименовали в «Комитет развития международного экономического сотрудничества».

В то время все предложения, связанные с американской помощью, выдвигаемые другими правительственными органами, должны были отправляться на проверку в комитет по американской помощи, лишь после этого могли быть отправлены в тайваньское отделение Агентства США по международному развитию и лишь затем пересылались центральному правительству США, после чего соответствующее подведомственное управление вносило последние поправки и выносило решение, хотя местное отделение Агентства США по международному развитию не имело права решающего голоса, но имело большое влияние на решения, принимаемые в Белом Доме.

Образование было одной из частей плана американской помощи, имевшей строгую процедуру реализации. Она представляла собой план, проводимый «министерством образования» и провинциальным комитетом народного образования Тайваня. Затягиванию осуществления плана образования также способствовало то, что он мог быть осуществлен лишь после одобрения в главном комитете по безопасности (4).

По запросу гоминдановского правительства в 1952 г. при аккредитованном в Китае отделении Американского управления по международному сотрудничеству был организован отдел по образованию.

«План американской помощи включал содействие развитию начального и среднего образования в средней школе старшей ступени, профессиональное образование по техническим и с\х специальностям, научные исследова-

ния, обучение за рубежом, домашнее образование и развитие администрации органов просвещения» (5).

При оказании помощи Тайваню США выбирали проекты, наиболее соответствующие их интересам и совпадающие с целью развития образования, часто связанные с социально-экономическим развитием. Делалось это потому, что таким образом легче можно было добиться результатов и заслужить благодарность тайванского народа.

В 1950-х и 1960-х гг. энергично развивающаяся наука и техника Тайваня получили финансовую и техническую помощь США. До того, как в 1979 г. «министерство образования» учредило «Комитет по образовательному и научному руководству» и начало составление новых учебных пособий, практически все тайваньские учебники по естественным наукам использовали американские научные учебные материалы 1960 г. (6). Среди популярной научной литературы также было немало переводов американских изданий.

В университетах многие преподаватели естественных наук, участвуя в тех или иных программах, получали в США ученую степень, а затем возвращались на Тайвань. Лабораторное оборудование так же по большей части было импортировано из США.

Правительство Тайваня в январе 1959 г. приняло «Государственную долгосрочную программу по развитию науки», и 1 февраля министерство образования и Академия Наук Тайваня совместно создали «Государственную комиссию по долгосрочному развитию науки», отвечающую за выполнение этого плана. Она состояла из трех комитетов: физико-математических наук, биологических наук и гуманитарно-социальных наук. Члены этих комитетов отвечали за рассмотрение заявлений на поставку научно-исследовательского оборудования от различных учебных учреждений и заявления на научные субсидии от научных сотрудников. После рассмотрения они пересылались в соответственные американские структуры для подтверждения (7).

«Государственная долгосрочная программа по развитию науки» была рассчитана на 5 лет (1959–1963 гг.).

Первые несколько лет средства для финансирования данной программы поступали из нескольких источников: от государственных предприятий, от Китайского фонда по развитию образования и культуры, Азиатского фонда. Это деньги шли, главным образом, на научные исследования.

В сентябре 1958 г. отдел среднего образования министерства образования Тайваня разработал «Наброски плана по развитию научного образования в средней школе», в 1961 г. по плану американской помощи были выделены средства, составлены математические и другие экспериментальные материалы для средней школы первой ступени, руководства для преподавателей. Содержание учебника все еще соответствовало принятым образовательным стандартам, отличался лишь порядок подачи материала (8).

В ноябре 1962 г. был основан редакционный комитет для разработки учебных материалов по математике и естественным наукам для средней

школы высшей ступени. Он состоял из математической, физической, химической и биологической групп, которые изучали и анализировали все новые американские учебные пособия, руководства для преподавателей, лабораторные справочники и другие материалы (9).

В то время тайваньские высшие учебные заведения делились, в первую очередь, на два вида – государственные высшие учебные заведения и частные. Национальный Университет Тайваня был главным приоритетом американской помощи. С 1952 по 1962 г. в течение 10 лет сумма субсидий, выделенных этому учебному заведению, достигла 272 372 000 новых тайваньских долларов. Деньги были потрачены на улучшения, которые коснулись не только преподавания, опытов и исследований, но и развития инфраструктуры кампуса.

Возводились новые общежития для студентов и преподавателей, появилась система отопления, водопровода, электричество и прочее коммунальное благоустройство. Благодаря этому к 1962 г. Национальный Университет Тайваня мог принять вдвое больше студентов, чем до получения американской помощи (10).

В феврале 1965 г. Комиссия США по атомной энергетике заключает с Национальным Университетом Цинхуа соглашение о совместных исследованиях сроком на один год. В целях укрепления двусторонних научных связей и решения технических вопросов на Тайвань была послана группа специалистов из Национального центра атомных исследований США.

В этот период времени отправка студентов в США на американские средства, учебный обмен с Тайванем так же шел непрерывным потоком. Например, с 1952 по 1957 г. американо-тайваньский студенческий обмен происходил в основном на основании «Закона об информационном и образовательном обмене от 1948 г.», известного так же как Закон Смита-Мундта, целью которого было укрепление культурно-академических связей китайских и американских народов и их взаимное изучение.

После того как в 1958 г. на Тайване начала действовать программа Фулбрайта, все мероприятия по образовательному и научному обмену стали действовать через эту программу. После 1962 г. оба плана по обмену стали действовать совместно (11). По этим программам и выдавались гранты для преподавателей высших учебных заведений, ученых-исследователей, аспирантов и преподавателей средней школы для повышения квалификации в США. Кроме того, тайваньские школьники получали стипендии на получения высшего образования в Америке, также немало инженерно-технических работников было отправлено в США на курсы повышения квалификации.

После поражения и отступления Гоминьдана на Тайвань для ускорения развития экономического строительства были необходимы дополнительные материальные и людские ресурсы. Американская помощь в сфере образования как раз помогла выполнить второй пункт. При американской поддержке большое количество сотрудников было отправлено в США на обучение, по-

лучили подготовку в общей сложности более 10 000 чел. Были организованы несколько сотен различных образовательных программ. Благодаря новому подходу и технологиям, заимствованным у США, китайские культурные преимущества тесно соединились с концепцией современной рыночной экономики, это и стало основой создания «экономического чуда» (12).

Но стоит также отметить, что американская помощь тайваньскому образованию также создала масштабную проблему утечки специалистов. Из всех студентов, которые уехали на обучение за границу с 1957 по 1963 г., к 1964 г. лишь 7% вернулись на Тайвань (13).

Между этим явлением и программой американской помощи существует сильная связь. Один из главных американских советников «Национального научного совета» Джозеф Б. Платт в марте 1965 г. на одном из совещаний выступил с докладом под названием: «Эмиграция ученых и развитие Тайваня: китайско-американское сотрудничество». Он указал, что «самые одаренные молодые люди, составляющие научный и технический потенциал Тайваня, отдают свой талант на службу другим странам, главным образом США» (14). «Очень жаль, что американская помощь стала одной из причин, вызвавших эмиграцию специалистов за рубеж. Люди, получившие образование в США, оставались там» (15).

Образование и политика находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Поэтому, финансируя программы по обучению тайваньских специалистов в Америке, американское правительство использует их для продвижения проамериканских настроений на Тайване. Общественные и политические деятели, получившие образование в США, были более склонны к сотрудничеству с Соединенными Штатами, чаще поддерживали выгодные для них решения. Но, что не менее важно, они перенимали американский взгляд на концепции административного управления, внешней политики и др.

Кроме того, США фактически являлись единственных источником западной культуры на Тайване. В рамках «культурного обмена» широко пропагандировались американские ценности, американский стиль жизни, американская культура. И специалисты, прошедшие подготовку за рубежом и являвшиеся уже отчасти носителями этой культуры, способствовали ее популяризации.

Одним из показателей этого процесса является возросший интерес к преподаванию и изучению английского языка. В этот период активно проводилось обучение квалифицированных преподавателей английского языка, совершенствовалась методика его изучения и преподавания. Активное проникновение американской культуры на Тайвань последовательно и целенаправленно создавало тенденцию к росту проамериканских настроений во всех слоях тайваньского общества.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что послевоенная помощь США Тайваню в сфере образования имела очень глубокие и далеко идущие последствия. Мы можем сделать два вывода:

Во-первых, помощь в области образования сочеталась с экономической и военной помощью, ее стратегической целью было служить государственным интересам США. В период холодной войны помощь в сфере образования использовалась Америкой как средство преобразования Тайваня в своих целях.

Во-вторых, успех помощи в сфере образования еще не явен, требуется длительное время, чтобы проявились результаты. Это дает возможность говорить о вторжении американской культуры на Тайвань, о том, что тайванское общество постоянно находиться под влиянием проамериканских настроений и атмосферы преклонения перед всем американским.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Бай Вэнь*. Ханьдун Тайвань 50 Ши (50 вещей, потрясших Тайвань). – Тайбэй, 2002. – С. 137.

(2) *Ван Юйдэ*. Ван Юйдэ цюаньцзи 1 тайвань: кумэнь лиши (Полное собрание Ван Юйдэ, Тайвань, часть первая: история лишений). – Тайбэй, 2000. – С. 206.

(3) *Ло Дуньвэй*. Мэйюань юньюн цзай гэфэнмянь фашэн сяого чжи яньцзю (Исследование эффекта американской помощи в различных аспектах). – Тайбэй, 1960.

(4) *Лю Шаотан*. Миньго даши жичжи (Значимые события республики). – Тайбэй, 1973. – С. 47.

(5) *Фу Лиюй*. Мэйюань шици тайвань чжундэн кэцзи цзяоюй фачжань (1951–1965) (Развитие науки и образования Тайваня в период американской помощи). – Тайбэй, 2006. – С. 336.

(6) *У Даю*. Вого кэцзи цзяоюй дэ хуэйгу юй цяньчжань «цзяоюй вэньти». – Тайбэй, 1984. – С. 126.

(7) Там же. – С. 134.

(8) «Цзяоюйбу» цзяоюй няньцзянь бяньцзунь вэйюаньхуэй. Ди сыцы «Чжунхуа миньго» няньцзянь (Ежегодный сборник министерства образования. – Вып. 4). – Тайбэй, 1974. – С. 943.

(9) *Вэй Минтхун*. Кэсюэ цзяоюй говэйфань «чжунхуа миньго» кайго циши нянь чжи (Образование Китайской республики через семьдесят лет с ее основания). – Тайбэй, 1981. – С. 1003.

(10) Тайвань дасюэ линянь лай цзешоу мэйюань юньюн чэнго цзянтао (Обзор итогов американской помощи Национальному Университету). – Тайбэй, 1966. – С. 17.

(11) *Чжао Цина*. Мэйго чжэнфу цзай тайвань дэ цзяоюй ю вэнхуа цзяолю ходун (1951–1970) (Деятельность американского правительства по культурному обмену на Тайване). – Тайбэй, 2001. – С. 97.

(12) *Янь Цзыкуй*. Мэйюань дуй «Чжун хуа миньго» цзинцзи фачжань чжи инсян (Влияние помощи США на экономическое развитие Китайской Республики). – Тайбэй. 1990. – С. 97.

(13) *Дж. Мэган Грин*. Ориджинс ов девелопментал стэйт ин тайвань: сайнс полиси энд квест фор модернизэйшн (Истоки государственного развития на Тайване: политика в отношении науки и задачи модернизации). – Кэмбридж, Массачусес, 2008. – С. 65.

(14) *Цао Си*. Мэйго дуй тай цзяоюй юаньчжу: чжаньхоу (1951–1965) мэйго дуй тай цзяоюй юаньчжу. – Шанхай, 2011.

(15) *Янь Цзыкуй*. Мэйюань дуй «Чжун хуа миньго» цззинцзи фачжань чжи инсян (Влияние помощи США на экономическое развитие Китайской Республики). – Тайбэй, 1990. – С. 97.

U.S. AID TO TAIWAN IN EDUCATION IN THE POST-WAR PERIOD (1951–1965)

D.I. Petrov

Russian History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article considers the main stages and goals of U.S. aid to Taiwan in the field of education. Highlighted the leading role of the U.S. in the Taiwanese education system reform and training specialists abroad. Special attention is paid to the influence of changes in education on the process of post-war reconstruction of society in Taiwan.

Key words: USA, Taiwan, education, U.S. aid.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Йунус Нади Шен

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 11719

Статья посвящена сравнительно-хронологическому анализу роли евразийской геополитической концепции в отношениях между Россией и Турцией в период после холодной войны. В данной работе анализируются причины конкуренции и динамики сближения в отношениях двух стран.

Ключевые слова: Россия, Турция, холодная война, Средняя Азия, Каспия, эргенекон.

Первая мировая война, разразившаяся в первой четверти XX в., чрезвычайно ослабила Российскую и Османскую империи, в результате чего большевики в октябре 1917 г. захватили власть в России, а в Анатолии турки во главе с Мустафой Кемалем начали борьбу за независимость против оккупационных властей и правительства Османской империи в Стамбуле. При этом политическая борьба большевиков с белыми (1), которые стремились воссоздать царскую Россию, привела к тому, что Россия очень быстро оказалась вовлеченной в жесткую гражданскую войну. Тот факт, что европейские страны поддерживали в этой гражданской войне белых, еще больше усилило вражду между большевиками и Европой (2).

То, что в это же время турки также боролись против европейских стран за обретение независимости, стало поводом для установления тесных взаимоотношений между русскими и турками с целью противостояния Европе. Этот неформальный альянс между Советским Союзом и Турцией наложил свой отпечаток на отношения между двумя странами, которые длились около тридцати лет вплоть до начала Второй мировой войны (3).

С другой стороны, в этот период не только большевики задумывались о том, как устоять России перед лицом угрозы Запада. Несмотря на то, что по некоторым вопросам сторонники концепции евразийства, целью которых было спасение России, имели одинаковые взгляды с большевиками, они заняли антибольшевистсткую позицию, будучи убежденными в том, что социализм не является выходом для России (4).

Тем не менее взгляды евразийцев и большевиков на Турцию были очень похожи, так как обе группы являлись последователями Русской идеи, оце-

нивавшей роль турок в мировой политике с точки зрения отношений между Россией и Западом.

Евразийство – это философское движение, родившееся в среде русских иммигрантов-интеллигентов, которые поселились в Европе, спасаясь от гражданской войны, в сложный период, когда внутри страны дули ветры Октябрьской революции, а во всем мире царил кризис, рожденный Первой мировой войной.

Большинство современных исследователей дату возникновения евразийства связывают с появлением в 1921 г. в Софии коллективного труда основоположников нового идейного течения социополитической мысли под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствие и свершения. Утверждение евразийцев» (5).

Название «Евразийство» происходит от географического наименования континента «Евразия» (6). Видными деятелями евразийства были известные ученые разных областей гуманитарного знания: филолог и культуролог Н.С. Трубецкой (1890–1938), историк П.Н. Савицкий (1895–1968), искусствовед П.П. Сувчинский, религиозный философ Г.В. Флоровский (1839–1979) и др. (7).

В соответствии с определениями Савицкого и Трубецкого, Евразия – это область, которая приблизительно совпадает с географической территорией Советского Союза (8). Евразийцами можно назвать ученых, отрицавших цивилизационную иерархическую структуру, в основе которой лежал европоцентризм, и защищавших идею, согласно которой цивилизация может развиваться за счет своих собственных движущих сил. Территориальные планы евразийцев охватывали пространство внутри границ царской России во времена ее процветания. Евразийцы серьезно критиковали социокультурные реформы Петра I, который взял за основу Европу (9).

В определении этнокультурной Евразии Трубецкого Турции не отводится большого значения по причине того, что она упоминается вместе с другими азиатскими странами, которые, по выражению большевиков, эксплуатируются Европой. То, что в написанном им труде Трубецкой говорит о России как о «наследнице Чингисхана» (10), можно также рассматривать как завуалированный ответ евразийцев на утверждения пантюркистов, что это же «наследие» принадлежит им. В 1925 г., когда Трубецкой писал это, турецко-советские отношения продолжали развиваться в неплохом темпе (11). Когда по окончании холодной войны появились опасения в отношении проведения Турцией политики пантюркизма, это привело к негативному восприятию новыми евразийцами роли Турции в Евразии.

В основе такого отношения представителей СССР к Турции в первую очередь лежат изменения, произошедшие в мировой политической конъюнктуре после Второй мировой войны.

Турция, которая посчитала, что проведенные Сталиным еще до начала войны переговоры Советского Союза с Англией и Францией закончатся созданием союза против Германии, накануне заключения договора между

СССР и Германией подписала союзный договор с Англией и Францией. Это можно рассматривать как первую крупную «трещину» в отношениях между Турцией и СССР. Турция, воздержавшаяся от объявления войны Германии, в конце войны столкнулась с притязаниями Сталина на проливы и на земли на северо-востоке Анатолии (12).

После Первой мировой войны быстро ухудшающиеся отношения Советского Союза с США и странами Западной Европы, а также разделение Европы на два идеологических противоборствующих блока привело к тому, что Турция, для того чтобы противостоять притязаниям Сталина, вошла в Атлантический блок (13).

Эта трансформация отношений, к которой привело разделение на два противоположных лагеря, еще больше усилилась, когда в 1952 г. Турция стала полноправным членом НАТО – организации, которая была создана для обеспечения общей защиты от Советского Союза (14).

То, что с точки зрения неоевразийства Турция превратилась в страну, представляющую угрозу геополитическим интересам Российской Федерации в регионе, тесно связано с изменениями, произошедшими по окончании холодной войны в традиционной политике Турции в отношении всего региона.

В биполярном мире холодной войны Турция обеспечивала свою безопасность, полагаясь на Запад и свое стратегическое значение, являющееся результатом членства в НАТО. Когда в 1989 г. Турция не смогла получить желаемого членства в ЕС, угроза потери влияния НАТО, являвшегося ее единственной сильной связью с Западом, вызвала беспокойство в политических и военных кругах (15). Можно сказать, что именно это беспокойство стало основным фактором, подтолкнувшим Турцию к пересмотру некоторых элементов своей традиционной внешней политики.

Вопрос «турок, проживающих за пределами Анатолии», которого прежде Турции намеренно удавалось избегать, стал важным элементом этой многосторонней внешней политики, начатой сразу же после окончания холодной войны.

После распада СССР, вслед за появлением новых независимых республик в Средней Азии, начали все чаще слышаться теоретические тезисы, что Турция, предложив свою политическую и экономическую систему в качестве «модели», которая укажет этим государствам новый путь, сможет изменить свое геостратегическое значение.

В результате поддержки со стороны западного блока, который опасался, что из-за появления геополитического вакуума после распада Советского Союза республики Средней Азии примут для себя политическую культуру, отождествляемую с шариатскими законами Ирана, Турция начала развивать всесторонние отношения с этими республиками, представляя модель страны, которая доказывает, что ислам, демократия, права человека и рыночная экономика могут сосуществовать (16).

Постепенно углубляющиеся отношения между Турцией и республиками Средней Азии стали причиной значительного воодушевления в политических

кругах Турции. Это одновременно привело к тому, что Турция стала играть в регионе новую для себя роль «старшего брата» (17). Однако эта позиция не только вызвала реакцию со стороны республик Средней Азии, который полагали, что им не нужен новый старший брат, но и породила в России и Иране серьезные сомнения относительно политики Турции в регионе (18).

В 1993 г. Россия начала применять во внешней политике «принцип соседства», что помогло ей быстро восстановить свое влияние на страны постсоветского пространства и убедило мировое общественное мнение в том, что геополитический вакуум в регионе заполнит сама Россия (19). Начиная с 1994 г. Россия, внедряющая принцип «соседства», являющийся результатом реалистичного геополитического подхода, лежащего в основе ее идейной философии, начала очень внимательно следить за политикой Турции в отношении энергетических ресурсов Средней Азии и Каспия.

Несмотря на атмосферу, в которой царили сомнения и недоверие в восприятии друг друга, государственные деятели, имевшие влияние на функционирование политических механизмов между Россией и Турцией, в отношениях на официальном уровне прибегали к осторожной риторике. Значительное влияние на это оказало то, что евразийство стало концепцией, влияющей на структуру российской дипломатии (20). Из-за лежащего в основе евразийской концепции стремления установить контроль и влияние в регионе, любой «участник», который пытался установить свое господство на постсоветском пространстве, становился для России источником беспокойства. В этом смысле, неудивительно, что активная политика, проводимая в данном регионе Турцией в этот период, сделала ее серьезной угрозой для России.

То, что Россия начала определять свою политику по отношению к странам постсоветского пространства в рамках «принципа соседства», породило первый важный результат с точки зрения российско-турецких отношений, который заключался в начале укрепления политических, военных и экономических отношений России со многими бывшими советскими республиками и параллельно этому – в осознании «хрупкости» сотрудничества между Турцией и тюркскими республиками (21).

Продолжающаяся с 1991 г. политическая борьба между азербайджанцами и армянами Нагорного Карабаха, фактически превратилась в армяно-азербайджанский конфликт при поддержке Арменией своих сородичей в Нагорном Карабахе. Турция с самого начала оказывала значительную политическую поддержку Азербайджану. Одна из причин проазербайджанской позиции Турции заключается в том, что вследствие различных исторических проблем отношения между Арменией и Турцией испорчены. Общественная реакция в Турции, которую вызвало массовое убийство армянскими вооруженными формированиями гражданского населения в азербайджанском городе Ходжалы в феврале 1992 г., незамедлительно вызвала опасения, что Турция может вмешаться в войну (22). После того как в апреле 1993 г. армяне захватили город Кельбаджар и открыли второй сухопутный коридор меж-

ду Арменией и Нагорным Карабахом, заявление Озала о том, что Турция будет оказать Азербайджану вооруженную помощь, вызвало реакцию в Москве, которая была выражена в виде предупреждения Турции о невмешательстве в дела Азербайджана. В то время как турецкие политические круги обсуждали ответную реакцию (23), перемирие, достигнутое благодаря вмешательству России в 1994 г., привело к тому, что Нагорный Карабах перестал быть решающим фактором российско-турецких отношений (24).

Армения, граничащая с Турцией и Азербайджаном, с каждым днем стала все больше и больше нуждаться в военной, политической и экономической помощи России и начиная с 1994 г. благодаря своему «принципу соседства» Россия смогла добиться желаемого результата на Кавказе. Этот успех также привел к результатам, которые были непосредственно связаны с безопасностью Турции. В марте 1995 г. две армянские базы были сданы Арменией в аренду России сроком на двадцать пять лет. Границы, находящиеся под защитой российских войск, представляли собой соседствующие с Турцией территории. Такое развитие событий привело к тому, что Турция увидела в лице России стратегическую угрозу на северо-востоке Турции (25).

К геополитической конкуренции, которая продолжалась между Турцией и Россией с 1994 г., добавился сильный элемент геоэкономической конкуренции. Энергетические ресурсы Каспийского моря представляли собой важное средство для осуществления странами этого региона независимых от России экономических и политических шагов. За счет доходов от продажи энергоресурсов эти страны, с одной стороны, привлекая к себе западные инвестиции, могли получить значительную экономическую свободу, а с другой стороны, благодаря прокладке трубопроводов по транспортировке нефти и природного газа через другие страны, кроме России, могли бы освободиться от ее экономического и политического давления (26).

Россия, которая в рамках евразийской концепции воспринимала эту возможность как угрозу своему влиянию в регионе, в течение длительного времени настаивала на исполнении определенного правовым статусом Каспийского моря требования эксплуатации энергетических ресурсов региона с общего согласия пяти прибрежных государств (России, Ирана, Азербайджана, Туркменистана и Казахстана) (27).

Для российско-турецких отношений, в свою очередь, стал важным маршрут, по которому должен был пройти основной трубопровод, используемый для транспортировки ресурсов на зарубежные рынки.

И здесь Турция, которая с 1993 г. предлагала проект строительства трубопровода, по которому азербайджанская нефть через Иран, Армению или Грузию будет доставляться в средиземноморский портовый город Джейхан, столкнулась с Россией, которая поддерживала идею транспортировки каспийской нефти на внешние рынки только через трубопроводы, протянувшиеся до Новороссийска.

В это же время проект строительства нефтепровода «БТД» благодаря поддержке турецкого проекта Алиевым, который начал видеть в российской политике соседства угрозу для независимости Азербайджана, а также поддержке по тем же соображениям со стороны Грузии, стал самым важным конкурентом трубопроводу «Баку–Новороссийск» (28).

То, что именно в этот период российско-американские отношения стали очень натянутыми из-за расширения НАТО на восток, и что в связи с этим США заняли протурецкую позицию в отношении строительства нефтепровода, также имело большое значение. Благодаря постоянно растущей политической и экономической поддержке США после 1997 г. Турция стала страной-кандидатом на роль «энергетического коридора». В этой связи становится понятным, почему с точки зрения евразийской концепции Турция рассматривалась как наиболее важный региональный геополитический соперник России (29).

Другой примечательной особенностью российского евразийства в постсоветский период являются экспансионистские устремления России, нацеленные на установление господства на постсоветской территории.

Именно эти устремления являются наиболее важным моментом, отделяющим новое евразийство от прагматичного евразийства. В то время как неоевразийство стремится посредством географической экспансии объединить страны бывшего Советского Союза с Россией и создать новую Российскую империю, прагматичное евразийство отстаивает политическую концепцию, направленную на то, чтобы эти страны на первый взгляд выглядели независимыми, но на практике зависели бы от России в политическом, экономическом и военном плане.

Когда в 1992–1994 гг. Турция стала использовать идею общности тюркских народов, российские власти начали беспокоиться, что Турция проводит в регионе политику пантюркизма, которая напоминает политику, проводимую в прошлом. Лозунг, провозглашенный в те времена Демирелем «Тюркский мир от Адриатики до Великой Китайской Стены», стал причиной беспокойства России (30).

Турция с самого начала на официальном уровне через самых авторитетных лиц неоднократно отвергала обвинения правительства России и представителей неоевразийства в пантюркизме. Так, Демирель в своих выступлениях на разного рода мероприятиях неоднократно подчеркивал, что Россия проявляет чрезмерную мнительность относительно пантюркистских высказываний Турции, а также утверждал, что страны, имеющие общую историю, язык, культуру и религию, периодически встречаются, и к этому нужно относиться как к естественному явлению, а данная дипломатическая линия, по словам Демиреля, указывает на прагматичную политику, нацеленную на укрепление сотрудничества между странами региона (31).

Одной из проблем, являющихся причиной напряженности во взаимоотношениях между Россией и Турцией, стала проблема Чечни. То, что столк-

новений между чеченцами, желающими после распада Советского Союза получить независимость, и российскими военными становилось все больше, в результате чего в Турции сформировалась масштабная волна оппозиции против России, а также тот факт, что некоторые граждане Турции добровольцами отправились в Чечню для борьбы с Россией, привело к возникновению в российско-турецких отношениях напряженной атмосферы, полной серьезных сомнений в отношении друг друга. Когда в январе 1996 г. чеченские активисты напали на паром «Евразия», следующий из Трабзона в российский порт Сочи, и взяли в заложники пассажиров и членов экипажа, эта проблема стала одной из основных тем повестки дня в отношениях между Россией и Турцией (32).

Неоевразийцы использовали это для того, чтобы с целью противодействия политике Турции вмешаться в курдский вопрос, который в 1990-х гг. стал одной из наиболее важных проблем как в национальной, так и в международной сфере. Национальный освободительный фронт Рабочей Партии Курдистана в международных сферах провел так называемое заседание Курдского парламента в здании, принадлежащем российской Думе. Несмотря на все возражения Турции, отношения между Думой и РПК продолжались вполне открыто до тех пор, пока глава курдских сепаратистов Абдуллах Оджалан не был задержан турецкими службами в октябре 1998 г. в Кении (33).

В отличие от думской оппозиции российское правительство под руководством Примакова приложило большие усилия к тому, чтобы эта проблема не превратилась в кризис в отношениях между Россией и Турцией. В результате приложенных Примаковым усилий Оджалан даже был вынужден покинуть Россию, а российские власти пытались успокоить негативную реакцию Турции, утверждая, что это событие произошло без их ведома (34).

Коротко говоря, инцидент с Оджаланом можно рассматривать не только как важный пример проверки российско-турецких отношений, но и как событие, указывающее на разницу подходов нового и прагматичного евразийства к внешней политике России.

Постсоветское российское евразийство возникло как проявление историко-геополитического наследия, сформировалось в качестве концепции, выдвинутой Россией для решения возникшей после холодной войны проблемы «самоидентификации», и, хоть и не во всех аспектах, стало выступать в качестве официальной идеологии внешней политики России.

Осознание существования школы евразийства в Турции произошло в конце 90-х гг. Несмотря на то, что периодически возникали утверждения, что Турция скорее должна создать геополитический блок с бывшими советскими тюркскими республиками, а также Ираном, Пакистаном и Китаем, чем с ЕС и США, сложно сказать, что в то время такого рода идеи имели серьезный отклик в Турции (35).

Открытие российского понимания евразийства произошло после подписания во время визита премьер-министра России Черномырдина соглашения

на осуществление проекта «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию.

Эта встреча получила неоднозначную оценку.

Говорили, что Россия, воспользовавшись результатами Люксембургского саммита ЕС 12–13 декабря 1997 г., «разыграла свою карту». Турция, с 1959 г. ожидавшая положительного решения о признании себя кандидатом в ЕС, на этом саммите в очередной раз получила отказ. Кандидатами на вступление в ЕС были приняты страны, не превосходящие Турцию по уровню развития, а также на более 10 лет тому назад состоявшие в Восточном блоке, что вызвало резко негативную реакцию как общественных, так и в политических кругах (36).

Как становится понятным из выступления Демиреля на открытии Великого Национального Собрания в сентябре 1994 г., который сравнил Турцию с «воротами», которые позволят Европе и США укреплять взаимоотношения со странами Южного Кавказа и Средней Азии, Евразия, с точки зрения турецких политиков, рассматривалась в качестве инструмента, который поможет интеграции Турции в Европу (37).

Укрепление отношений России с другими странами в регионе как посредством подписания двусторонних соглашений, так и через региональные организации по сотрудничеству является еще одним важным проявлением российского евразийства (38).

В рамках этого принципа Россия в течение 1990-х гг. подписала двухсторонние соглашения с Ираном, Китаем и республиками Средней Азии в области экономики, торговли, энергетики и безопасности. Совет по сотрудничеству прикаспийских стран, созданный в 1992 г. под руководством Ирана и России с целью развития транспорта и торговли между пятью прикаспийскими государствами, а также саммиты с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, которые начали регулярно проводиться начиная с 1996 г. и позже привели к созданию ШОС, являют собой примеры прагматичной стороны постсоветского российского евразийства (39).

Что касается создания СНГ, то эта организация, по сути, была создана для того, чтобы гарантировать, что бывшие республики Советского Союза разделились мирно. Российское евразийство, в свою очередь, рассматривало СНГ в качестве инструмента для укрепления политического и экономического влияния России на эти республики.

Среди усилий, которые были приложены для конкретного воплощения этой цели, можно назвать Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1993 г. и направленный на создание системы совместной обороны между странами-участницами, а также Договор о создании таможенного союза, подписанный в 1996 г. и позднее получивший название ЕврАзЭС. Развитие отношений между Россией и евразийскими странами положительно сказалось и на российско-турецких отношениях, и благодаря этому импульсу Россия заняла второе после Германии место во внешней торговле Турции (40).

В ходе многочисленных двухсторонних официальных визитов, осуществленных в 1990-е гг., между двумя странами были подписаны соглашения о сотрудничестве в области технологий и в военной области. Турция даже стала первой страной НАТО, купившей у России оружие.

Соглашение о строительстве газопровода «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию по дну Черного моря сразу же выдвинуло на передний план энергетическое сотрудничество в двухсторонних отношениях (41).

Однако с точки зрения общего хода отношений между Турцией и Россией региональное сотрудничество осталась в тени геополитической конкуренции и других политических разногласий между странами.

Одним из наиболее важных примеров, доказывающих это утверждение, является договор о продаже ракет С-300, подписанный Россией с Южным Кипром в 1997 г. Так как эти ракеты должны были разместиться на юге Кипра, угрожая тем самым значительной части территории Турции, проблема мгновенно переросла в политический кризис между Россией и Турцией (42). Турция заявила, что в случае размещения ракет на острове она может ударить по ракетоносцам, и даже начала останавливать проходящие через Турецкие проливы российские торговые суда и проводить обыск. Россия, заявившая, что единственным условием для расторжения договора является полное освобождение острова от военных, не смягчила данный конфликт (43). Этот кризис показывает, что, когда речь идет о таких разногласиях, как кипрская проблема, коммерческая деятельность между двумя странами может приобретать политический характер (44).

Одной из инициатив в области регионального сотрудничества, которая привлекает особое внимание, является Организация черноморского экономического сотрудничества, которая была создана в июне 1992 г. благодаря значительным усилиям Турции и России.

Однако этот проект, который теоретически имеет достаточный потенциал для обеспечения коммерческой стабильности, за исключением некоторых технических вопросов, не смог превратиться в эффективную с точки зрения российско-турецкого регионального сотрудничества платформу (45).

Одновременно с фокусированием российско-турецкой геополитической конкуренции на разногласиях по вопросам транспортировки региональных энергоресурсов в регионе появились новые области поляризации. Когда в 1995 г. возрос интерес США к каспийским энергоресурсам, это привело к усилению политических, экономических и военных отношений между Россией, Ираном и Арменией, которые выступали против данного проекта (46).

В период накануне второй военной операции России в Чечне, а также в период осторожного сближения между Россией и Турцией президентом Российской Федерации стал Владимир Путин. Несмотря на то, что запад резко отреагировал на военное вмешательство России в Чечне, Турция назвала это

внутренней проблемой России, создав тем самым более позитивную картину отношений, чем это было в прошлом (47).

Несмотря на выступления Запада против проводимой Россией операции, премьер-министр Эджевит во время своего визита в Москву отметил, что чеченская проблема является внутренней проблемой России, и подписал Декларацию о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Это стало важным показателем решительности в направлении укрепления российско-турецких отношений (48).

Сближение, наблюдаемое в двухсторонних отношениях между странами, указывает на прагматичную сторону евразийства, которое берет за основу региональное сотрудничество. Действительно, эта точка зрения подтверждается и тем, что визит министра иностранных дел С. Иванова в Анкару в июне 2001 г. был практически полностью сконцентрирован на сотрудничестве в сфере энергетики, оборонной промышленности и экономики (49).

В этот же период другим важным шагом в области регионального сотрудничества стало фактическое создание в апреле 2001 г. Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR), в которую вошли Турция, Россия, Украина, Болгария, Румыния и Грузия. Эта организация по военно-морскому сотрудничеству между военно-морскими силами черноморских стран в области поиска-спасения, защиты окружающей среды, траления мин стала первым сотрудничеством в военной сфере за более чем пятисотлетнюю историю политических отношений между Турцией и Россией (50).

В этот период в связи с проблемами в ходе присоединения Турции к ЕС евразийство, пусть и не на правительственном уровне, но в глазах общественного мнения Турции, начало приобретать антиевропейский характер. Эта ситуация, несомненно, напрямую связана с тем, что, для того чтобы начать переговоры о членстве Турции в ЕС полномочные лица ЕС озвучили такие требования, как осуществление образования на курдском языке, отказ от смертной казни и решение кипрской проблемы.

За идею о необходимости развития «оси Москва–Тегеран» в противовес ЕС высказывались также некоторые известные своим осторожным отношением к участию Турции в ЕС круги Турецких вооруженных сил (51). Однако сразу же после этих заявлений начальник Генерального штаба сообщил о том, что Турция продолжит добиваться членства в ЕС, и с геополитической точки зрения не будет вести поиск альтернативных ЕС союзов с Россией или Ираном.

После 2003 г. евразийство в Турции начало постепенно приобретать антиамериканскую направленность. В этот период, когда дебаты вокруг евразийской концепции стали все чаще выходить на повестку дня, в Турции прошли выборы, которые вызвали достаточно важные изменения в политической картине Турции (52).

Видение внешней политики новым правительством Турции сконцентрировалось на необходимости решения двухсторонних проблем со всеми

соседями, увеличения политической активности в региональных и глобальных вопросах и, таким образом, превращении в «центральную страну» в Евразии, а соответственно, и в мировой политике (53).

Это значение, которое правительство придало Евразии и геополитике, привело к тому, что некоторые писатели стали говорить об осуществлении неоосманской концепции евразийства.

Однако сохранение позитивного характера российско-турецких отношений и отсутствие действий, которые могли бы обеспокоить российское правительство, является важным показателем того, что комментарии относительно «неоосманизма» были чрезмерно раздутыми.

Самым главным вопросом в российско-турецких отношениях, который дал о себе знать, особенно в конце 2002 г., стала планируемая США военная операция в Ираке. Россия открыто выступила против военного вмешательства США в Ираке. Обращает на себя внимание также и тот факт, что во время московской встречи двух лидеров Путина и Эрдогана в декабре 2002 г. оба подтвердили единство мнений относительно необходимости мирного разрешения иракского кризиса (54).

Если резюмировать события в рамках российско-турецких отношений в этот период, то необходимо подчеркнуть, что оба государства пытались прийти к определенному соглашению по различным региональным и глобальным политическим вопросам. Это стремление к взаимопониманию в первую очередь было сконцентрировано на Кавказском и Среднеазиатском регионе, и в 2003 г. после военной интервенции США в Ираке взаимоотношения между двумя странами стали развиваться еще активнее. Несмотря на все политические возражения, в марте 2003 г. США осуществили военное вторжение в Ирак. В результате голосования в Великом Национальном Собрании Турции, состоявшегося 1 марта 2003 г., было принято решение об отказе в разрешении на нахождение на территории Турции иностранных военных, в результате чего планы правительства США об открытии северного фронта были «похоронены» (55).

Отказ Америке от турецкого правительства был с одобрением встречен, в первую очередь, В. Путиным, а также российскими политическими кругами (56).

В этой ситуации важную роль сыграли растущие антиамериканские настроения, а также значительные изменения во взглядах известного российского идеолога евразийства А.Г. Дугина на Турцию. В результате произошедших событий Дугин отметил, что положение Турции в рамках евразийского проекта можно рассматривать со значительно более позитивной точки зрения, еще раз продемонстрировав тем самым, как быстро он может менять свои политические взгляды в угоду существующей мировой и геополитической конъюнктуре. Дугин, который приехал в Турцию и выступил на конференции, организованной в Стамбульском университете, сказал, что в ответ на вторжение США Турция и Россия должны действовать с позиции евра-

зийской концепции, а в ответ на планы Запада объединить Кипр необходимо поддерживать Президента ТРСК Рауфа Денкташа (57).

Большую роль в том, что Дугин изменил свое отношение, сыграл также план, который был предложен в ноябре 2002 г. Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в основе которого лежала идея объединения Кипра по модели «два общества – одно государство», и который по ожиданиям должен был быть воплощен на Кипре в 2004 г. (58).

В апреле 2004 г. этот план был вынесен на референдум, проведенный в обеих частях острова. Однако, несмотря на то, что население Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) согласилось на объединение, жители греческой части острова отвергли предложенный план. Сразу же после того, как население греческого Кипра отвергло план объединения, Греческий Кипр в качестве представителя всего острова стал в 2005 г. членом ЕС (59).

Военная оккупация США в Ираке вместе с планом Аннана стали основными факторами, объединившими на основе антагонизма по отношению в США и ЕС националистские группы в Турции, которые с самого начала активно интересовались концепцией евразийства. В этом контексте следует обратить особое внимание на то, что возникшая в связи с этим организация, названная «Красное яблоко», провела в феврале 2003 г. на ТРСК огромный митинг, который стал реакцией на попытки США и ЕС объединить остров и который был организован в поддержку подхода «два общества – две части», выдвинутого президентом ТРСК Р. Денкташем (60).

Впервые через 32 года после визита Подгорного в 1972 г. российский президент В. Путин посетил Анкару с официальным визитом. В ходе этого визита особое внимание обращает на себя тот факт, что о российско-турецких отношениях уже говорят как о многостороннем сильном партнерстве (61). Сразу же после визита Путина в Анкару в январе 2005 г. Москву посетил Эрдоган, а в июле 2005 г. оба лидера снова встретились в Сочи.

Эти визиты, которые практически прошли один за другим, указывают на то, что подходы обеих стран к региональным и мировым политическим вопросам в этот период были очень близки (62). Отражающим единство понимания различных проблем обеими странами, является то, что в мае 2005 г. в результате того, что Россия проголосовала «против», а Турция воздержалась, заявка США на получение статуса наблюдателя в Ассамблее организации черноморского экономического сотрудничества была отклонена.

В 2006–2008 гг. начали появляться разногласия относительно трубопроводов по транспортировке энергоресурсов, и эти проблемы негативно отразились на развитии двухсторонних отношений (63). Из-за разногласий по поводу цены в январе 2006 г. Россия прекратила подачу природного газа в Украину. В ответ на это Украина, используя ту часть трубопровода, которая проходит через ее территорию и доставляет газ в европейские страны, создала трудности при поставке газа в Европу (64). После преодоления украинского кризиса страны ЕС, для того чтобы снизить свою энергетическую за-

висимость от России, начали активно обсуждать проекты строительства альтернативных трубопроводов для транспортировки энергоресурсов.

Самым важным из этих проектов стал проект «Набукко», предварительное соглашение по которому было подписано в 2002 г. Этот проект, который стал альтернативой проектам, предлагаемым Россией, предусматривает строительство трубопровода, который позволит транспортировать природный газ из Ирана, Азербайджана и Туркменистана через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Австрию (65).

Помимо этого наряду с развитием проекта «Набукко» следует также упомянуть об официальном открытии в июле 2006 г. нефтяного трубопровода «БТД», который стал одним из наиболее ярких примеров сотрудничества между Турцией и США против России. Более того, в тот же период было принято решение о присоединении к проекту БТД Казахстана, а также начали предприниматься шаги по ускорению воплощения проекта по строительству Транскаспийского газопровода, который планировалось провести по дну Каспийского моря. Все эти важные события изменили ситуацию на международном рынке энергоресурсов.

В ответ на это российское правительство отрицательно отнеслось к предложенному Турцией проекту по строительству нефтепровода «Самсун-Джейхан». Кроме этого, в 2006 г. Россия снова подняла тему строительства нефтепровода «Бургаз-Дедеагач» в обход Турецких Проливов, являющихся основным маршрутом российских нефтяных танкеров.

Этот проект, который предполагает транспортировку российской нефти танкерами из Новороссийска в порт Бургас, а отсюда посредством нового строящегося нефтепровода – в Дедеагач в Греции, по сути, способен ослабить притязания Турции на то, чтобы стать энергетическим «терминалом» (66). В мае 2007 г. Россия, Казахстан и Туркменистан подписали предварительное соглашение о строительстве нового трубопровода, который будет доставлять туркменский природный газ, являющийся основой проекта «Набукко», через Казахстан в Россию. Это соглашение даже называли в турецкой прессе того периода концом «Набукко» (67).

Если рассмотреть все эти события с точки зрения дебатов вокруг евразийства, то можно заметить, что в связи с быстро набирающим темпы соперничеством между двумя странами в области энергоресурсов распространение получили идеи о том, что энергетическая политика России представляет собой риск для Турции.

Волнения во внутренней политике Турции и объявление в апреле 2007 г. о выдвижении Абдуллы Гюля в качестве кандидата на пост президента от Партии справедливости и развития вызвало бурную реакцию в кругах лаицистов, уже давно утверждавших, что Партия справедливости и развития (ПСР) является «исламской». В результате этого беспокойство относительно того, что господство ПСР в законодательной и исполнительной власти может представлять собой угрозу для светского строя Турции, объединило эти

круги вокруг националистических высказываний и тезисов. Политические события, которые сконцентрировались вокруг борьбы демократов-консерваторов и националистов, начавшей набирать темпы в середине 2007 г., естественно, оказали влияние на обсуждение турецкой внешней политики (68).

Несмотря на большое количество людей, участвовавших в митингах «Джумхуриет», на всеобщих выборах, состоявшихся в июле 2007 г., ПСР набрала большое количество голосов, составившее 47%, и в результате парламентского голосования Абдулла Гюль, являющийся кандидатом от ПСР, был избран на пост президента (69). При этом РНП, чья позиция со временем стала еще более националистической, набрала всего 19%, что вызвало глубокое разочарование в националистически настроенных кругах (70).

В период после победы ПСР начался процесс «очищения» вооруженных сил Турции от кругов, поддерживающих сближение Турции с блоком Россия–Иран–Китай. Самой важной частью этого процесса «очищения» стало то, что в результате расследования, начатого после обыска в одном из домов в Стамбуле в июне 2007 г., были обнаружены доказательства существования организации «Эргенекон», обвиняемой в том, что она прилагала усилия, чтобы незаконными способами свергнуть правительство ПСР (71).

Обнаруженные по этому делу доказательства свидетельствуют о том, что некоторые военные и вышедшие в отставку генералы Турецких вооруженных сил тайно сотрудничали с националистическими кругами, стремящимися низложить правительство ПСР. Среди тех, кого прокуратура в рамках следствия арестовала и/или взяла под наблюдение, оказались военные и политические деятели, известные своей приверженностью к концепции евразийства. Это свидетельствует о том, что организация «Эргенекон» была связана с кругами, защищающими в Турции концепцию евразийства (72).

Эта связь не ускользнула и от внимания турецкого общественного мнения, в результате чего евразийство начало рассматриваться как отражение авторитарных и антидемократических идей организации «Эргенекон» и, соответственно, стало осуждаться. Как показывают все эти события, с 2008 г. евразийство начало быстро терять к себе позитивный интерес, существовавший еще несколько лет назад в Турции, и превращаться в вызывающую антипатию теорию, которая отождествляется с переворотами.

В результате этого, несмотря на то, что евразийство широко обсуждается в Турции и поддерживается националистическими кругами, нельзя сказать, что общественное мнение, правительство и армия рассматривают эту концепцию в качестве альтернативы взаимоотношениям Турции с США и ЕС.

По сути это связано с тем, что в отличие от РФ евразийство в Турции никогда не имело сильной исторической и философской основы. Если взглянуть с прагматической точки зрения, то евразийство для Турции было не более чем конъюнктурной политикой. Более детальное изучение политики правительства ПСР в отношении России свидетельствует, что эта политика имеет тактическую цель, которая, в свою очередь, сфокусирована на

экономической и торговой областях и иногда используется в качестве политического козыря против США и ЕС.

В комбинации политических отношений, сложившихся на евразийской территории после Холодной войны, Турция является для России одной из самых важных региональных сил с точки зрения исторического наследия и стратегического положения. В то время как в 1990-е гг. в результате пересечения интересов России и Турции как на суше, так и на море между ними возникло напряжение, с начала 2000-х гг. эта напряженность либо спала, либо изжила себя, и между двумя странами началось масштабное сотрудничество. Это позитивное изменение во взаимоотношениях является доказательством существования у «геополитической евразийской концепции» защитного рефлекса и прагматической природы, которая обладает потенциалом для сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Белое движение – военно-политическое движение разнородных в политическом отношении сил, сформированное в ходе Гражданской войны 1917–1923 гг. в России с целью свержения советской власти. Белое движение было крупнейшей антибольшевистской военно-политической силой во время Гражданской войны в России и существовало наряду с другими демократическими антибольшевистскими правительствами, националистическими сепаратистскими движениями на Украине, Сев. Кавказе и в Средней Азии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – С. 74.

(2) Евразийство (Формулировка 1927) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 227.

(3) Справка о политической обстановке, в которой был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией от 16.03.1921 // АВП РФ. – Ф. 0132. – Оп. 366. – П. 325. – Д. 1. – Л. 1–14.

(4) *Козлова Н.Д.* История России с древних времен до наших дней. – М.: Просвещение, 2010. – С. 369–418.

(5) *Жданова Г.В.* Идейно- политические течения Русского Зарубежья начала XX столетия // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2010. – № 3. – С. 66.

(6) Там же.

(7) *Мамонтов С.П.* Основы культурологии. – М.: Олимп, 1999. – С. 17.

(8) *İmanov V., Erşen E.* Avrasya Konuşmaları: Medeniyet, Modernite, Kimlik. – İst.: Küre, 2010. – С. 17.

(9) Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – С. 428.

(10) *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингиз хана. – М.: Аграф, 1999.

(11) http://www.pravda.ru/world/asia/centralasia/11-12-2007/248234-turkey-0

(12) *Гасанлы Д.* СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. – М.: Центр пропаганды, 2008. – С. 19.

(13) *Saray M.* Sovyet Tehdidi Karşısında Türkiye'nin NATO'ya Girişi: III. Cumhurbaşkanı Celal Bayar'ın Hatıraları ve Belgeler. – Ankara, 2000. – S. 103.

(14) *Гасанлы Д.* СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне... – С. 13.

(15) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İst.: Küre, Ocak 2010. – S. 493.

(16) Inter Press Service, 12 февраля 1992.

(17) *Колобов О.А. , Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения: Проблемы сотрудничества и перспективы развития. – Н. Новгород, 2004. – С. 90–104.

(18) Турецкая Республика. Справочник. – М.: ИИИиБВ, 2000. – С. 105.

(19) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu... – S. 472.

(20) *Колобов О.А.* Современные турецко-российские отношения... – С. 274–278.

(21) *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı. / Basılmamış doktora tezi. – İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2009. – S. 217.

(22) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II: 1980–2001 (2. Baskı), Editör: *Oran B.,* İletişim yay. – İst., 2001. – S. 544.

(23) *Фредди де Пау*. Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. – М.: Весь мир, 1997. – С. 45.

(24) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения... – С. 202.

(25) *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı... – S. 233.

(26) *Koçgündüz L. M.* Hazar Bölgesi Enerji Politikaları, Dünya Çatışmaları Çatışma Bölgeleri ve Konuları, Edit.: *Kemal İnat, Burhanettin Duran, Muhittin Ataman*, C. 1. – Ank.: Nobel yay., Ekim 2010. – S. 487.

(27) İbid. – S. 489.

(28) *Колобов О.А, Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения… – С. 153.

(29) *Ersen E.* «The Impact of Baku-Tbilisi- Ceyhan Oil Pipeline on Turkey – U.S. Relations» // Turkish Review of Eurasian Studies. – Annual 3. – 2003. – P. 99–103.

(30) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II... – S. 388.

(31) ИТАР ТАСС, 29 Сентября 1992.

(32) *Колобов О.А, Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения… – С. 211–222.

(33) Там же.

(34) Там же. – С. 203.

(35) *İlhan S.* Jeopolitik Gelişmeler ve Türk Dünyası, Avrasya Etüdleri, C.2, Sayı 3, Sonb. 1995. – S. 36.

(36) На саммите было принято решение о принятии Чехии, Словении, Румынии, Болгарии, Мальты, Прибалтики, и Кипра в члены ЕС.

(37) http://www.belgenet.com/arsiv/demirel_tbmm1994-01/html

(38) *Aydın M. ve Özensel E.* Tarihin Sonu mu? F. Fukuyama v.d. – İst.: Vadi yay, 2003. – S. 214–216.

(39) *Dartan M., Hatipoğlu E., Dikkaya M.* ECO Bölgesi: Uluslararası Aktörlerin Rolü ve Türkiye. – İst.: MÜ Avrupa Enst, 2002. – S. 43.

(40) *Kazgan G. ve Ulçenko N.* Dünden Bugüne Türkiye ve Rusya: Politik, Ekonomik ve Kültürel İlişkiler. – İst.: Bilgi Ünivers. – Yayınları, 2003. – S. 156.

(41) *Bacik G.* «The Blue Stream Project, Energy Co-operation and Conflicting Interests» // Turkish Studies. – Осень 2001. – Т. 2. – № 2. – P. 88.

(42) http://www/mfa/gov/tr/Turkce/grupc/ce/bakan3021298.html

(43) *Bakar İ.* Jeopolitik Yaklaşımlar Çerçevesinde Soğuk Savaş Sonrası Türk Yönelişleri // Basılmamış doktora tezi. – İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006. – S. 101.

(44) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения… – С. 136.

(45) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu... – S. 279.

(46) Milliyet 26 Ocak 1999.

(47) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II... – S. 545.

(48) *Bazoğlu S. D.* Turkish- Russian Relations: The Challenges of Reconciling Geopolitical Comnpetition with Economic Partnership Turkish Studies. – Spring 2000. – Vol. 1. – № 1. – P. 59–82.

(49) *Kınıklıoğlu S.* Türk- Rus İlişkileri: Kasyanov Züyaretinin Anatomisi, Avrasya Dosyası, Cilt 6, Sayı 4, Kış 2001. – S. 155–164.

(50) http:// www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html

(51) Высказывания секретаря Совета национальной безопасности того периода Т. Кылынча, сделанные им во время своего выступления в марте 2002 г. нашли широкий отклик среди общественного мнения. В частности он сказал: «ЕС отрицательно смотрит на интересующие Турцию вопросы… Я считаю полезным для Турции начать поиск перспектив, которые должны охватывать Россию и Иран».

(52) Hürriyet, 4 Kasım 2002.

(53) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф...* – С. 65–80.

(54) ИТАР ТАСС, 24 Декабря 2002 г.

(55) Hürriyet, Milliyet, Sabah: 7 Temmuz 2003.

(56) Например, В. Путин назвал решение турецкого парламента «событием недели», а некоторые российские аналитики назвали вынесенное решение об отказе одним из самых важных политических проигрышей правительства Буша. Radikal, 5 марта 2003 г.

(57) http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1614

(58) *Иванова И.И., Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX–XXI веков. – М., 2008. – С. 42.

(59) Там же.

(60) *Erşen E....* – S. 292.

(61) Hürriyet Aralık, 2004.

(62) *Külebi A.* The forgotten Option: Turkish Eurasianizm // http: // www.tusam.net/makaleler.aspid

(63) *Иванова И.И., Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX–XXI веков. – М., 2008. – С. 32–51.

(64) *Шен Й.Н.* Черноморские проливы и российско-турецкие отношения после холодной войны: Магистерская дисс. – М.: РУДН, 2011. – С. 108.

(65) *Каныгин П. С.* Энергетическая безопасность ЕС и интересы России: Дисс. … к.э.н. – М.: Ин-т Европы РАН, 2007. – С. 28–32.

(66) *Шен Й. Н.* Черноморские проливы... – С. 89.

(67) Cumhuriyet 15 Ekim 2007.

(68) Radikal, 17 февраля 2007.

(69) Zaman, 30 Haziran 2008.

(70) Hürriyet, 30 Temmuz 2007.
(71) Zaman, 25 Ocak 2008.
(72) *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı: Doktora tezi. – İst.: Marmara Üniv. SBE, 2009. – S. 309.

THE RELATIONS BETWEEN RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF TURKEY IN THE CONTEXT OF EURASIAN GEOPOLITICAL CONCEPTION

Y.N. Şen

World History Department
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the comperative-chronological analysis of the role of Eurasian gepolitical conception which have very deep historical roots of the relations between Russia and Turkey in the aftermath of the Cold War. In this research author analysed elements of competititon, dynamics of approaching and their occurence through the caracteristics in the relations between two countries.

Key words: Russia, Turkey, Post soviet period, Central Asia, Caspia, Ergenekon.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ЛИССНЕР – ОТРАЖЕНИЕ ЗОРГЕ[1]

А.Г. Фесюн

Кафедра цивилизационного развития Востока
Отделение востоковедения
Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье представлена биография и деятельность немецкого разведчика Ивара Лисснера – человека, практически повторившего жизненный путь советского разведчика Рихарда Зорге, работавшего в дальневосточном регионе в 30–40-е гг. XX в.

Ключевые слова: Германия, фашизм, Япония, СССР, разведка, Абвер, Рихард Зорге, Манчжурия, Китай.

10. **Работа на Дальнем Востоке в качестве корреспондента нацистского печатного органа.** Вайнрайх из издательского дома «Ханза», «открывшего» Лисснера, даже в наши дни не мог скрыть негодования при упоминании о том, как они получили извещение Лисснера о его переходе в «Фелькишен Беобахтер» и отъезде в Японию. Он говорил: «Сообщение Лисснера потрясло меня. Мы не собирались конкурировать с “Фелькишен Беобахтер”, да это было и невозможно. Ничего не оставалось, кроме как принять его слова, как данность». Лисснер приводил еще несколько причин, однако, похоже, задолго до этого с его стороны были предприняты некоторые шаги для установления связей с “Фелькишен Беобахтер”. Антинацистски настроенный Вайнрайх был просто потрясен, узнав о том, что Лисснер подал заявление об увольнении; своего удивления он не мог забыть никогда. По его мнению, талантливому писателю потребовалось бы около года, чтобы привыкнуть составлять статьи для такой варварской нацистской газеты.

[1] Первая часть опубликована в Вестнике РУДН. Сер. «Всеобщая история». – 2012. – № 3. – С. 79–102.

Сам же Лисснер не испытывал ни малейших колебаний, подавая заявку на поступление в «Фелькишен Беобахтер». Он считал, что редакция даст ему какую-нибудь особую должность. Редакция же в то время искала профессиионального журналиста, способного заменить ушедшего с поста главы токийского корпункта «Фелькишен Беобахтер» Альбрехта Фюрст фон Ураха (Albrecht Fürst von Urach), а также плохо зарекомендовавшего себя сообщениями из Китая корреспондента в Шанхае Шенке (Schenke). Лучшего кандидата на это место, чем Ивар Лисснер – друг японских военных и гарант доверия между Берлином и Токио, не существовало.

Да и для Лисснера – путешественника по миру – этот пост был сказочным сном. В марте 1939 г. он вторично приехал в Восточную Азию, теперь уже в качестве постоянного дальневосточного корреспондента «Фелькишен Беобахтер» и «Ангриффа».

В качестве представителя партийных органов в Японии он постоянно менял места пребывания: какое-то время жил в Токио, затем в Шанхае или Харбине. В тех точках Восточной Азии, где Япония начинала военные действия с захватническими целями, неизменно появлялся Лисснер, и японские военные были уверены, что он отнесется к ним доброжелательно и положительно отразит их стремление к экспансии.

Наступил июль; японская армия запретила вход и выход из английских сеттльментов в больших городах на побережье Китая, в частности – в Тяньцзини. В качестве предлога утверждалось, что эти сеттльменты используются как укрытия для китайских партизан.

Корреспондент «Фелькишен Беобахтер» Лисснер немедленно поддержал это решение, прокомментировав его следующим образом: «Прикрываясь британским флагом, китайские партизаны постоянно получали в английских сеттльментах материальную и идеологическую поддержку. Япония долго смотрела на это сквозь пальцы, но теперь решила положить такому положению конец, запретив вход и выход главарям этих банд» («Фелькишен Беобахтер», 1939.08.01).

Англия подала протест на эту статью; Лисснер немедленно откликнулся: «Лондон не только допускает оплошность, но совершает преступление!»

После этого он не упускал из виду ни одну из перипетий англо-японского противостояния. Его мнения немедленно появлялись центральными заголовками в «Фелькишен Беобахтер», например: «Скрывающиеся за колючей железной дорогой англичане», «Япония требует всестороннего пересмотра английской политики в Китае», «Япония противостоит двуличию Англии», «Япония не может позволить дальнейшего затягивания принятия решения».

Даже когда в отношении японской победоносности начали появляться сомнения, Лисснер продолжал стоять на позиции невозможности поражения Японии. 30 июня 1936 г., вступив в должность члена редколлегии «Фелькишен Беобахтер», он писал: «Япония опровергла мнения центральных миро-

вых газет о том, что ей не по силам быстро покорить Китай; совершенно очевидно, что японская победа получит твердое развитие, и даже речи не идет о каком-либо отступлении. Экономические обозреватели также ошиблись, считая, что Япония не в состоянии вести длительные боевые действия».

Читая эти строки, становится понятным, отчего японские генералы доверяли Лисснеру гораздо больше, чем прочим, антияпонски настроенным журналистам.

Посетив штаб японских вооруженных сил в Северном Китае, Лисснер передал командующему Ямасита письменный отчет о положении дел. Он хотел знать о сильных и слабых сторонах китайских партизан и задал следующий вопрос: «Где располагается ядро незаконных военизированных формирований в Северном Китае?». Ямасита ответил: «Они есть и в восточной горной местности, и в речной системе на севере. Помимо этого, они есть в горах на западе и на юге. Однако, по моему мнению, оценка реальной военной силы партизан значительно завышена».

Почти сразу же после этого разговора читатели «Фелькишен Беобахтер» смогли узнать из статьи Лисснера следующее: «Из того, что существуют отчаянные сорвиголовы, глупо делать далеко идущие выводы о мощном противостоянии, оказываемом Японии. Япония закрепилась в Китае крепко и повсеместно, и речь может идти лишь о развитии японского присутствия в этой стране».

11. **Встреча с Кромэ и столкновение у Халхин-гола.** Германское посольство в Токио также получило выдающегося сотрудника, ценный источник информации. Им был все тот же Лисснер. Когда-то посол Отт слал в Берлин доклады о боевых действиях в Чжангуфэн, основывавшиеся на сведениях от Лисснера, что весьма повысило его статус на родине; теперь же пришло время вспомнить, что все это было благодаря именно ему.

Посол Отт пытался постоянно держать специального корреспондента партийной газеты при себе. Лисснер составлял для посольства доклады с секретной информацией и, помимо этого, имел доступ ко всем видам информации в посольстве, став, таким образом, кем-то вроде неофициального посольского атташе. Он даже жалованье получал от МИДа.

Долго ли, коротко ли, но Лисснер окончательно осел в Токио. Совместно со спецкором «ТрансОкеан» Селльмайером (Sellmeier) он снимал особняк в японской столице.

Очень скоро Лисснер стал вести «звездное существование» среди корреспондентов германских СМИ. Он почти не общался с равными себе по должности, ограничив круг доверительных связей особами высокопоставленными.

Помимо готового сделать все, что угодно, [Вильгельма] Лидтке, был лишь один человек, которого Лисснер допустил до самой глубины своей души. Им стал корреспондент «Хамбургер Фремденблаттс», работавший по совместительству и для нескольких других органов, Вернер Кромэ (Werner

Crome), – консервативный журналист буржуазного толка, сторонник силовой политики Германии, не затронутый расовыми предрассудками.

Лисснер остался в памяти Кромэ как незабываемый образ и значительная фигура. Несомненно, теснейшим образом их связали проведенные вместе годы в тюрьме, с их ужасом и страшными пытками. Для Ивара Лисснера дружба с этим единственным человеком продолжалась и долгое время после краха Третьего Рейха.

Лисснер впервые узнал о Кромэ в начале июля 1939 г., когда получил информацию от своих японских друзей, что на границе Монгольской Народной Республики столкнулись советские и японские войска. Если начнут разворачиваться боевые действия, сбудется то, о чем давно предсказывал Лисснер: начнется полномасштабная война между Москвой и Токио. В действительности мелкие стычки между японскими и монгольскими пограничниками случались довольно часто.

Лисснер хорошо знал этот военный театр, поскольку на своих двоих исходил всю Северную Маньчжурию. Лисснер пригласил Кромэ поехать вместе с ним в степи Хайлара к монгольской границе. Там им неожиданно выпал удачный жребий стать свидетелями танкового сражения. Лисснер телеграфировал в «Фелькишен Беобахтер»: «Советские войска перешли Хайлар». «Одна их часть перешла по наведенным мостам, другая состояла из плавающих танков и форсировала Халхин-гол с запада по караванным тропам. Они вплотную подошли к месту, где мы разместились – поселению колонистов. Затем начались бои; советские войска, контратакованные японскими, понесли серьезные потери».

Однако Красная Армия все усиливала нажим и очень скоро ввела в бой тяжелые танки. Лисснер и Кромэ работали, помогая друг другу. Когда Лисснер был слишком занят, он поручал составлять отчет для «Фелькишен Беобахтер» Кромэ, и так случалось довольно часто.

Тем не менее, сколь ни была тесной их деятельность, Кромэ не мог не заметить тревоги, царившей в сердце Лисснера. Кромэ никак не мог понять причин внезапно возникавшей у него нервозности. Уже потом он осознал: корреспондент «Фелькишен Беобахтер» Лисснер ни на мгновение не мог забыть, что ходит по тонкому льду. Будучи лицом притесняемым, Лисснер одновременно являлся сторонником нацистского режима, и в этом смысле его жизнь являлась крайне опасным балансированием на тонкой ниточке. Когда-нибудь старая история с поддельным удостоверением об арийском происхождении могла выйти наружу. Это и лежало в основании всех страхов Лисснера.

12. **Обнаружение еврейского происхождения отца; лишение Лисснера должности.** В середине сентября 1939 г. в адрес Лисснера пришло письмо, содержание которого лишило его всякого покоя. Роберт Лисснер, его отец, был вторично арестован гестапо и на этот раз признан полностью виновным в подделке документов, «подтверждавших» его арийское происхождение. Увольнение его с поста советника Министерства торговли и про-

мышленности оказало большое влияние и на судьбу специального корреспондента «Фелькишен Беобахтер»: его сын Ивар Лисснер был выведен из членов Имперского союза писателей и лишился работы в «Фелькишен Беобахтер». «Ангрифф» также разорвал с ним все отношения. Наконец, его выгнали из партии. (Брата Перси исключили из членов Национал-социалистической рабочей партии немедленно.)

Постоянные страхи Лисснера теперь стали явью, а он-то надеялся каким–либо образом мимикрировать и раствориться в государственной системе... Личное существование Лисснера, основанное на его работе, разбилось вдребезги. Теперь он совершенно не представлял, как вызволить отца из лап гестапо; одновременно у него не оставалось практически никакой возможности жить как журналист и писатель. Посольство его защитить не могло. В конце декабря посол Отт получил из МИДа указание вычеркнуть фамилию Лисснера из ведомости на получение зарплаты.

Единственным утешением было то, что Отт не желал расставаться со своим самым ценным источником информации и 4 января 1940 г. отправил в МИД телеграмму, в которой предлагал пользоваться услугами Лисснера в неофициальном плане, на что министерство согласилось. В середине января Отт послал пребывавшего в унынии Лисснера в исследовательскую поездку в Маньчжурию.

13. **Поступление в разведотдел вооруженных сил; освобождение членов семьи Лисснера.** Именно во время этой поездки у Лисснера созрел план поступить на работу в абвер. А какая еще работа оставалась для него доступной после крушения всего, что он имел? Лишь эта секретная разведывательная организация в вооруженных силах обладала достаточной способностью защитить уволенного сотрудника «Фелькишен Беобахтер».

Как бы то ни было, первоочередным для Лисснера было: срочно найти новую работу и вызволить отца из гестапо.

Разумеется, военная разведка не взяла бы Лисснера просто так, без оглядки; он должен был ей что-то предложить. И он нашел это «что-то», чего не было у прочих немцев, живших на Дальнем Востоке: дружеские отношения с японскими военными и знание секретной информации о дальневосточном регионе СССР.

Тем не менее, Лисснер пошел работать в абвер не без колебаний. Во всяком случае, он посоветовался с братом Перси. Того перевели на работу в Шанхай от торговой фирмы AEG сразу после первого ареста отца. Именно в Шанхае братья встретились и обсудили способы вызволения отца. Ивар написал несколько прошений в адрес правительства и пробовал заручиться поддержкой шанхайского консульства, однако ничего не получилось. Тогда он пошел по другому пути и направился в Харбин. Там он встретился с двумя работниками разведуправления.

Первым из них был Фитерер, а вторым – руководитель местной партийной ячейки Фон Киршбаум (Von Kirschbaum). Этот партийный руководитель

пообещал ему помощь. Фактически приказ из Берлина в Токио об исключении его из партии и увольнении с должности был задержан партийным органом. Тем не менее, на этой стадии Лисснер уже полностью передал себя в распоряжение разведорганов. В апреле он вернулся в Токио и смог опубликовать в одной из японских газет свой специальный репортаж.

Посол Отт, который и сам старался поскорее стереть свое антинацистское прошлое, ничем не мог помочь человеку, лишившемуся юридической защиты.

Однако неожиданно 5 июня 1940 г. явился спаситель. Им оказался институтский товарищ Лисснера гауптман Шульц (Hauptmann Schultz).

Он был командирован на Дальний Восток абвером с целью создания там шпионской сети (по-немецки КО, «военной организации»).

Вспыхнувшая в сентябре 1939 г. война сделала для руководства военной разведки Германии болезненно очевидной недостаточность и ущербность деятельности их системы.

Ни один из немецких информаторов не сообщил о близящемся начале китайско-японской войны. Отчетам германских агентов относительно военного положения на Тихом океане не доверяли в принципе. Хуже того, германская военная разведка не располагала достоверной и свежей информацией относительно советских вооруженных сил и военно-промышленного потенциала на Дальнем Востоке. Путем создания «китайского отделения КО» гауптман Шульц должен был компенсировать такую «недостаточность и ущербность».

В поисках секретных источников информации Шульц наткнулся на Лисснера. Однако сам Лисснер все еще сомневался, стоит ли полностью отдавать себя разведывательной работе. Пока что он подал Шульцу письменную просьбу о приеме на военную службу. От Шульца пришел письменный ответ: «У тебя что, есть еще чем заняться, кроме службы в армии?».

В конце июня Шульц отправился в Харбин и там переговорил с Лисснером. Они пришли к следующему соглашению: Лисснер под псевдонимом «Ивар» работает на разведуправление. Он готовит информационные отчеты о состоянии советских ВВС по Дальнему Востоку.

Таким образом, Лисснер поступил в дальневосточный разведотдел ВВС. Начальником этого отдела стал сам Шульц по возвращении в Германию. Условия поступления Лисснера в разведку до сих пор неясны, однако их легко додумать самим.

Ему было сказано, что в силах адмирала Канариса, на которого он начал работать, вытащить из гестапо его отца и, вместе с матерью, отправить их в Шанхай к Перси Лисснеру. Германской военной разведке, действительно, удалось добиться освобождения этого члена торгово-промышленной палаты, и даже без проволочек отправить престарелую чету Лисснеров в Шанхай. Прощание со своими товарищами (а среди них были такие лидеры антинацистского движения, как полицейский следователь Небе <Nebe> и быв-

ший мэр Берлина Герделер <Gerdeler>), и заботы по поручению одному из друзей продажи дома Лисснеров в Берлине заняли несколько недель. Радость освобождения омрачало лишь одно: служившая секретарем в Генштабе Вермахта младшая сестра Ивара, к которой он относился особенно нежно, не смогла поехать вместе с родителями. (Она умерла в 1943 г. по неизвестной причине.)

В сентябре 1940 г. они отправились в Китай через Польшу и Болгарию по Транссибирской магистрали. В Шанхае Роберт Лисснер снял дом № 103 на «Большой Западной улице».

Сам он к тому времени открыл маклерскую контору и добился весьма ощутимого коммерческого успеха. Национал-государственнические идеи того времени крепко им овладели; вот, как он остерегал в письме своего сына Ивара: «Именно сейчас ты должен вести себя как истинный немец. Через 3–4 года несомненно произойдут большие перемены. Однако и в этом случае нам никогда нельзя забывать, что мы – народ Баха, Бетховена, Канта и Клаузевица». Подобное напоминание от отца Ивару, который вел борьбу за собственную реабилитацию в так называемом «германском национальном сообществе», было совершенно излишне. Первый приказ из центра германской военной разведки был послан через посольство в Токио, и Лисснер был к нему готов.

14. **Лисснер в Харбине.** Получив деньги и абверовское удостоверение, Лисснер снял дом в Харбине и занялся созданием шпионской сети, которая вела бы наблюдение за советскими войсками. Разведзапросы от майора Циммермана передавал Лисснеру Киршбаум (агентурный псевдоним тогда еще неизвестного Лисснеру офицера из Берлина). Сообщения Лисснера передавались из германского посольства в Синьцзине по каналам МИДа; пакеты доставляли курьеры, а после начала войны с СССР сообщения передавались по радио.

В Харбине лучшего шпиона адмирала Канариса Лисснера ждала уже готовая структура, принадлежавшая Фютереру. Тот предоставил Лисснеру не только трехкомнатную квартиру, но и женщину–секретаря российского происхождения. Фютерер также открыл Лисснеру пути проникновения в группы эмигрантов–белогвардейцев. Сеть магазинов торгового концерна «Есимура» являлась частью компании Фютерера; их отделения были разбросаны по всей Сибири. Во время Первой мировой войны эта сеть пришла в упадок, но на самой грани банкротства ей помог капитал Фютерера и британских торговцев. С тех пор Фютерер организовал в Маньчжурии и Северном Китае около 80 отделений, занимавшихся производством, торговлей и выделкой мехов.

По словам Лисснера, «во всех отдаленнейших захолустьях Северной Маньчжурии скупка мехов и кожи, леса и пиломатериалов неизбежно имела связь с этой компанией, напоминавшей торговый дом Хадсона в Канаде. Как и в Канаде, люди здесь не сидели в уюте и тепле за печками, но были легки

на подъем и завоевывали окружающую природу». Для Лисснера, основная работа которого была направлена на соседний Советский Союз, наличие таких людей представляло необходимейшее условие. Помимо этого, в «Цзилинь» работало несколько сотен русских, объединенных в крепкую организацию эмигрантов антикоммунистического толка.

Фютерер свел Лисснера с атаманом донских казаков Радзиевским. Его организация в Сибири располагала многими шпионами, имевшими дружеские связи среди советских офицеров на Дальнем Востоке. Этот казачий атаман был готов предоставить своих людей в распоряжение Лисснера. Среди них были и такие, кто по ночам переходил границу СССР и подолгу жил на той стороне.

Таким образом, в кратчайшее время разведорганизация Лисснера раскинула широкую сеть по южной и восточной Сибири. Лисснер даже послал доверенного человека в западно-азиатский регион СССР. Здесь пригодились его старые связи, наработанные во время прежних странствий по Маньчжурии. Уже в апреле 1939 г. он писал: «Я получил сведения от каравана, успешно перешедшего из внутреннего Туркестана в Монголию, – весьма опасное предприятие. Я искал китайских купцов, способных принести информацию из внутренних регионов азиатского континента. Так я встретился с людьми, бежавшими из Синьцзяна и Ланьчжоу. Люди из Ланьчжоу двигались в направлении Суй-Юй и успешно пересекли границу». Эта обстановка вновь вернула его к жизни и заставила быть деятельным. Многие находили общение с тайным агентом Лисснером интересным и необременительным.

Когда организация Лисснера стала понемногу вырисовываться, он высказал пожелание Киршбауму, находившемуся в Дайрэне, иметь прикомандированных немцев. Киршбаум передал ему доктора Хайзига (Heissig) из Харбина (псевдоним Уэгедей). Позже к нему был добавлен некий Могал (Mogal) из Синьцзина. Посланник Вагнер предоставил ему других помощников. Среди них был Вольфганг Галинский, шифровавший сообщения Лисснера и телеграфировавший их в Берлин.

Наконец, Лисснер предложил руководству привлечь к работе его друга Кромэ. Тот в Токио внимательно смотрел по сторонам и передавал Лисснеру сведения о ситуации в германском посольстве. Разведчик Лисснер писал в Берлин руководителям Кромэ: «С недавних пор Кромэ представляется мне немцем, заслуживающим полного доверия, убежденным национал-социалистом. Он может принести особую пользу для развития отношений германско-японского союза. Его убеждения и мнения постоянны и не меняются со временем».

15. **Знакомство с японской Квантунской армией.** Лисснер добывал для германской разведки секретные материалы и от японской стороны. Он не только получал информацию от своих японских друзей–военных, но задавал вопросы и представителям японских разведорганов. Руководитель харбинского управления наводившей на всех страх военной полиции (*кэм-*

пэйтай) полковник Касуга, начальник контрразведывательного русского отдела Ямасита очень хорошо относились к Лисснеру, доверяли ему и давали разъяснения по многим закрытым вопросам. Командующий особым японским экспедиционным корпусом в Харбине Янагида Отодзо, имевший очень недоверчивый характер, – и тот как-то воскликнул: «Какой же проницательный человек!», имея в виду Лисснера.

Полковник Касуга показывал этим германским разведчикам свои секретные карты. Потом, в 1942 г., Лисснер и Кромэ говорили, что Касуга подвел их к карте и указал на район Сталинграда. Затем он спросил: «Достаточно ли вооруженных сил имеет здесь Германия?» Лисснер ответил: «Наверняка достаточно». Тем не менее Касуга это не убедило: «Я опасаюсь, что германских сил здесь недостаточно; их следовало бы увеличить как можно скорее». Кромэ: «Он провел пальцем линии с севера, северо-востока и с востока, и эти лучи сошлись на Сталинграде». Касуга продолжал: «На протяжении двух последних месяцев СССР перебрасывал с востока на запад под Сталинград танковые дивизии и артиллерийские соединения. А вот эти подразделения перемещаются с запада на восток».

Вернувшись домой, Лисснер сравнил карту полковника Касуга со своими материалами и ощутил беспокойство. По его словам, «были некоторые непонятные факторы, и я должен был их прояснить». После этого он немедленно отсылает в Берлин подробное и пространное сообщение о размещении вооруженных сил в районе Сталинграда.

Далее Лисснеру каким-то образом удалось достать материалы (которые ему не могли сообщить лица, враждебно настроенные к СССР) из самой Красной Армии. Он познакомился с работниками советского консульского отдела в Харбине и предложил им взаимовыгодный крупномасштабный обмен. Взамен информации о Красной Армии он передавал им сведения о японских вооруженных силах. Советские консульские работники пошли на это. Разумеется, эта информация была определенным образом подправлена, однако для специалиста, способного отделять существенное из вороха ненужного, было вполне достаточно и того, что в ней содержалось.

Исходя из анализа сведений, Лисснер точно предсказал время нападения Гитлера на Советский Союз: 22 июня 1941 г. Так и произошло, и после этого прогнозам Лисснера стали доверять. Центр военной разведки в Берлине на Тирпицуфер (Tirpitzufer) ежемесячно требовал еще больше сообщений, еще больше верных цифр, еще большей эффективности, и Ивар Лисснер продолжал слать руководству германского Вермахта результаты работы своей разведсети. Где появлялись новые воинские подразделения, где располагались военные заводы, где обучались военные, где происходили волнения, – все это Лисснер знал в подробностях. Его сообщения и выводы почти всегда соответствовали действительности. Он сообщал о переводе части тяжелой военной промышленности на Дальний Восток. Он предсказал, что Япония вряд ли вступит в войну с СССР, как того желал бы Гитлер.

Наконец, он предвидел начало войны Японии с великими морскими англосаксонскими державами.

Он знал атмосферу среди советского военного руководства на Дальнем Востоке почти так же, как знал обо всем, происходящем в советском консульстве в Харбине. Иногда он даже узнавал о том, что происходило не только в азиатской части СССР.

Лисснер сообщал о «крупных перемещениях военных контингентов с Дальнего Востока на западный фронт» (сообщение № 236). Он представил таблицу с именами всех командиров второго эшелона Красной Армии. Он докладывал о «недостатке пайкового питания в дальневосточных частях, по сведениям дезертиров, а также о падении морали среди личного состава» (сообщение от 14.03.1942). О складывающемся положении он узнавал за два дня. «Узнали об укреплении войск НКВД и об усилении политического контроля на европейском театре военных действий и в Западной Сибири. Просматриваются признаки всевозможного материального ущерба; в особенности остро стоит проблема недостатка питания и одежды». В другом сообщении он делает следующее предположение: «Западносибирские железные дороги переполнены военными; это положение распространяется на Транссибирскую магистраль и ее ответвления. Вероятно, на этих линиях будут прекращены гражданские и почтовые перевозки».

16. **Получение сведений о советских вооруженных силах; сообщения.** Он точно знал имена руководителей соединений и подразделений. Например, в сообщении от 21.05.1942 он писал: «2 армия, командующий генерал-лейтенант Биричев, сформирована из: 145 ударной дивизии, командир полковник ВВС Третьяк, 11 ударной дивизии, командир генерал-лейтенант Русянов, 84 ударной дивизии, командир полковник Миронов, 134 ударной дивизии, командир полковник Ахманов». Он скрупулезно перечислял имена и цифры: «23 смешанное воздушное соединение, дислоцируется на Украине. 4 вспомогательный полк ВВС, 41 штурмовой полк ВВС, 51 бомбардировочный полк; база ВВС № 500, составлены из 15 военно-воздушного соединения, базирующегося в Оловянной». В сообщениях Лисснера были сведения даже о среднем комсоставе советских вооруженных сил: генерал–лейтенант Белов, генерал-майор Вранов, полковник Белогодский, дивизионный комиссар Шманенков, комбриг Новиков. В отчетах Лисснера присутствовали имена почти всех значительных представителей Красной Армии.

Лисснер слал в Берлин все больше донесений, а оттуда приходило все больше запросов. Их поток ежедневно увеличивался. Вот, например, что он шлет в Берлин: «Закончил сообщение об опознавательных знаках, дислокации и снабжении советских ударных сил на Дальнем Востоке. Закончил сообщение о 3-й воздушной армии, ударной дислокации, типах вооружения, а также о снабжении в частях. Авиасоединения 29, 30, 43, 82, 83, 244, 246, 247, 248, 250, 252». А вот новый запрос ему из Берлина: «Вы сообщали о генерал-майоре Вещерском, командующем Мурманским военным округом и,

одновременно, 14-й армией. Хотелось бы получить подробности из неясных мест его биографии». «Следует провести повторное, подробное расследование в отношении завода в Улан-Удэ. Где расположен 2-й авиационный завод в Иркутске? Что он производит?»

Однако в конце концов Лисснеру надоело заниматься исключительно разведыванием местонахождений военных частей Красной Армии и содержанием продукции советских военных заводов. Снедаемый честолюбием, он стал желать работы более высокого уровня. Пришло время начать «титаническую деятельность», – об этом он писал в «Ангрифф» еще в 1939 г. Освобождение России от коммунизма, спасение 180 000 000 чел. из мира серой культуры, лишенного надежды. Он хотел изменить политическую карту Советской Азии, планируя восстание в Западной Сибири. В качестве модели он выдвигал Украину, до определенной степени обретшую независимость. Далее, он планировал организовать массовое дезертирство из рядов Советской Армии. Наконец, он предлагал создать «группы Т», действовавшие бы в тылу противника и подрывающие боевой дух советских войск.

Лисснер перестал замечать всякую дистанцию между собой и нацистским правительством. Отбросив прочь личный опыт и опыт своей семьи, подобно горе, вздымающейся из пучины, в которой кишат демоны, он продолжал слать верховному командованию предложения, памятные записки и напоминания. «Усиление антибольшевистской пропаганды, активизация антикоммунистической деятельности подразделений Власова, организация саботажа в районах восточной Азии, – все это воодушевляется им; такие сообщения и его беспрерывные усилия в служении германскому военному руководству имеет целью лишь одно». (Так записал в своем дневнике от 2 октября 1943 г. фон Гроте (Von Grote), осуществлявший связь между германским МИДом и верховным командованием.)

6 августа 1941 г. Лисснер отправил следующую телеграмму: «Посылаю лозунги, требующиеся контрреволюционными объединениями западной и восточной Сибири, а также приволжского региона, а также лозунги пропагандистского и проблематического характера, способные поднять массы». Снова и снова он предлагает планы организации восстания в Сибири. Наконец, Берлин высказал свою благосклонность к идеям Лисснера. «Мы ожидаем от вас подробных предложений». И вслед за этим немедленно новое послание: «После рассмотрения с более общих позиций, мы ожидаем от вас предложений по политическим взаимодействиям, на которых и следует более сосредоточиться». И, наконец, еще раз: «Мы глубоко признательны вам за все предложения относительно западной Сибири».

17. **Разведывание японской стратегии на Тихом океане; сообщения.** Почти незаметно для себя, выспрашивая и выведывая информацию у японской стороны с помощью своих незаурядных способностей, Лисснер оказался вовлеченным в активное разведпротивостояние противников в восточной Азии. Понемногу его сообщения о японских вооруженных силах стали сме-

шиваться с донесениями от советских источников. Направление военного продвижения Японии, насколько можно себе представить, – от Индонезии и Таиланда на Сингапур, как окончательный ориентир для атаки.

Лисснер знал о том, что война на Тихом океане разразится, за четыре месяца до этого. В мае 1942 г. он писал следующее: «Чтобы не позволить Америке устроить базы для отражения атаки, Япония, посредством оккупации Морресвиля и Дарвина, планирует контролировать острова северной части Новой Гвинеи и Австралии. Однако, на данный момент прервать каботажные сообщения на северном побережье Австралии невозможно». Впрочем, это было неизбежно. Он продолжал: «Японский объединенный флот в Коралловом море под командованием адмирала Ямамото готовит крупномасштабную наступательную операцию... Генерал Муто, находящийся на Суматре, станет, вероятно, командующим экспедиционного корпуса на Цейлоне».

Иногда берлинский центр сдерживал «перегревавшегося» Ивара. В одной из радиограмм из Берлина говорилось: «Будьте сдержаннее». Тем не менее, офицеры – начальники Лисснера заражались его азартом. Разведцентр считал, что на Дальнем Востоке «нет более способного, предоставлявшего бы более обширную информацию человека, чем Лисснер». Так позже высказывался один из его руководителей майор Бехтле (Bechtle). Адмирал Канарис 31 марта 1943 г. писал: «Сотрудник Ивар из внешней разведки является уникальным источником обширной информации по азиатскому региону России и приграничных с Маньчжурией советских областей. В особенности, в его сообщениях, полученных за последнее время, содержатся чрезвычайно важные сведения, в частности о сибирском регионе, дислокации советских ВВС и перемещениях советских войск, – информация уникальная». Именно потому, что Лисснер был столь важной фигурой, разведуправление совершенно не хотело его лишаться.

Друг Лисснера Шульц осенью 1941 г. был переведен в Западную Азию; дела начальника 1-го отдела разведки ВВС по Дальнему Востоку у него принял убежденный член нацистской партии, вскоре получивший чин полковника, Фридрих Буш (Friedrich Busch). Его перевели с должности начальника 1-го отдела разведки ВВС по западному направлению, и Лисснер попал к нему в подчинение. Шульц, вероятно, опасался, что у Лисснера могут возникнуть сложности с новым начальником в том случае, если он узнает, что тот наполовину еврей. Как бы то ни было, с этого момента Лисснер начал работать с Бушем, непрофессионалом в области разведки. Поскольку Буш не был специалистом, во всех сообщениях и на телеграммах Центра стояла подпись Шульца. Летом 1943 г. Буш был переведен в посольство в Стокгольме, и «памятный садик» Ивара украсился именем очередного начальника. И Буш, и его ближайшие друзья (майор Бехтле <Bechtle>, майор Бреде <Brede>, майор Элтинг <Elting>, генерал–лейтенант Плетц <Plötz>) очень скоро начали понимать, насколько важны сообщения Лисснера для командования Вермахта.

Отчеты Лисснера попадали в разведуправление Генштаба в виде «отчетов Буша», либо передавались в иностранный отдел сухопутных сил (начальник Райнхард Гелен <Reinhard Gehlen>), а также в отдел 1С штаба ВВС.

Был и третий путь – послать свое сообщение непосредственно на восточный фронт. Они посылались через командующего «Валли 1» (Walli I), т.е. через Центр восточного отдела, функционировавшего, основываясь на развединформации с передовых линий. В этом случае его материалы прежде всего попадали в действующую армию, а затем делились на части, относящиеся к ведению каждого отдела. Таким образом, телеграммы Лисснера составляли дополнительную ось, от которой проходила циркуляции сведений, распространявшихся военным руководством. Даже офицеры Генштаба под руководством Гелена, сколь привередливы они ни были, находились под впечатлением от сообщений Лисснера. Однако и в их среде раздавались критические замечания в его сторону. Например, в отношении доклада Лисснера от 14.08.1942: «Ивар посылает старье, выдавая его за новые сведения».

Само руководство разведки старалось использовать отчеты Лисснера с максимальной эффективностью. Разведотдел передавал лишь сведения, практически не имевшие ценности; находясь в ведении Вермахта, отдел часто попадал под жесткую критику (причиной которой служило соперничество разведслужб), и для ее смягчения сообщения Лисснера были поистине божьим спасением. Буш должен был часто ходить в штаб Восточного отдела, и начальник этого отдела Ханс фон Донаньи (Hans von Dohnanyi), не признававший его достойным соперником и равным себе коллегой, все же уделял сообщениям агента Ивара особое внимание. Итак, влиятельность Лисснера неуклонно росла. Далее, Донаньи и Восточный отдел стали показывать его сообщения Канарису, после чего, как говорили, доклады адмирала руководству приобрели особый блеск.

18. **Дальнейшие требования Лисснера в отношении своего статуса; «Кантокуэн».** Приносящий чрезвычайно большую пользу человек обычно выдвигает соответствующие большие требования. Лисснер служил подтверждением этого положения. Он потребовал своей всесторонней реабилитации в среде «Соотечественников» (Volksgenosse, членов т. наз. «единой немецкой нации»), и разведотдел каким-то образом смог удовлетворить это требование. Он полностью отменил процедуру его исключения из партии. Наконец, он оказал воздействие на Имперский писательский комитет (RSK), отменив все изданные там приказы, в том числе и о не издании в дальнейшем книг Лисснера. Далее, разведотдел потребовал от Комитета восстановить Лисснера в правах его члена, что и было сделано.

В учетной карточке Лисснера появилась такая новая запись: «Без малейших колебаний восстановлен членом Имперского писательского комитета». Наконец, разведотдел приложил массу усилий для очищения своего супершпиона от любой расовой нечистоты, и Ивар Лисснер стал чистокровным арийцем.

6 сентября 1941 г. на имя Лисснера из Берлина пришла телеграмма. «Ваше личное дело доведено до сведения фюрера, который дал свое безусловное согласие на вашу просьбу. Письменное подтверждение удостоверено мною и пересылается вам. Мои поздравления. Буш». 20 августа пришел документ, завизированный главой правительства, командующим Вермахта и другими высокопоставленными лицами: «Фюрер подтверждает нижеследующее. Доктор Ивар Лисснер, родившийся 10 апреля 1909 г. в Риге, в настоящее время проживающий в Харбине, писатель, признается по сути равным носителям немецкой крови. Данное сущностное равенство признается действительным не только в немецкой национал-социалистической партии и в пределах ее учреждений, но эффективно также и в вооруженных силах, где снимаются всяческие ограничения на занятие им любых должностей». Вскоре после этого прибыл и орден. Буш телеграфировал Лисснеру: «Поздравляю вас с заслуженным награждением орденом креста с мечами второй степени за трудовые заслуги в военное время!»

Однако Лисснер на этом не успокоился и продолжал выдвигать новые требования. Восстановление в партии, разрешение на восстановление статуса спецкора «Ангриффа», наконец, присвоение офицерского звания (капитана сухопутных войск), назначение на должность при военном советнике в посольстве с Синьцзяни. «Предлагаю: в отношении просьбы Лисснера о присвоении ему воинского звания – таковое присвоение было бы весьма полезным, поскольку работа, которой он занимается, может удовлетворительно выполняться лишь на уровне военных. Соответственно, это следует сделать как можно быстрее», – писал советник Вагнер в Берлин.

Однако на этот раз требование Лисснера выполнено не было; не помогли и усилия его друзей в разведотделе. Абвер не смог убедить в необходимости этих мер партию и Вермахт. Начальник 1-го отдела полковник Пикенброк (Piekenbrock), избегая признавать откровенную неудачу в отношении запроса своего лучшего разведчика, просил Вагнера «сообщить Лисснеру, что рассмотрение его запроса продолжается, а пока следует действовать как и прежде». Лисснер же не собирался складывать руки, но усилил нажим ради того, чтобы занять должное место в ряду государственных служащих. В работе на должности присутствовала немалая доля личной гордости; одновременно это давало ему определенные гарантии личного существования. Поскольку разведотдел зависел от дружеских отношений своего разведчика Лисснера с японскими военными, его руководство намеренно отказалось от мысли глубоко его законспирировать. Для японской стороны присутствовавший на Дальнем Востоке свободный писатель Лисснер представал еще более важной фигурой.

Однако в конце 1941 г. в Квантунской армии было введено чрезвычайное положение и начались «особые военные маневры» (эвфемизм для выражения «военные действия») с неопределенным сроком окончания (так называемый план «Кантокуэн»), представляющие собой в действительности ре-

петицию войны с Советским Союзом, в результате чего Лисснер лишился возможности продолжать ту деятельность, которую проводил ранее.

В Маньчжурии вводились всевозможные ограничения, в частности были запрещены свободные перемещения людей и товаров. По категорическому приказу Квантунской армии, гражданские лица могли пользоваться железными дорогами лишь по 1, 11 и 21 числам месяца. Среди японцев ширилась шпиономания, к излишне любопытным представителям зарубежных стран мог быть применен «Закон об охране общественного спокойствия».

Лисснер почувствовал, как зашаталось все основание его профессиональной деятельности. Он более не мог свободно перемещаться по Маньчжурии; соответственно, его японские друзья не могли, как прежде, обеспечивать его информацией. Поэтому он со всей горячностью стал требовать себе военного звания, достаточного для представления Японии – военному союзнику Германии.

Однако поскольку Разведотдел не смог своими силами выбить для него такого звания, Лисснер пришел к совершенно отчаянному решению. Он своей собственной волей присвоил себе ранг, наделяющий его обширными полномочиями. В Харбине он назвал себя высокопоставленным представителем СС, о чем и стала свидетельствовать табличка на двери его жилища. В самое короткое время все знакомые Лисснера стали считать его специальным посланником фюрера на Дальнем Востоке. Дальше – больше; Лисснер дал всем понять, что он является руководителем всего восточноазиатского отделения гестапо.

Японцы, а тем более – его русские друзья безоговорочно поверили в эту совершенно безосновательную выдумку. Они считали, что влиятельность ему гарантирует высокий ранг. Лисснер обещал, что буквально на следующий день после того, как Германия победит СССР, те получат всевозможные привилегии и политические выгоды. Жившие в Харбине украинцы ожидали от Лисснера министерских постов и получения германских паспортов. Кромэ вспоминал: «Лисснер неоднократно говорил мне, что он обещал украинским националистам немедленно после победы Германии дать независимость Украине, заключить союз между независимой Украиной и победоносной Германией, обеспечить Украине благоденствие и процветание». Даже *кэмпэйтай*, во всех прочих случаях с большим подозрением относившаяся к иностранцам, считала Лисснера «влиятельным гестаповцем».

19. **Изолированность Лисснера.** И все же немцы, проживавшие в Харбине, не могли не изумляться его стремлению всячески уклониться от сколь-нибудь близкого общения со своими согражданами, которые в известной степени доверяли ему право управление собой. Лисснер постоянно посещал лишь одну немецкую семью, где было несколько дочерей, что стало источником нескончаемых слухов. Разумеется, он бывал и в домах некоторых немецких коммерсантов. Однако в остальном он держал дистанцию со своими «соотечественниками» и никогда не ставил себе цели «завести друзей».

Многие считали его высокомерным и непонятным человеком. Даже такой хорошо к нему расположенный наблюдатель, как Вайнрайх, говорил, что, хотя у него и было очень теплое сердце, «внутри он был совершенно закрыт и никого не пускал далее определенной черты. Он не раскрывался даже при самых доверительных разговорах, стараясь избегать любых откровенностей».

Совершенно неудивительно, что в таком тесном мирке, как харбинская община немцев, в которой слухи просто роились, Лисснер нажил себе врагов и недоброжелателей. То, что его воспринимали как «странного», имело причиной еще и то, что знали его немногие. Наконец, даже такие люди, как Фютерер и Киршбаум, знавшие Лисснера издавна, когда были его старшими товарищами по учебному заведению, думали, что он считает их занимающимися легкой синекурой и испытывали к нему мстительную неприязнь, отплачивая полным безразличием к его судьбе. Такое положение дел было для Лисснера весьма опасным.

Дело в том, что реальный руководитель компании «Цилинь» Фютерер имел с японцами еще более доверительные отношения; после начала войны Японии с Америкой и Великобританией все английские торговые представительства должны были отойти к японской стороне. Далее, фон Киршбаум, лидер провинциального отделения нацистской партии, ради создания в глазах мирового сообщества «непорочного» облика немцев, проживавших в Маньчжурии, имел в своем распоряжении группу оголтелых фанатиков, способных как на демагогию, так и на все прочее.

Одним из них был Адальберт Шульце (Adalbert E. Schultze), один из основателей Харбинского отделения НСДАП, представитель управления Германскими имперскими железными дорогами. Он считал совершенно невозможным, чтобы наполовину еврей Лисснер был назначен особым представителем самим фюрером. В конце 1942 г. Шульце, явно подстрекаемый своим непосредственным начальником Киршбаумом, отправился в германское посольство в Токио. Там он встретился с атташе Майзингером и спросил у него, действительно ли Лисснер назначен высокопоставленным представителем гестапо по Дальнему Востоку. Сам представлявший гестапо, Майзингер был взбешен: «Я удавлю этого жида!» – кричал он.

Майзингер растоптал жизнь Лисснера. Он являлся представителем нацистского руководства на Дальнем Востоке, и не было человека, готового более безжалостно и холодно реализовывать нацистское господство. Его называли «баварским беззаконником». Он служил в штурмовых отрядах, был начальником следственного отдела, руководил полицией, с 1899 г. (1) являлся членом партии; был храбрым солдатом; служил в гестапо с момента его создания, то есть представлял собой одного из основателей абсолютистского государства. Его методы расследования отличались беспощадностью; он являл тип полицейского, не весьма высоко ценившего руководство органов безопасности нацистского государства. Технократы с холодными головами

из органов госбезопасности, руководства гестапо и разведотдела СС (СД) были рады заполучить в свое распоряжение столь ревностного служаку.

20. **Сомнения гестаповца Майзингера.** Имя Майзингера было связано с «Инцидентом Рема» и самым крупным политическим скандалом в гитлеровской Германии. Последний представлял собой снятие в феврале 1938 г. с должности имперского военного министра Фон Бломберга (Von Blomberg) и верховного командующего сухопутными силами Вернера Фрайхерра фон Фрича (Werner Freiherr Von Fritsch). Майзингер был тогда «начальником центрального общегосударственного штаба Движения за искоренение гомосексуализма» и каким-то образом смог получить через гестапо материалы, подтверждавшие виновность Фрича в гомосексуальных отношениях с юношами.

Пораженные примитивными методами Майзингера, гестаповцы, тем не менее, с его помощью создали «очевидные улики», но непосредственно перед тем как обнародовать, вдруг забрали их обратно к себе в архив.

Из центра гестапо Майзингера перевели в архивный отдел СД, после чего на какое-то время забыли о нем; когда же началась война, о нем вспомнили и направили в Варшаву начальником отдела безопасности СС. Однако из-за его совершенно варварского обращения с подчиненными главным отделом имперской безопасности (RCHA) против него было начато расследование. В результате этого в мае 1941 г. Майзингер был вновь переведен, на этот раз начальником полицейского отдела связей в Токио. Этот отдел возник в результате заключения Антикоминтерновского пакта и создания японско-германской полицейской организации. Когда Франц Хюбер (Franz Huber), ранее занимавший этот пост, узнал имя своего преемника, его лицо побелело. Он говорил своему приятелю в посольстве: «Должен тебе сказать, что вместо меня прибывает отъявленный мерзавец».

Майзингер быстро стал известен в Токио своими постыдными действиями. Помимо того, что он заставлял подчиненных шпионить за работниками посольства, он еще и пользовался своим служебным положением, устраивая для своих работников азартные игры. Майзингер был заядлым игроком. Партнеров по покеру он силой заставлял проигрывать, и не было никого, кто мог бы у него выиграть. Как рассказывал Кромэ, «вопрос – выиграть или проиграть – не стоял. Играя в своем доме в покер поздно вечером, он клал на карточный стол пистолет и угрожал застрелить того, кому могло бы повезти». Один раз случилось так, что он действительно застрелил немца, капитана торгового судна. Однако благодаря связям Майзингера с японской полицией ему сошло это с рук. Он дал ведшему расследование капитану *кэмпэйтай* Сонода 20 000 иен, и тот записал в протоколе, что капитан покончил жизнь самоубийством. (Судя по записям, позже Сонода умер, вспоров себе живот.)

В феврале 1942 г. появился человек, желавший положить конец дерзкой деятельности Лисснера; им был доносчик Шульце. Сам он был марионеткой.

Майзингер сделал его сотрудником гестапо и дал задание подкараулить Лисснера, а Шульце, в свою очередь, задействовал одного русского эмигранта. Тот однажды арестовывался японской *кэмпэйтай* за незаконное сокрытие оружия, и Шульце его спас, так что теперь он был в полном его подчинении и не поднимал головы.

Вместе с этим русским Шульце начал следить за Лисснером, однако «хвост» за ним было держать очень трудно. Но вот, наконец, два «следопыта» обнаружили вопиющий в своей важности факт. Лисснер в определенное время регулярно посещал советское консульство. А для чего должен был человек, выдающий себя за особого представителя великого фюрера, в самый разгар войны со «смертельным врагом – большевизмом», встречаться с консулом, официальным советским лицом?

Незамысловатые мозги члена нацистской партии Шульце выдали единственное объяснение: совершалась измена! Шульце понял: Лисснер – советский шпион.

Майзингер, получив такое сенсационное донесение, был поражен и немедленно выехал в Харбин. Там он решил дать сражение непопулярному Лисснеру в танцзале «Фантазия», где собирались многие не страдавшие скупостью немецкие граждане. В «Фантазии» Майзингера сопровождал доктор Август Поншаб (August Ponschab) из харбинского консульства.

И Поншаб, и сам консул обрели большую влиятельность благодаря информации, поступавшей от Ивара, однако Поншаб также включился в слежку за Лисснером. Через представительство посланника в Синьцзяни, находившееся в 500 км от Харбина, он раз за разом слал Лисснеру приказы информационного плана. Для Кааса (Kaas), руководителя из центра, Поншаб был молодым человеком, разумеется, неспособным противостоять натиску партийных чинов. Будучи сперва в глубине души расположенным к Лисснеру, теперь он повернулся к нему спиной – чем бы это ни было вызвано.

Лисснер начал понимать, что происходит нечто странное. Скрыться от следовавших за ним по пятам (а среди них были и местные жители) он не мог. Сотрудники консульства стали относиться к нему неуважительно, чего ранее не было. Однажды, когда Лисснер пришел, чтобы получить послание от Буша, секретарь консульства и тайный сотрудник гестапо Кортер (Korter) стал вынуждать его раскрыть содержание письма, выхватив конверт из рук. Лисснер оказал бешеное сопротивление, и дело едва не дошло до драки. Затем его служанка, прислуживавшая еще Фютереру, стала ходить заплаканная; спрошенная Лисснером о причинах, она призналась, что Фютерер силой принуждает ее сообщать ему о том, что Лисснер делает в своей комнате, что он знает и откуда это узнает. Секретарь Лисснера Лидтке, узнав об этом, сказал: «Джентльмен может отбить у знакомого жену, но тот, кто обманывает служанку – не джентльмен, а мерзавец!»

Лисснер немедленно ответил на этот выпад. Когда он понял, что за всеми этими махинациями стоит Фютерер, он выдвинул обвинение против него

и подполковника сухопутных войск Такаги, управляющего компанией Фютерера с японской стороны.

Обвинение Лисснера состояло в том, что их деятельность весьма напоминала разведработу на Великобританию. Это вызвало большой шум и волнения, поскольку формально, на поверхности торговая фирма Фютерера являлась английской собственностью. Этим обвинением Лисснер надеялся добиться нескольких результатов. Вот что он писал Бушу в докладе от 21.08.1942: «Подполковник Такаги получил строжайший выговор от вышестоящего начальства; ему было сказано, что на инцидент закроют глаза, но только на этот раз».

Очень скоро Лисснер понял, что всем дирижирует из Токио Майзингер, и что он должен действовать гораздо быстрее этого гестаповца. Он не мог допустить, чтобы Майзингер до предела усложнил ему задачу сбора сведений. Однако как можно было воспрепятствовать такому противнику – представителю штаба имперской безопасности? Подсказку предоставили сообщения Кромэ из Токио.

У этого всесильного атташе германского посольства образовалось весьма уязвимое место. Майзингер был замешан в шпионском скандале с Зорге.

21. **Дело Зорге и Лисснер.** 18 октября 1941 г. *кэмпэйтай* арестовала кремлевского шпиона Рихарда Зорге (Richard Sorge) и всю его разведгруппу (2). Этот инцидент лег серьезным пятном на союзнические отношения Японии и Германии. Что бы ни говорили, но Зорге был гражданином Германии и даже имел удостоверение члена нацистской партии. Дело, однако, обстояло еще хуже. Зорге был близким другом германского посла Отта, а также имел тесные отношения с Майзингером. Этот инцидент подставил под удар и Отта, и Майзингера. Женой министра иностранных дел Сигэнори Того была немка, которая комментировала события так: «Теперь что бы ни случилось, он уже не мог далее быть послом. Будь посол японцем, он пустил бы себе пулю в лоб».

Посол Отт и его полицейский надзиратель Майзингер, разумеется, самоубийства не совершили. Тем не менее, арест Зорге, с которым у них были дружеские отношения, явно поставил их в крайне трудное положение. Как они могли объяснить своему вышестоящему начальству в Берлине, что Коминтерновский шпион, член коммунистической партии с большим стажем смог получить доступ к государственным тайнам великой германской империи?

Они решили форсировать события, не дожидаясь, пока от них потребуют объяснений. Они категорически отвергли все обвинения, предъявленные Зорге. Они стали распространять мнение, что член нацистской партии Зорге пал жертвой внутренних интриг антигерманской группы в японской полиции. Отт писал, что «эта юридическая ошибка должна быть тщательно исследована», а Майзингер составил вопросник из 22 позиций с приложением мнений экспертов. Суть его состояла в том, что Зорге никак не мог быть

шпионом. Более того, он пригрозил, что «всякий мерзавец, считающий Зорге шпионом, будет отправлен в концлагерь». Даже когда было получено полное признание Зорге, Отт с Майзингером отказывались признавать очевидное. В послании германскому МИДу от 09.01.1942 Отт писал: «Я весьма сомневаюсь в том, что, как сообщает начальник информотдела полиции, писатель Зорге вел разведдеятельность в пользу Коминтерна».

Для того, чтобы нанести Майзингеру решительный удар, Лисснер решил раскрыть их недальновидную и ошибочную политику. 23.03.1942 послал Бушу телеграмму, в которой намекал на то, что Зорге, являясь в действительности советским шпионом, очень долгое время получал от германского посольства в Токио всяческую поддержку. Там, в частности, говорилось: «От германского посла, основного средоточия всяческой информации, Зорге получал сведения в доверительной форме и в течение долгого времени, работая на СССР и в частности – на Красную Армию.

Немалый урон понесла и Япония, хотя ущерб для Германии был, конечно, больше. Информация о Германии уходила в Токио от германской стороны. В результате его предательской деятельности пролилась японская кровь. Зорге нанес колоссальный ущерб, размеры которого трудноопределимы».

Телеграмма Лисснера разворошила осиное гнездо. Германский министр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп приказал немедленно начать расследование, а в Токио отправил срочную телеграмму с требованием объяснений. В этой телеграмме, адресованной послу Отту от 26 марта, говорилось: «Я требую от вас подробнейших ответов на поставленные ниже вопросы. Правда ли, что, как мне сообщили ранее, вы вели с Зорге личные разговоры и предоставляли его вниманию письменные материалы относительно различных вопросов внешней политики? Далее. Вы обязаны сообщить, в какой мере действия германского посольства и его отдельных представителей нанесли урон доверию японского правительства к правительству Германии...» В ответной телеграмме Отта говорилось следующее: «Ситуация с т. наз. инцидентом Зорге полностью соответствует изложенному в отправленной вам телеграмме от 9.01.1941 за № 60».

Одно время имевшие хождения «сведения» Лисснера постепенно исчезают, поскольку не имеют ни основания, ни содержательности, будучи простым собранием слухов. Теперь уже посол Отт стал требовать ареста Лисснера, сообщив в японский отдел расследований, что «шпион [Лисснер] распространяет слухи, играющие на руку врагам, за что заслуживает немедленного ареста». Беспардонное отрицание всего Оттом, похоже, смогло обмануть Риббентропа и его подчиненных. Они, вероятно, решили: «То, что Зорге получал в германском посольстве в Токио совершенно секретную информацию и радировал ее в Москву, не имеет никаких доказательств и является не более, чем предположением». Так писал 01.04.1942 заместитель министра иностранных дел Фон Вайзекер (Von Weizsäcker).

Однако по ходу расследования реальное положение в деле Зорге стало понятно даже бюрократам из МИДа. Посол Отт был смещен, и вместо него назначен личный друг Риббентропа Генрих Штамер (Heinrich Stahmer). Но и он был ущербен в расовом плане, что заставляло его действовать с большой оглядкой на начальство: его жена была еврейкой.

Все же никакие усилия уже не могли вернуть МИДу его чести и достоинства, и тогда он обернул свое оружие на того, кого до сих пор спасал от всяких опасностей – на Лисснера.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Вероятно, ошибка, следовало бы «с 1919».
(2) Ошибка. Р. Зорге и его группу арестовала *токко* – «специальная высшая полиция».

LISSNER – MIRROR IMAGE OF SORGE

A. Fesyun

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Maly Tryokhsvyatitelsky per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The biography of Ivar Lissner is presented. He worked in the Far-East in the 1930s and 1940s and actually repeated the fate of the Soviet Military Intelligence officer Richard Sorge.

Key words: Lissner, Germany, Fascism, Japan, USSR, Intelligence, Abvehr, Richard Sorge, Manchuria, China.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОСТОК И ЗАПАД: ПРИОРИТЕТЫ ЭПОХИ» (МОСКВА, 13 АПРЕЛЯ 2012 Г.)

Т.Б. Гвоздева

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

13 апреля 2012 г. на факультете гуманитарных и социальных наук РУДН кафедрой всеобщей истории была проведена конференция «Восток и Запад: приоритеты эпохи. Олимпийские игры: история и современность». В конференции приняли участие преподаватели кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, кафедры всеобщей истории РГГУ, кафедры древних языков института лингвистики РГГУ, кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького и научные сотрудники центра античной истории ИВИ РАН.

К участникам конференции с приветственным словом обратился заведующий кафедрой всеобщей истории д.и.н., профессор, С.А. Воронин. В своем обращении он отметил важность, актуальность и перспективность данного научного направления в работе кафедры. На конференции были заслушаны доклады, резюме которых приводятся ниже.

Заседание открыла **Т.Б. Гвоздева** (РУДН) с докладом «Олимпионики: история и легенда». Она отметила, что победители Олимпийских игр получали почетный титул олимпионика, который приносил им множество разнообразных материальных, сакральных и общественных привилегий. Олимпионики могли получить право кормления за общественный счет, денежные выплаты, пожизненный пенсион, право захоронения за общественный счет. Многим атлетам возводили именные стадионы (бегун Ладас) и гимназии, в которых ставили их статуи. В честь некоторых спортсменов чеканили монеты. Олимпионики считались воплощением великих героев мифов, которые

совершали не только спортивные, но и военные подвиги. Поэтому многие олимпионики возглавляли ополчение своих полисов. Как герои эпосов они вступали в единоборство с предводителями вражеского войска. Олимпионики часто становились судьями, казначеями, послами, руководили выведением колоний. В эпоху древней тирании они реально претендовали на политическую власть в своих полисах. Тираны, в свою очередь, старались подкрепить свой авторитет собственными Олимпийскими победами. Тираны Сиракуз часто «перекупали» олимпиоников. Однако самым важным стало осознание того, что олимпионик приблизился к богам, стал «любимцем» Зевса Олимпийского. Постепенно появлялись легенды о божественном происхождении величайших атлетов Эллады. Спортсменам приписывались невероятные подвиги и сверхъестественные способности. Им возводили статуи и посвящали хвалебные оды – эпиникии, в которых лучшие поэты современности прославляли род и полис олимпионика. В образе победителей Олимпийских игр переплелись два важные для Эллады идеи – с одной стороны, это извечный полисный сепаратизм, с другой – единение на подсознательном уровне перед лицом враждебного варварского мира. Олимпионики являлись воплощением лучших традиций и идеалов эллинского мира, который всегда противостоял миру варваров.

В докладе **Я.И. Зверева** (Литинститут) «Греческая агонистика архаического периода» было отмечено, что одной из интересных проблем истории архаической Греции является противоречие между племенным и локальным характером древнегреческих культов и общегреческим значением агона (состязания) в святилище Зевса Олимпийского. Кроме Олимпийского агона у ионийцев и дорийцев было еще несколько локальных агонистических праздников в разных районах греческого мира (закрытых для посторонних). Несмотря на то, что Олимпийский агон с самого начала развивался как локальный, и участие в нем принимали в основном выходцы из Пелопоннеса, а впоследствии и другие дорийцы, уже на раннем этапе в нем начали принимать активное участие представители аристократии Аттики. Особое значение для популярности агона имел характер состязаний, ориентированный на аристократическую военную элиту. До VI в. до н.э., когда основой полисной армии стала сомкнутая гоплитская фаланга, состязания в управлении колесницей и верховой езде, беге на различные дистанции, метании диска и копья, прыжках с места с грузом в руках и разных видах безоружного единоборства сохраняли военно-прикладное значение. Кроме того, значение для заинтересованности аттической аристократии в Олимпийском агоне должна была иметь территориальная, племенная и языковая разобщенность ионийцев, среди которых афиняне занимали особое положение и более других общались и смешивались с северо-западными греками.

Доклад **Л.Ю. Герасимовой** (РГГУ) «Архитектурно-скульптурный ансамбль Олимпии после Греко-персидских войн» был посвящен выявлению особенности функционирования Олимпии в период Греко-персидских войн

и непосредственно после них, а также исследованию элементов архитектурно-скульптурного ансамбля Олимпии. Во второй четверти V в. до н.э. в святилище имела место масштабная перепланировка, отразившая возрастание значимости Олимпии и Игр. Центром святилища становится раннеклассический храм Зевса, программа художественного оформления которого была адресована всем грекам. В Олимпии появляется союзное посвящение в благодарность за победу при Платеях – статуя Зевса. Посвящения, тематически связанные с победами над другими варварами или с мифическими событиями Троянской войны, также апеллировали к чувству эллинской уникальности. Наряду с этим в архитектурно-скульптурном ансамбле святилища также присутствовали свидетельства межгреческих конфликтов. Но можно утверждать, что Греко-персидские войны способствовали появлению в Олимпии ряда посвящений, символизировавших единство греческой цивилизации перед лицом остального мира и свидетельствовавших о зарождении панэллинских идей, включавших в себя как осознание противоположности греческого и варварского миров, так и идею регулирования отношений между греческими полисами, объединения греков ради достижения общих целей.

Доклад **Л.Л. Селивановой** (ИВИ РАН) «Олимпийские и Пифийские игры: общее и особенное» был посвящен вторым по значимости после Олимпийских общегреческих игр – Пифийским играм в Дельфах в честь Аполлона. Селиванова Л.Л. отметила, что Пифийские игры не стали таким же объектом изучения, как Олимпийские. Но их необходимо изучать и сопоставлять с другими, прежде всего с Олимпийскими, как проявление разных систем, разных школ агонистики в Греции. 590 г. до н.э. – официальная дата проведения первых Пифийских игр, однако они существовали задолго до этого, возможно, уже в ахейский период. Пифийские игры проводились в третий год Олимпиады. Накануне жрецы объявляли о священном перемирии (экехерии), длившемся три месяца. Программа состязаний повторяла олимпийскую, но акцент при этом делался на музыкальные, а не на атлетические состязания. Победа в Дельфах не была самоцелью, в отличие от других игр, ориентированных на силовое превосходство, главным считалось развитие духовное, без которого любая победа не имела ценности. Сущностное отличие Пифийских игр по сравнению со всеми прочими заключалось в их принципиальной гуманистической направленности.

Е.В. Булычева (РГГУ) в докладе «Финансирование празднеств в древней Греции (на примере Аттике)» отметила, что панэллинские игры (Олимпийские, Пифийские, Немейские, Истмийские) являлись весьма масштабными зрелищами, имеющими большое значение для греческих полисов. На их проведение требовались немалые средства, которые выделяли как целые полисы, так и отдельные граждане. Одним из источников финансирования были доходы, полученные от сдачи в аренду земель различных объединений полиса (демов, фил, оргеонов), о которых мы осведомлены благодаря сохранившимся надписям (IG II^2 1172, 2492, 2498, 2499, GHI 37). Изучение мате-

риала надписей позволяет установить, что на финансирование мероприятий тратились как денежные средства, так и натуральные поступления, в виде выращенной продукции, определенной доли урожая. Кроме того, в некоторых случаях арендаторам предписывалось выполнять определенные виды строительных и ремонтных работ, необходимых для поддержания чистоты и порядка в святилищах, где проводились жертвоприношения и различные религиозные церемонии в честь каких-либо празднеств (IG II^2 2492, 2499). Для организации и контроля за проведением мероприятий назначались специальные должностные лица. Начиная с V в. до н.э. особая роль в контроле за поступлением средств от аренды на религиозные церемонии принадлежала архонту-басилевсу. В каждом деме были демархи, проводившие необходимый контроль. В организации оргеонов необходимые действия, связанные с распределением средств, осуществляли гестиархи. В заключение Е.В. Булычева сделала вывод о том, что участники арендной операции проявляли финансовую активность в жизни гражданского коллектива. Доходы от аренды являлись своего рода резервным фондом, используемым в интересах граждан, прежде всего на проведение каких-либо мероприятий, среди которых могли быть и знаменитые панэллинские игры.

Т.Г. Лисицына (изд-во «Арт-Родник») в докладе «Женские состязания в ритуалах празднеств Артемиды Бравронии» пояснила, что с аттическими святилищами Артемиды был связан особый тип расписных сосудов – так называемые кратериски с изображениями различных ритуальных сцен. Особую группу среди них составляют сцены женских состязаний в беге. Письменные источники не сообщают о каких-либо атлетических состязаниях на аттических празднествах в честь Артемиды, но особенности иконографии позволили Т.Г. Лисицыной вписать данные сюжеты в общий круг представлений о богине как покровительнице девушек, связать их с упомянутым у некоторых античных авторов обрядом *arkteia* и мифологией Бравронского святилища. Поскольку основная часть кратерисков и их фрагментов была найдена в этом святилище, а их датировка совпадает со временем его активного расширения и благоустройства, можно предположить, что состязания были частью программы пятилетнего празднества Бравроний. Этот крупный праздник имел более широкое значение, нежели девичьи и женские обряды в других святилищах Артемиды, в нем нашли отражение представления о богине, как защитнице границ и покровительнице территории полиса. Его организация, по всей вероятности, соответствовала общей модели устройства крупных греческих празднеств, включавших в себя процессию, жертвоприношения и различные состязания.

И.А. Гвоздева (МГУ) в докладе «Агоны и спортивные зрелища эпохи Августа в “Энеиде” Вергилия» отметила неоднозначное отношение римлян к греческой спортивной культуре. С одной стороны, они любили спортивные зрелища, с другой – презирали обычай греков состязаться обнаженными. Все изменилось в эпоху Августа. Принцепс возобновил традиции Троян-

ских игр, устраивал навмахии, состязания бегунов и кулачных бойцов. Эти агоны нашли отражение в главном эпосе римлян – «Энеиде» Вергилия. Вергилий писал поэму по заказу Августа, сознательно подражая эпическому наследию Гомеру. В V песне поэмы Вергилий ввел сцену погребальных игр в память Анхиса (XXIII песнь «Илиады» посвящена погребальным играм в честь Патрокла). Однако Вергилий включил в «тризну по Анхису» только пять состязаний: гонки на кораблях, бег, кулачный бой, стрельбу из лука, состязание отрядов вооруженной кавалерии. Вергилий выбрал те агоны, которые были в Риме в эпоху Августа наиболее широко известны. Первое и последнее состязания были связаны с популярными навмахиями и Троянскими играми. В состязании кораблей поэт показал прародителей древних патрицианских родов (Сергиев, Эмилиев-Мамерков), а в состязании отрядов кавалерии юного Юла, от которого вели свое происхождение Юлии и сам Август.

Доклад **В.О. Никишина** (МГУ) «Цицерон и античная спортивная культура» был посвящен прославленному оратору, политическому деятелю и адвокату Марку Туллию Цицерону, который был страстным поклонником эллинской культуры. Обладая репутацией «филэллина», он считал возможным публично демонстрировать свое пристрастие ко всему греческому, не боясь при этом уронить свое достоинство римского сенатора и промагистрата. В одном из писем Цицерон признался, что «жить по-человечески» для него означает вести «образ жизни, полный досуга». Одним из неотъемлемых элементов этого образа жизни была спортивная культура, возникшая в Греции и отчасти заимствованная римлянами, в целом равнодушными к спорту в частной жизни как к элементу воспитания и способу времяпрепровождения. В.О. Никишин отметил, что Цицерон не был чужд этой культуре: будучи в Греции, он посещал палестры и гимнасии, неплохо разбирался в деталях спортивных состязаний и не жалел сил и средств ради украшения помещений для занятий спортом в своих многочисленных поместьях. «Спортивная» тематика присутствует не только в его письмах, но и в речах и трактатах. Однако отношение Цицерона к эллинской культуре в целом и к спорту в частности было в основе своей чисто утилитаристским: великий оратор не столько восхищался эллинским гением, сколько отдавал дань моде того времени.

Доклад **А.В. Сафронова** (МГУ) «Мезоамериканская игра в мяч: ритуальный культ или спортивное состязание?» был посвящен особой ритуальной традиции – игре в мяч, которая складывается в конце II тыс. до н.э. в Мезоамериканской цивилизации и которая на начальном этапе своего развития была связана с культом плодородия. Ритуал был представлен в виде спортивного агона, в котором состязались две команды, соревнующиеся на специальной прямоугольной площадке – стадионе, игра велась массивным каучуковым мячом, а ее цель состояла в том, чтобы перебросить мяч с помощью ударов локтями и бедрами на половину поля противника. В I тыс. до н.э. этот ритуал получает широкое распространение среди всех значимых культур Мезоамерики: ольмеков, сапотеков, майя, науа и других. Для этого

времени характерны находки стадионов, рельефов с изображением игры в мяч, статуэток игроков. В классический период истории Мезоамерики (I тыс. н.э.) игра теряет свое первоначальное значение и прочно связывается с ритуально-мифологической традицией, представляя космологическую концепцию народов Мезоамерики. Зачастую в ней разыгрывался миф о борьбе божественных сил с владыками подземного мира. Игру в мяч стали дополнять ритуалы человеческих жертвоприношений, а на определенном этапе игра заняла важное место в системе междинастических отношений. В частности, у древних майя игра в мяч была одним из неотъемлемых атрибутов жизни элиты. Традиция игры в мяч просуществовала вплоть до начала XVI в., когда с ней познакомились испанские конкистадоры, оставившие ее более-менее подробное описание. Вероятно, в позднейший период истории Мезоамерики игра в мяч стала превращаться более в спортивное состязание, осуществлявшееся профессиональными игроками. Однако разрушение мезоамериканской цивилизации в XVI в. привело к полному исчезновению данного религиозного культа.

Доклад **С.В. Вепрецкого** (МГУ) «Игра в мяч в монументальной традиции археологического городища Ла-Корона» был посвящен археологическому городищу Ла-Корона, которое в классический период являлось центром княжества под названием Сакникте’. Несмотря на незначительные размеры, княжество имело огромное значение для Кану’льской державы, в которую оно входило. Взаимоотношения между Кану’лем и Сакникте’ всегда были очень тесными, так как вассал нуждался в сильном защитнике, а сюзерен за счет выгодного географического положения Сакникте’ распространял свое влияние на Западный регион. Именно этим и обоснован тот факт, что в Ла-Короне было создано большое количество монументов с иероглифическими текстами. Среди них есть целый ряд панелей, посвященных игре в мяч. Вепрецкий С.В. на основе эпиграфического материала данных монументов пришел к выводу, что игра в мяч как ритуал также являлась отражением тесных взаимоотношений между Кану’лем и Сакникте’.

Т.Б. Гвоздева, Я.И. Зверев (РУДН, Литинститут) в совместном докладе «Хронология Олимпийских игр (античных и современных)» отметили, что Олимпийские игры были пентетридой, т.е. проводились через 4 года на каждый *пятый* год в месяцах Аполлоний и Парфений по элейскому календарю. Дата начала праздника не была постоянной и определялась особой комиссией в первое полнолуние после летнего солнцестояния. Популярность Олимпийских игр была такова, что по периодически повторяющимся Олимпиадам в III в. до н.э. сицилийский историк Тимей ввел летоисчисление. Начиная с Эратосфена вся греческая хронология строится на датах Олимпиад. Это предполагало наличие списка олимпийских победителей. Первый список победителей Олимпийских игр был составлен софистом Гиппием из Элиды (к. VI – н. V в. до н.э.). В к. V в. до н.э. был составлен список логографа и аттидографа Гелланика. Эту работу продолжили авторы IV–III вв. до н.э. Аристотелю приписывался труд «Олимпийские победите-

ли», который позднее дополнил Эратосфен. Поздние авторы также вносили дополнительные сведения. В IV в. н.э. перечни Олимпийских игр (с 1-й по 249-ю) включил в свою «Хронографию» Евсевий Кесарийский. Современные Олимпийские игры традиционно носят двойное название. Официальное название, введенное в конце XIX в., восстанавливает древнегреческий счет времени по 4-летним отрезкам – олимпиадам (начиная с 1896 г.), и каждые Игры привязываются к определенной олимпиаде. Однако в обиходе счет по олимпиадам не прижился, и более распространенным стало обозначение Олимпийских игр по году их проведения. Само же слово «Олимпиада» стало неправильно использоваться для обозначения собственно Олимпийских игр.

Доклад **К.Г. Баэс Лопес** (РУДН) «Первые региональные игры Центральной Америки и Карибского бассейна» был посвящен местным Панамериканским играм, которые стали удачной попыткой развития спортивного духа атлетов этого региона на Олимпиадах. Отсутствие или наличие какого-либо вида спорта и их обилие показывало экономические возможности страны-организатора. Иногда некоторые виды спорта исключились из программы игр, так как считались дорогостоящими. В странах Центральной Америки и Карибского бассейна в силу климатических условий не сложилась традиция зимних видов спорта и делается акцент на водные виды спорта и на легкую атлетику. Со временем у каждой страны наметилась традиция превосходство по одному или нескольким видам спорта: у Кубы – бейсбол, у Мексики – плавание и т.д. Программа Панамериканских игр учитывает национальные особенности района и поэтому включает такие виды спорта, как боулинг, домино и т.д., которые не являются частью программы Олимпийских игр.

* * *

Все доклады были выслушаны присутствующими с большим интересом. Докладчикам были заданы вопросы, ответы на которых переросли в научную дискуссию. В заключение все участники конференции высказали удовлетворение работой ее организаторов и высоким научным уровнем докладов, выразив надежду на дальнейшее сотрудничество.

«THE OLYMPIC GAMES: HISTORY AND THE PRESENT» ACADEMIC CONFERENCE «THE OCCIDENT AND THE ORIENT: PRIORITIES OF THE AGE» (MOSCOW, 13 APRILS, 2012)

T.B. Gvozdeva

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

К ВОПРОСУ О ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА (М.Я. СЮЗЮМОВ – А.П. КАЖДАН)

М. Цмилянич

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется научная полемика о судьбе византийских городов в период «темных веков». Отечественные византинисты многие годы вели дискуссию по проблеме континуитета византийского города. М.Я. Сюзюмов был сторонником теории континуитета, а его оппонент А.П. Каждан – теории дисконтинуитета.

Ключевые слова: М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, Византия, византиноведение, город, ремесло, торговля, средние века, феодализм, Константинополь.

Проблема города является одной из приоритетных тем в мировом византиноведении XX в. Крупный вклад в ее разрешение внесли советские исследователи. При этом внутри российской науки не было единодушия по этому вопросу. Более того, здесь разгорались жгучие научные споры и дискуссии. Весьма интересной для изучения представляется научная полемика по вопросу об эволюции византийского города, которая развернулась между М.Я. Сюзюмовым и А.П. Кажданом.

А.П. Каждан был сторонником концепции дисконтинуитета византийского города. Он пытался ответит на вопрос: был ли город потребителем или производителем?

Для этого историка город (Константинополь) в переходный период прежде всего был потребителем и жил за счет налогов. Городское ремесло в позднее время обслуживало императорский двор и знать. Деревня сохраняла отдельные виды ремесел, обслуживающие повседневные нужды села, и крестьяне приходили в город только для того, чтобы выручить деньги для уплаты налога (1).

М.Я. Сюзюмов считает, что нельзя модернизировать понятие «город», сводя его исключительно к понятию экономического центра товарного производства (2). Для М.Я. Сюзюмова сущность проблемы заключалась в том, возникли ли средневековые города Византии в результате внутреннего развития экономики переходного времени, выделения ремесла из сельского хозяйства или же эти города включились в процесс феодализации общественного строя уже в готовом виде.

В Византии разложение рабовладельческих отношений и становление феодальных институтов происходили при сохранении греческой народности, непрерывном функционировании государственного аппарата, при наличии товарности хозяйства, а также традиций античной культуры. В переходный период уменьшается значение рабского труда в городском производстве и усиливается роль наемного труда; мелкие рабовладельцы разорялись, развивалось свободное ремесло, объединявшееся в коллегии. В противоположность западноевропейским ремесленно-торговым объединениям, возникавшим в городах в условиях развитого феодализма, полного расцвета феодальных институтов в деревне, византийские корпорации и объединения наемных работников создавали, по терминологии V в., «монополии» в своих экономических интересах. Византийское ремесло находилось в преемственной связи с позднеримским, в то время как на Западе оно утвердилось в городах на базе развития феодальной деревни (3).

В своей диссертации М.Я. Сюзюмов отметил, что такие города-эмпории, как Константинополь и Фессалоники, возникли не в эпоху феодализма, как было на Западе, а являлись прямым продолжением античных городов без какого бы то ни было перерыва в их экономических функциях. Они перешли в средневековье в готовом виде. Поскольку товарное производство в Западной и большей части Восточной Европы в IV–V вв. разрушилось, крупные города Византии сделались единственными центрами, обслуживающими феодализируюшееся общество (4).

З.В. Удальцова и А.П. Каждан в статье «Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии» оспаривали эту теорию М.Я. Сюзюмова, отмечая в качестве доказательства изменение форм организации производства в византийском городе по сравнению с античным и экономический упадок городов в VII–VIII вв. (5). Теория М.Я. Сюзюмова, согласно которой города перешла в средневековье в готовом виде, с точки зрения А.П. Каждана неубедительна и вызывает ряд вопросов, например:

1) какие причины определили сохранение таких крупных центров, как Константинополь или Солунь, в условиях общей аграризации византийской экономики?

2) даже признавая сохранение значительного по средневековым масштабам товарного производства в византийских городах-эмпориях, можно ли говорить о том, что социальная организация производства оставалась здесь прежней в новых условиях феодализма?

3) почему в то время как провинциальные города империи переживают подъем в XI–XII вв., в константинопольском ремесле замечается упадок? (6).

Концепция континуитета М.Я. Сюзюмова базируется на отношении к городу как многофункциональному институту.

При наличии континуитета государственной власти юридический статус города не обязательно подразумевал некоторые права самоуправления по типу античного или средневекового города. Но самое признание центральной властью какого-то населения «городом» безусловно было связано с выполнением в этом населенном пункте каких-либо государственных или церковных управленческих функций.

В городе значительно увеличивалось количество лиц из числа административного аппарата обслуживающего персонала. Город как центр управления был и субъектом легализованного грабежа и своих трудящихся, и побежденных враждебных народностей, но в то же время заманчивым потенциальным объектом грабежа со стороны враждебных сил. Мелкий провинциальный город с развитием сельской свободной общины не мог быть производственным центром. Он становился центром ремесла и обработки того материального сырья, добыча и производство которого остались навсегда за внегородским поселениями и деревней.

При наличии натурально-хозяй-ственной периферии город был мощным стимулом превращения натуральнохозяйственного продукта в товар. В первую очередь это превращение продукта сельского хозяйства в товар осуществлялось путем внеэкономического давления – налогового обложения населения деревни (7).

Ремесло и торговля было свободны, но города не имели никакого самоуправления и зависели от стратига и должностных лиц. Управление города со стороны государства или церкви стимулировало концентрацию здесь товарно-производственных отношений. В обстановке постоянной военной опасности город стал в первую очередь центром военной организации, но конечно, он не мог обходиться без соответствующего развития экономики. Поэтому в терминологии источников VII – середины IX в. наименования «кастрон» (крепость) и «полис» переплетаются (8).

Вместе с тем, не отрицая торгово-производственной функции, историк выделяет при анализе как равноправные и другие функции: административно-фискальную, судебную, военную, церковную, епископскую, культурную. Только в наиболее крупных городах, таких как Константинополь, Фессалоники, Эфес, все эти функции были сосредоточены. Другие города, в зависимости от преобладания в данном городе того или иного типа эксплуатации, историк разделяет на несколько типов: административно-фискальные и судебные центры, военные центры, центры церковные и епископские, а также торговые города, транзитные пункты морской и сухопутной торговли (9).

И для А.П. Каждана, и для М.Я. Сюзюмова упадок городов начиная с первой четверти VII в. несомненен. Письменные источники, как и археоло-

гические материалы, говорят не только об упадке городов, но и о разрушении некоторых из них в результате нашествий (10).

Если говорит о городе как производственно-товарном центре, то наиболее показательно уменьшение количества монет середины VII – середины IX в., найденных при раскопках на территории византийских городов. Это резкое уменьшение находок свидетельствует об ослаблении связей с соседними странами в VIII и IX вв., но не и об их исчезновении. Прекращение или ослабление этих связей в отдельных случаях может быть объяснено политическими событиями и, в первую очередь, арабским завоеванием (11).

Анализируя находки монет на территории Византийской империи, где число монет VIII и IX вв. крайне незначительно, А.П. Каждан пришел к выводу, что уменьшение византийских монет, находившихся в обращении за пределами империи, которое наблюдается в эти столетия, объясняется влиянием внешнеполитических факторов, изменением положения византийских городов, ослаблением товарности хозяйства и ростом натурально-хозяйственных тенденций (12).

Причины упадка городов М.Я. Сюзюмов видит в вражеских нашествиях, частых эпидемиях, значительном сокращении внутренней торговли вследствие опасностей сухопутных путей в VII–VIII вв., когда фактически граница была закрыта из-за набегов, переселением в Константинополь ремесленников или из провинциальных городов в результате эпидемий или для проведения общественных построек (13). Но, по мнению А.П. Каждана, внешнеполитические факторы не могли значительно повлиять на упадок городов в VII–VIII вв.: «ведь разрушение городов в древности или в средние века действительно было весьма частым, но города всякий раз возникали вновь, если только существовала в них экономическая потребность».

Согласно его точки зрения, вопрос заключается не в том, отчего разрушены были позднеримские города, а в том, отчего, разрушенные в VII в., они почти два столетия не могли оправиться. Ответ на этот вопрос историк видит в кризисе рабовладельческого способа производства и расселении соседних племен на территории империи. Все это привело к тому, что центр экономической жизни страны переместился из города в деревню (14).

На основы археологических данных А.П. Каждан пришел к выводу, что с падением рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи постепенно исчезают почти все античные рабовладельческие полисы на Балканах и в Малой Азии. М.Я. Сюзюмов не возраждает против этого заключения своего оппонента, однако не может согласиться со степенью упадка городов (15).

А.П. Каждан, в свою очередь, доказывает, что на Балканах только одна Солунь бесспорно сохраняла традицию греко-римского города. Остальные античные города прекратили свое существование или аграризовались в VI–VII вв. (Стоби, Филипп, Новый Анхиал). Некоторые из них никогда уже вновь не стали городами, на месте других с конца IX в. начали складываться

новые средневековые города (Афины, Коринф). Что касается древних городов Малой Азии, то они переживали в период перехода к средневековью глубокий упадок: одни из них (подобно Корику и Пергаму) исчезли или аграризовались, другие (как Эфес) значительно сократились в размерах (16).

М.Я. Сюзюмов не считает аграризацию византийского города в периоде «темных веков» дезурбанизацией. В VII в. площадь городских владений сокращается, города сосредоточиваются вокруг внутренних укреплений, вокруг которых находились земли, которые использовались в качестве пастбищ, виноградники или пригородные сады. С разложением рабовладельческого строя, с сокращением размеров прибавочного продукта, сосредоточенного главным образом в руках господствующего класса, уменьшилась платежеспособность, а следовательно, сократились спрос на предметы роскоши, соответственно, значительно сократилось и товарное производство, которое ограничилось в основном производством сельскохозяйственных товаров. Однако подобную аграризацию нельзя считать дезурбанизацией (17).

И Сюзюмов и Каждан особенно подчеркивает значение существования Константинополя. Этот μεγαλοπολις оказывал большое влияние на периферию и распространение товарного производства и обращение. Сохранение Константинополя как крупного ремесленного центра в раннее средневековье, по А.П. Каждану, было связано с его исключительным положением. Потребности императорского двора, армии и чиновничества создали повышенный спрос на ремесленную продукцию, прежде всего на предметы роскоши и оружие, и способствовали сохранению высокого уровня ремесленного производства столицы даже во время общей аграризации империи (18).

Два крупных ученых так и не пришли к согласию. Следует отметить, тем не менее, что оба они внесли крупный вклад в мировое византиноведение, где и поныне сохраняются эти две точки зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Поляковская М.А.* Из истории отечественной византинистики: М.Я. Сюзюмов и А.П. Каждан (по материалам эпистолярия) // Мир Александра Каждана. – СПб. – С. 80–81.

(2) *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник (далее – ВВ). – 1967. – Т. 27. – С. 47–49.

(3) *Сюзюмов М.Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. – 1956. – Т. 11. – С. 60; Византийская Книга Эпарха / Пер. и коммент. М.Я. Сюзюмов. – М., 1962; *Сюзюмов М.Я.* О функциях средневекового города // Античная древность и средние века (далее – АДСВ). – 1977. – Вып. 14.– С. 36; *Сюзюмов М.Я.* Византийский город… – С 38.

(4) *Сюзюмов М.Я.* Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма: Автореф. дисс. … д.и.н. – Свердловск, 1953; *Сюзюмов М.Я.* Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. – 1956. – Т. 8. – С. 27–30.

(5) *Удальцова З.В., Каждан А.П.* Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // Вопросы истории. – 1958. – № 10. – С. 88–89.

(6) *Удальцова З.В., Каждан А.П.* Некоторые нерешенные проблемы… – С. 92.

(7) *Сюзюмов М.Я.* О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе АДСВ. – 1965. – Вып. 3. – С. 5–16; *Сюзюмов М.Я.* О функциах... – С. 36.

(8) *Сюзюмов М.Я.* О роли закономерностей… – С. 6; *Сюзюмов М.Я.* О функциях… – С. 38; *Сюзюмов. М.Я.* Византийский город... – С. 39–40.

(9) *Сюзюмов М.Я.* О роли закономерностей… – С. 10; *Сюзюмов М.Я.* О функциях… – С. 39; *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 50.

(10) *Поляковская М.А.* Из истории… – С. 80–81; *Каждан А.П.* Город и деревня. – С. 247–248; *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 41.

(11) *Каждан А.П.* Византийские города в VII–XI вв. // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 166–170.

(12) *Каждан А.П.* Византийские города... – С. 171–173.

(13) *Сюзюмов М.Я.* О функциях… – С. 39; *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 43–44.

(14) *Удальцова З.В., Каждан А.П.* Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // Вопросы истории. – 1958. – № 10. – С. 88–90.

(15) *Сюзюмов М.Я.* Город // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 24.

(16) *Каждан А.П.* Византийские города в VII–XI вв. // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 176–188.

(17) *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 47–49.

(18) *Удальцова З.В., Каждан А.П.* Некоторые нерешенные проблемы… – С. 92.

THE DISCUSSION ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE BYZANTINE CITY (M. SYUZYUMOV – A. KAZHDAN)

M. Cmilyanich

World History Chair
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is about the fait of the Byzantine cities during the «dark ages». Two major Russian Byzantine scientists spent years discussing on the continuity of the Byzantine city. M. Syuzyumov was a supporter of the theory of continuity, and his opponent supported the discontinuity theory.

Key words: M. Syuzyumov, A. Kazhdan, Byzantium, Byzantine, city, craft, trade, the Middle Ages, feudalism, Constantinople.

НАШИ АВТОРЫ

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

КУРЫЛЕВ Константин Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.
E-mail: kuryljov@narod.ru

ПЕТРОВ Дмитрий Игоревич – магистрант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.
E-mail: yurikeai@hotmail.com

СИЗИКОВА Виктория Александровна – кандидат политических наук, менеджер по управлению операционными рисками Фольквaген Груп Финанц ООО.
E-mail: sizikovav@mail.ru

САЛАМОВ Эльдар Валерьевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.
E-mail: eldarsalamov@gmail.com.

СЕЛИВЕРСТОВА Юлия Андреевна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, старший преподаватель кафедры восточной филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: yuseliverstova@hse.ru

ФЕСЮН Андрей Григорьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры цивилизационного развития Востока Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: afesyun@hse.ru

ЦМИЛЯНИЧ Милена – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.
E-mail: milenacmiljanic@yahoo.co.uk

ШЕН Йунус Нади – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.
E-mail: enyunus@gmail.com

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

Научный журнал

Серия
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2013, № 2

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Н.В. Малаховская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Всеобщая история»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-12-12
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Подписано в печать 13.05.2013. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 12,09. Тираж 500 экз. Заказ № 92
Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419; тел.: (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

Scientific journal

Series
WORLD HISTORY

2013, № 2

Managing editor *T.O. Sergeeva*
Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *N.V. Malahovskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «World history»:
Miklukho-Makhlaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-12-12
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-42

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал **37025**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Всеобщая история»

Количество комплектов:

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал **37025**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Всеобщая история»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ